

Коренные буддийские концепции

На сегодняшнем языке

(මුල් බෞද්ධ සංකල්ප - අද භාෂාවෙන්)

Roberto Arruda

Коренные буддийские концепции На современном языке

Третье издание Пересмотренное и обновленное – сентябрь
2023

Roberto Thomas Arruda, 2021/2023 г.

Другие недавние издания автора:

«Моральные архетипы — Этика в предыстории» (2019) Формат PDF <https://philpapers.org/rec/ARRMAI> — отредактированная книга, 146 страниц.

«Слепые тени Нарцисса: психосоциальное исследование коллективного воображения» (2020) Формат PDF <https://philpapers.org/rec/THOTBS-3>, отредактированная книга, 243 страницы.

«Космовидения и реальности — философия каждого» (2023 г.) — формат PDF: <https://philpapers.org/rec/ARRCAR>, книга под редакцией, 263 страницы.

Автор является членом следующих организаций:

The American Philosophical Association (APA).

The British Society for Ethical Theory (BSET).

The Metaphysical Society of America (MSA)

The Philosophical Society of England

The Social Psychology Network

The International Association of Language and Social Psychology

The Society for Study of the History of Analytical Philosophy

Обложка: цифровая графика автора.

Индекс

Индекс	4
Примечание	5
Введение	6
Почему этот текст?	7
Три драгоценности(Тиратана)	17
Первая драгоценность (Учение)	18
Вторая Драгоценность (Дхарма)	57
Третья драгоценность (Сангха)	63
Практики	69
Карма	79
Иерархия Существ, Шесть Королевств и обожествление архетипов	85
Самсара, колесо жизни	94
Буддизм и религия	100
Этика	106
Резня в Калинга, завоевание истины Резня в Калинга, завоевание истины	115
Закрытие (речь о добротe)	129
Приложение 1 – Дхаммапада	132
Приложение 2. Сатипаттхана-сутта: Основы осознанностиМН	174
Приложение 3 – Уведомления об авторских правах	193
Приложение 4 – Библиография	204/216

1

Примечание

Эта книга не в продаже. Это исключительно цифровое издание в формате PDF, доступное для всех на <https://philpeople.org/profiles/roberto-thomas-arruda>, исключительно для личных, исследовательских и культурных целей.

Публикация бесплатна для скачивания, личного использования и распространения, при условии, что не взимаются цены, сборы, другие взносы или пожертвования, и никакие изменения в тексте не происходят.

Книга содержит канонические тексты, переведенные непосредственно несколькими переводчиками. Ограничения авторских прав, применимые к каждому из этих переводов, описаны в Приложении 3, поэтому мы просим вас обратить ваше внимание и уважение.

2

Введение

Эта книга является результатом заметок, черновиков и других университетских работ, написанных в разное время и в различных ситуациях, которые я сохранил как нечто, что однажды можно будет организовать как пояснительное издание.

Текст составлен по просьбе моей жены Деде, которая с подросткового возраста выстилает мою Дхарму любовью, добротой и нежностью, чтобы долгая дорога облегчилась моим упрямым ногам.

Это книга, написанная современным и обычным жителем Запада для других жителей Запада, кем бы они ни были. Это не академическая работа, потому что она направлена только на разоблачение, а не на демонстрацию. Это также не религиозный текст, поскольку я, по сути, исследователь-рационалист. Он содержит именно то, что я несу с собой из обширных исследований, анализа и личного изучения, как индивидуальный объект, от которого я не могу себя отделить. Причиной этих усилий является мое осознание огромного невежества (и даже презрения), которое мы культивируем по отношению к культурам, отличным от нашей. Пожалуй, именно эти моменты мне свойственны в данной работе, потому что о буддизме уже все сказано и написано.

Я посвящаю его моей жене, всем моим друзьям, профессору Роберту Турману из Университета Колумбии (Нью-Йорк) за его учения, и всем тем, кому эта книга может каким-либо образом принести пользу.

Этот текст требует размышлений. Я предлагаю прочитать его только тогда, когда вы находитесь в вашей неприкосновенности.

3

Почему этот текст?

Адекватные знания о буддизме необходимы для образования и культуры каждого, кто не хочет быть еще одним отчужденным членом стада, бессознательно переживающего технологическую революцию.

По стандартам и ценностям нашей западной культуры мы больше привыкли смотреть вовне, чем внутрь себя. Другие культуры могут помочь нам расширить и углубить наше видение реальности и жизни; и пришло время это сделать.

Если кто-то спросит вас о буддизме, скажите, что это древнее гуманистическое учение. Коренной буддизм – это именно это, а не многое другое, о чем мы слышим и читаем. Более того, надо сказать, что это учение нетрудно понять, но его действительно трудно практиковать.

Чтобы понять это нашим западным умом, не обязательно владеть санскритом и пали или сверяться с папирусами и пергаменами в подвалах музеев. Не обязательно брить волосы или носить восточную одежду. Вам не нужно есть стебли бамбука, делать татуировки на теле, придумывать себе прозвище на хинди, расставлять мандалы в офисе, зажигать благовония по всему дому и произносить мантры на закате, к изумлению вашей собаки.

Этот текст не об эзотерике, воображаемых мистических ритуалах, политеистических погружениях, онлайн-программах самопомощи, экзотических и чудесных религиях или других современных фантазиях, честных или нет, созданных для исследования страданий, которые мы несем как люди.

Это всего лишь гуманистическое учение, называемое буддизмом, которое рационально понятно. Знайте, однако, что ее практике нужно посвятить всю свою жизнь без ограничений. В этом и заключается очарование, которое буддизм предлагает нашему уму.

Буддизм можно понять с нуля с помощью современного языка и знаний и установить его связь с современной мыслью и ее источниками.

Благодаря этому можно углубить и расширить наше представление о совместимости этих древних принципов с нашим современным образом жизни и познания.

Требуемое для этого исследование достаточно трудоемкое. Буддизм — это предмет, лежащий в основе гигантской литературной, культурной и исторической горы.

Чем ближе мы подходим к его первоначальной концепции, тем более глубокие и объемные раскопки нам предстоит провести. Эта гора состоит из двух отдельных частей: академической литературы (включая монастырскую литературу) и обычной литературы. Вся научная литература противоречива из-за подлинности источников, лингвистических вопросов, качества переводов древних документов, культурных и идеологических влияний и т. д. С другой стороны, мы можем подсчитать, что девяносто процентов обычной литературы и средств массовой информации имеют неправильное или ложное содержание. Им не хватает аналитической и критической заботы о научной методологии, и, с другой стороны, они таят в себе всевозможные изобретения, культурные и когнитивные недостатки, предположения и даже преднамеренную ложь. Вы можете найти тысячи буквальных цитат Будды с помощью быстрого поиска в Google; подавляющее большинство из них являются «фейковыми», и тот, кто их комментирует и пропагандирует, является самозванцем.

Поэтому наше путешествие должно быть осторожным.

Под коренным буддизмом понимается все содержание философского, доктринального и социокультурного движения, инициированного и развитого Сиддхартхой Гаутамой (Лумбини, Непал — 563 г. до н. э.) вплоть до Калингской войны (Индия — 260 г. до н. э.).

После этой даты многое произошло вокруг или вследствие учения Сиддхартхи Гаутамы, не добавляя ничего существенного к его учению просто потому, что это всегда была целостная система, в которой ничего не упускалось и ничего не следовало добавлять.

Тем не менее, после войны в Калинге, мы видим, что ряд культурных, политических, экономических и религиозных событий и интересов различных ведических, брахманских и других культур стали известны буддизму. Они начали извлекать буддийские фрагменты, концепции, тексты, аргументы, ссылки и другие элементы и применять их в своих разнообразных контекстах.

Быстро возникло множество течений и школ, таких как Махаяна, Сарвастивада, Мамитрия, Мадхаяна, Йогачара, Тантра и многие другие, несущие части или фрагменты буддизма в котел других концепций.

Таким образом, буддизм стал характеризоваться бурной культурной относительностью и религиозным загрязнением, которые мы можем видеть в бесчисленных вариантах, которые он приобрел с течением времени. Чем больше росла эта относительность, тем менее заметным становился корень буддизма, который является единственным набором понятий, который действительно интересует нас в данной работе. Мы уважаем все выводы и преобразования, последовавшие за вышеупомянутым периодом, но не имеем никакого реального интереса.

Соответствующим примером этого смешения между буддизмом и индуистским и ведическим контекстами является течение Махаяны, возникшее во II веке до нашей эры. Они

представляют собой целый контекст архетипической мифологии, представленный архаическими обожествлениями, адаптированными к соответствующим культурным обстоятельствам, а также предлагают разделение оригинальной буддийской существует две части космологии: индивидуальное транспортное средство, соответствующее первоначальному учению Сиддхартхи Гаутама, и так называемые "универсальные средства распространения", обширная космологическая концепция.

Цепочка началась с монаха Нагарджуны в виде набора понятий и наставлений, которые Сиддхартха якобы приберег для и которые через двадцать поколений после его смерти были переданы ему, Нагарджуне, как откровение. Носителями откровения будут полубоги, называемые Нагами (также название древнего племени на Шри-Ланке), имеющие полиморфное тело, наполовину змеи, наполовину человека. Благодаря такой морфологии эти змеи могут быть полезными или злыми. Говорят, что Сиддхартха оставил эти изначально тайные учения на попечение Нагов, чтобы они в свое время могли передать их тому, кому будет указано, в данном случае именно самому Нагарджуне.

На самом деле повествования о Нагарджуне символически структурированы в культуре, пропитанной мифами, и поэтому не могут быть истолкованы буквально.

Мы видим, что независимо от качеств мировоззрения, представленного Нагарджуной, степень этого путаницы неизбежно погрузила буддизм в мифологические убеждения, народные суеверия и влияния времени и места, несомненно, загрязненные мессианскими предрассудками.

Некоторые историки полагают, что эта смесь сделала буддизм более приемлемым для индуистских обществ, включая его символы, язык и мифологические черты, включенные в их культуры. Могло бы быть и так, но дело в том, что эта смесь во многих случаях затемняла его первоначальную буддийскую суть и, по сути, делала его антагонистичным целому. Другими

словами, не было смешанного брака, а скорее были слияния, в которых была включена большая часть буддийской сущности. На протяжении всей истории эти течения последовательно подразделялись на институты, философские школы, религии, секты и культуры, получив общее название «буддизм», хотя большинство из них не имели никакого отношения к первоначальному учению Сиддхартхи Гаутамы.

Короче говоря, мы можем установить три значительных периода, в которые все это происходило 1) от 500 до 200 до н. э. - монашеский буддизм, также называемый «индивидуальным транспортным средством», потому что его учение сосредоточено на человеческой жизни, которую мы называем «индианским буддизмом», предметом этого текста; 2) от 200 до 500 н.э. - мессианский Буддизм (потому что он происходил из предполагаемых учений, принесенных в Нагарджуну сагами), или «всеобщее транспортное средство», поскольку он представлял собой обширную космологическую доктрину; 3) с 500 по 1000 г. н.э. — универалистский эзотерический буддизм, или апокалиптический стиль (исходящий из откровения), из которого возникло течение Тантры и ее многочисленные производные. В современности к этим вариантам стремились разные культуры, верования и мистико-магические практики, такие как культура дзэн, западная эзотерика и т. д.

С каждым из этих разделений или загрязнений расстояние между истинным буддизмом и этими разнообразными мыслями пропорционально увеличивалось, делая их все более далекими от реальности самого буддизма. Сегодня любой спортивный зал или магазин эзотерического оборудования думают, что могут рассказать о буддизме и его практиках. Избегайте того и другого, если только вы не ищете восточные специи или дешевые и безвкусные декоративные предметы.

Следовательно, чтобы понять буддизм от его корней, мы должны закрыть путь ко времени, предшествовавшему этим событиям, а именно к началу второго века до нашей эры, и окончательно отказаться от всякого интереса к этим

бесконечным вариантам, особенно к более современным. В противном случае мы можем потеряться в калейдоскопе, где религию путают с фантазией, философию с фольклором, исследования с воображением и т. д.

Здесь, когда мы говорим о буддизме, мы имеем в виду что-то до 250 г. до н.э.

Однако во введении необходимо отметить две вещи:

а) Неисчерпаемое распространение буддизма по всей Евразии, а затем по всему Западному миру, а также появление и отложение его вариантов и культур, являлось мирным тысячелетним движением, без причин, насилия, войн и конфликтов. Пацифизм буддийского учения преобладал над всем, что дала ему история. б) Распространение буддизма демонстрирует то, что утверждает сегодня историческая наука: человеческая история состоит не из глав, в которых отсчетом является время, а из последовательных слоев, в которых накапливается содержание.

То, что произошло с буддизмом, отличается от всего, что связано с развитием и распространением гуманизма и западных культур.

Давайте возьмем пример христианства, основы почти всей западной цивилизации. Примерно через 350 лет после смерти Иисуса христианство, гуманистическая доктрина в такой же степени, как и буддизм, стало официальной религией Римской империи на основании Фессалоникийского эдикта императора Феодосия I. Это событие произошло не потому, что Феодосий был освящен или просвещен, а благодаря успешной стратегии: контроль широко распространенной народной напряженности и консолидация политики, которая устраивала доминирующую власть. Иметь народ на своей стороне — мечта каждого деспота.

Вскоре спиритуалистическое учение Иисуса из Назарета (уже плохо задокументированное из-за преследований, которым подвергались первые христианские общины) было погребено

под горами экономических, политических, религиозных, культурных и военных интересов.

Институты, верования и религии, называвшие себя христианскими, имели мало общего с учением Назарянина. То, что осталось от исторических фрагментов первоначального христианства, оставалось запертым в недоступных библиотеках Католической церкви и на протяжении тысячелетий контролировалось эффективной цензурой ее богословов, чтобы предотвратить его распространение, знание и критику, что, несомненно, показало бы огромную дистанцию между доктриной Иисуса и удобные догмы и верования, которые поддерживали религиозный институт.

Масштабы этой религиозной институциональной цензуры дошли до крайности, создав культурное отклонение, получившее популярное название «запрещенные Евангелия» и другие документы, считавшиеся неуместными или «апокрифическими», которые никогда нельзя было увидеть или которые были удобно «теряны», хотя они принадлежали человечеству. Другими словами, люди, одетые религиозными людьми в одиннадцатом веке, считали себя компетентными сказать то, что ученики Иисуса должны были или не должны были говорить тысячу лет назад, чтобы лучше служить своему процветающему церковному институту одиннадцать столетий спустя.

Истории никогда не удавалось скрыть огромную разницу между религией («re-ligare») и церковью («ecclesia»). Первое — теистическое мировоззрение, второе — человеческий организационный институт, подверженный всем бедам власти, как и любой другой социальный институт.

Благодаря этому происхождению наша западная традиция с момента своего формирования так или иначе была связана с насилием, войнами, господством, завоеваниями, колониализмом и т. д. Начиная с XI века, лишь немногие западные войны велись во имя христианства и не использовали

аргумент «катехизации» для оправдания материальной и политической жадности государств, которые от этого выиграли.

Таким образом, сравнивая две традиции с момента их возникновения, можно сказать, что буддизм распространился по всему миру благодаря слову учения, бесплатному служению его школ и университетов и примеру пацифистской жизни его последователей. С другой стороны, христианская традиция развивалась посредством политико-экономической власти, силы меча и бремени угнетения.

Поэтому, когда мы покидаем среду западных культур, чтобы открыть глаза на буддийские традиции, как в этом тексте, мы говорим не о другой теме, а о другой вселенной, которой наша история никогда не знала.

Буддизм, о котором мы будем говорить, — это санскритско-палийский термин, происходящий от слова «Будда», а не ономастическое существительное. Это не чье-то имя, тем более Сиддхартха Гаутама, основатель буддизма. Будда — прилагательное именительного падежа, означающее того, кто достиг просветления. Поэтому, как говорят о Сиддхартхе, до него и после него родилось бесчисленное множество Будд. Однако, как и все ученые, мы будем называть Сиддхартху просто Буддой.

Любой желающий может быстро найти рассказы о жизни принца Сиддхартхи в любой из многочисленных онлайн-энциклопедий. Некоторые из них, по крайней мере, частично носят фэнтезийный или романтический характер и содержат фольклорные или религиозные элементы.

Другие повествования придерживаются только Священного Писания и игнорируют историческое и культурное содержание, а некоторые ограничиваются историческим видением и не достигают соответствующего философского основания. Однако существует несколько нарративов, особенно академического происхождения, которые отражают ценные исследования.

Каждый человек сам выбирает то, что хочет. Каждый человек сам выбирает тип информации, которую он хочет. Здесь мы постараемся использовать как можно большую простоту нашего повседневного языка и максимальную близость к истории и каноническим текстам.

Во времена зарождения буддизма письмо было умением немногих (в основном купцов). Поэтому наряду с письмом использовались и другие доступные каждому средства представления и выражения. Использование песен, танцев, поз тела, символов и изображений было обычным явлением. Таким образом, буддийская символика богата и разнообразна и с течением времени внедрялась в разные культуры, приобретая формы и значения, сильно различающиеся от одной к другой. Мы проиллюстрируем текст некоторыми символами, все они происходят из зарождения буддизма и ни один из них не связан с «эзотерическим замыслом» нашего времени.

Другой формой выражения буддийского учения была поэзия, поскольку Будда утверждал, что люди предпочитают слушать стихи, а не речи. То же самое происходило и в досократической Греции: философия и поэзия были ядром содержания и выражения, пока Платон не вызвал разрыв между ними.

То, как Будда использовал язык стихов, чтобы представить свое учение разнообразной и мультикультурной аудитории, было очень насыщенным и разнообразным. Фигура и символика, с помощью которых он выражал определенные понятия, часто основывались на образах Вед, мифических отсылках и других индуистских семиотических элементах, сохраняя при этом строгую, почти аристотелевскую, эпистемологическую дисциплину.

Если это сделало герменевтику его учения структурно трудной (и до сих пор затрудняет ее) для ученых с точки зрения коммуникативности, то это облегчило ее понимание народом в целом, придав его речам увлекательную и понятную простоту.

Одним из основных канонических документов изречений Будды в стихах и, следовательно, одним из наиболее изученных в отношении коренного буддизма, является так называемая Дхаммапада (что означает «Путь Дхармы»), содержащая 426 стихов. написанный Сиддхартхой Гаутамой.

Любой, кто заинтересован в этом драгоценном тексте, может найти его в Приложении 1 к этой книге.

Будда также говорил методично, и его «Длинные беседы» являются каноническими произведениями чрезвычайной важности.

4

Три драгоценности(Тиратана)

Сущность буддийской мысли, ее контекст и структура определяют то, что называют «Три драгоценности буддизма»

или "Три драгоценности буддизма" или "Тиратана": учения Будды, Дхармы (путь роста для каждого человека) и Санги (гармоничный путь), ориентированного на Дхарму сообщества). Этот набор называется Тиратана. Мы проследим путь трех драгоценностей в качестве методологического руководства для этого текста. Понимание этого означает приобретение

¹ очень широких фундаментальных знаний о буддизме, достаточных для начала пути, но никогда не достаточных для достижения конца.

¹ Три основы буддийской доктрины представлены как три драгоценности, висящие из цветка лотоса.Img получен на <https://sangavirtual.blogspot.com/2011/10/o-buda-o-dharma-e-sangha.html> на 10 /2023.

5

Первая драгоценность (Учение)

Реальность и правда.

Учения Будды (или первой драгоценности, или первого элемента Тиратаны) настолько широки и глубоки, что для их глубокого знания потребуется целая жизнь изучения и практики, недостижимая для нашей бурной современной городской жизни.

Однако он учил не только монахов и аскетов, ведущих совершенно медитативную жизнь и обитающих на недоступных вершинах далеких горных хребтов. Это те, кто лично решению отказался от повседневной жизни и отдался окончательно и без ограничений этому знанию и этой практике. Именно они заботятся об учениях и традициях и сохраняют их содержание на протяжении тысячелетий, обогащая их постоянными исследованиями.

Будда своими точными словами и мыслями также преподавал свое учение нам, обычным западным мужчинам, родившимся через 2500 лет после его смерти, с нашими городскими неврозами и нашей современностью, уставшими и растерянными в вагоне метро в конце почти невыносимого дня. работы в истерическом и жестоком мире бессмысленных культур. Подобно далеким монахам, мы можем понять это в наших условиях культуры, времени и пространства, потому что инструмент, который мы используем для этого, существует в каждом человеческом существе с самого начала существования вида: разум, который может открыться знанию, рост, развитие, счастье и гармония со всем, что существует.

Учения Будды адресованы всем людям, независимо от того, кто, когда и где. Буддизм является универсальным и бесвременным учением.

Прежде чем начать, во избежание смысловых недоразумений, необходимо уточнить, что в буддийских учениях используются

выражения и термины, распространенные в любом языке. Несмотря на это, некоторые из них могут иметь значение, которое не совсем соответствует значению, приписываемому этому слову в том виде, в котором оно обычно используется в повседневном языке.

Некоторые термины часто используются в определенном смысле и требуют нашего внимания при их использовании, поскольку мы будем сталкиваться с ними много раз. Основными из них являются следующие:

Освещение: оно не соответствует здравому смыслу получения света, вдохновения, вибрации или энергии из внешнего

источника, который может на нас воздействовать.²

В буддизме оно соответствует душевному состоянию человека, достигнутому им самим, без какого-либо внешнего

«Бодхи-Дерево» символизирует места в лесах, где Сидхартха обычно медитировал. https://www.freepik.com/free-photo/tree-sketch-color-leaves-root-blackboard_1162172.htm#page=6&query=the %
 20Bodyhu%20tree%20%20Буддизм&position=47&from_view=search&track=ais" Изображение natanaelginting на Freepik²

вмешательства, материального или иного, возникающему в результате полного познания себя и своейвнутренней и внешней реальности. Следовательно, их человеческие страдания преодолеваются и личность достигает разбавления своей личности в полной гармонии со всем, к чему она имеет отношение. Это кульминация вашей эволюции, которая включает вас в целое, растворяет ваше «я» и делает ненужным продолжение индивидуального человеческого опыта. Таким образом, просветление — это не божественный дар, нечто унаследованное, не чудо или откровение богов, а плод усилий человека по улучшению и углублению повседневной жизни посредством знаний, этики, реальности и истины.

Истина: Буддийские «истины» являются объективными; они не являются верованиями, предположениями, догмами или теологическими или метафизическими концепциями. Они не диктуются и не раскрываются никаким богом. Они являются результатом рационального наблюдения реальности: простые факты и события, которые можно объективно проверить посредством эмпирического наблюдения и феноменологии. Истина — это все, что наш разум может эффективно и критически проверить.

Реальность: Смысл реальности – это материальная основа истины, факт, само явление, наблюдение и познание которого позволяют приобрести сознание. Оно означает результат психического состояния человека, строго ограниченный настоящим моментом и зависящий от уровня и направления внимания личности, определяемый конкретным состоянием мозга.

Страдание: состояние неудовлетворенности, неадаптации или беспокойства человека, которое возникает из-за его незнания настоящей реальности, привязанности к навязчивым идеям, полученным из прошлых событий, фантазий о воображаемом будущем, существования себя и повторяющегося желания непостоянных вещей. Страдание является следствием привязанности.

Счастье. Наши нынешние представления о счастье связаны с удовлетворением желаний, достижением целей или приобретением чего-либо. Для буддизма счастье противоположно тому, что мы о нем думаем, потому что для Будды то, что мы думаем, означает лишь привязанность. Счастье в буддийской мысли означает именно отстраненность, свободу от психологической потребности обладания и господства и, по сути, от иллюзии себя и веры в существование себя как изолированного существа.

Будда настойчиво повторял это учение, учитывая его доктринальную важность.

Для Будды, предшественника того, что сегодня является философией ума, повторение всегда было необходимо.

Желание и привязанность. В отличие от большинства традиционных этических концепций, само желание в буддизме, включая плотское желание, не стереотипно воспринимается как нечто отвратительное, аморальное или греховное само по себе, а считается естественной реакцией на страдание, ценность которого заключается не в сам факт, а то, как он может быть проявлен. Тексты совершенно ясны, когда речь идет о «срединном пути», пути равновесия:

Не следует искать чувственных удовольствий, которые мерзки, вульгарны, грубы, неблагородны и бесполезны, как не следует искать болезненного, неблагородного и беспомощного унижения. Срединный путь, открытый Татхагатой, избегает обеих крайностей, обеспечивая видение, знание, покой, прямое знание, просветление и Ниббану (Будда-Аранавибханга Сутта. Анализ неконфликта).

Настолько, что Сиддхартха Гаутама несколько раз отрицательно отзывался о «тревожном желании», вызывающем страдание, тем самым отличая его от чистого и простого желания, феномена, который является частью нашей физиологии и нашего ума.

Недавние психоаналитические исследования утверждают, что для обозначения причин страдания Будда использовал слово «симтанха», которое не означает «желание», а подразумевает «жажду» или «тоску», составляющие привязанность. Среди современных ученых различные концептуализации «привязанности» обычно сходятся в том, что мы могли бы назвать попыткой удержать опыт, который невозможно сохранить или достичь, а не в стремлении к счастью или самореализации.

Эти концептуализации верны, но они являются формулировками, которые проясняют желание, но запутывают понятие привязанности. Привязанность — одно из наиболее точных и фундаментальных понятий буддийской доктрины и учений. Однако часто путают привязанность с любовью, что является еще одной ошибкой: когда вы хотите лучшего для чего-то или кого-то, кого любите; когда вы хотите чего-то или кого-то для себя, вы привязываетесь.

Поэтому на нашем языке привязанность понимается как нечто, выражающее три отношения: чувство обладания, стремление к доминированию и похоть. Как мы увидим позже, в таких отношениях кроются три яда ума.

Подобно Трем Драгоценностям, учение Будды поддерживается и представлено в двух столпах, выражающих все их содержание: Трех Универсальных Истинах и Четырех Благородных Истинах.

5. Три универсальные истины

Это: принцип непостоянства и природа пустоты; фокус страдания; учение о несуществовании личности и вечной души.

Три универсальные истины имеют аксиологическую структуру и выражают основные концепции буддизма, а также являются наиболее трудными для понимания. Их понимание требует

внимания и размышлений, часто сложных и утомительных, но без которых мы ничего не узнаем о мысли Сиддхартхи Гаутамы, кроме ее поверхности, обычно обнажённой в фольклорном ключе и даже опошлённой всевозможной модой.

Будда учит их следующему:

Все существующее преходяще и постоянно меняется; ничто не вечно; реальность — пустое понятие.

Страдание является неотъемлемой частью человеческой жизни и является следствием незнания реальности и привязанности к преходящим вещам.

Не существует устойчивой индивидуальности или индивидуальной души, вечной и неизменной. «Я» и личность — это сущности, которые не существуют так, как мы их себе представляем.

Независимые личности — это иллюзии нашего разума.

В каждом существе есть лишь структура изменчивых характеристик и признаков, которая включена в целое, во взаимодействии и взаимозависимости со всеми другими живыми существами.

Утверждение первой из этих истин называется «принципом непостоянства и природы пустоты» и вытекает из буддийского учения о несуществовании души, называемого «Анатта», или «не-самость». или «безддушный».

Мы должны понять это понятным образом, без чего нет смысла двигаться дальше.

Ожидается, что, когда кто-то впервые прочитает эти утверждения, он будет полностью сбит с толку и подумает, что никогда не поймет, что имел в виду под ними Будда. Это весьма утвердительные заявления, объявленные без всякой поддержки и аргументов или силогизмов, позволяющих провести критический анализ. Они выглядят как иррациональные утверждения, приходящие из ниоткуда, как догмы или

убеждения, и чье заявление не соответствует тому, что мы понимаем как реальность. По мере поиска элементов исследования и интерпретации некоторые еще больше запутывают людей, но другие постепенно начинают обретать некоторый смысл и показывать убедительную связность того, что казалось просто ерундой.

С моими многочисленными интеллектуальными ограничениями я не смогу найти логическое объяснение всему этому. Бремя человеческого познания коротко; мы знаем очень мало об очень немногих вещах. В принципе, мы все невежественны. Однако у невежества нет начала, но у него может быть конец, и мы можем преодолеть его, приложив правильные усилия, чтобы открыть дверь к пониманию вещей.

Знание — любимое дитя настойчивости, точно так же как невежество — ложное дитя лени.

Поэтому я раскрываю здесь только те элементы, которые для других авторов и для меня создали и придали логическое значение утверждениям Будды, для которых была найдена твердая поддержка в современной науке, особенно в квантовой физике, нейронауках и зарождающейся научной космологии. Если бы Будда был научным реалистом, мы должны искать содержание его высказываний в науке, а не в откровениях, мифах, обрядах и легендах.

Все основано на том, как мы наблюдаем вселенную и самих себя, и на том, что является неполным в этом наблюдении. Буддийское учение предлагает нам воспринимать реальность под другим углом, с другой позицией и масштабом, отличными от тех, которые мы получаем из традиции.

Нас учили, что Вселенная состоит из трех компонентов: материи, из которой состоят тела или объекты (которые являются молекулярными и стабильными по своей природе); энергия (которая колеблется и нестабильна) и пространство (которое есть ничто). Мы понимаем, что целое состоит из тел, объектов, энергий и пространства. Даже Галилео Галилей

наблюдал такое явление. Будда говорит противоположное этой упрощенной космологии, заявляя на санскрите 2500 лет назад то же самое, что Антуан Лоран Лавуазье (1743–1794) сказал на французском языке в 18 веке нашей эры под названием «Закон сохранения масс»:

«В природе ничего не создается, ничего не теряется, все преобразуется».

То, что Будда говорил другими словами, и то, что Лавуазье подтвердил своим опытом, кажется простым. Достаточно было бы понять и принять, что все меняется, чтобы провозгласить суть первой буддийской истины: «Все существующее преходяще и находится в постоянной эволюции. Но это не так просто.

То, что сказали Будда и Лавуазье, не имело никакого отношения к космологии, которую мы получаем из традиции. То, что они сказали, касалось концепций гораздо более сложного и научно проверяемого мировоззрения. Согласно этому мировоззрению, необходимо было пересмотреть существующие представления о компонентах Вселенной, в которой мы живем.

Оба опередили свое время. Будда сказал нам, что не существует вселенной, состоящей из материи и изолированных тел (которые являются молекулярными и стабильными), энергии (которая волнистая и нестабильная) и пространства, разделяющего тела (что есть ничто).

Согласно его учению, материя нестабильна и не ограничивается молекулярной структурой. Точно так же не существует изолированных тел, и пространство не считается лишенным материи и энергии. По его словам, энергия не является ни волнистой, ни нестабильной; оно вибрирует и стабильно, а пространства, разделяющего тела, не существует, потому что нет тел, которые можно было бы разделить.

Благодаря этим компонентам Вселенная не является конгломератом объектов и энергии. Вселенная представляет собой системное и непрерывное целое, и, по сути, материя и

энергия — одно и то же, различающиеся лишь степенью массы и вибрационной концентрации.

Поскольку сказанное Лавуазье и Буддой применимо к материи и энергии, они приходят к выводу, что эта космологическая система имеет баланс.

Все в этой системе существовало с момента возникновения Вселенной. К нему ничего не было добавлено; ничего не увезли.

Мое тело не производило молекулы углерода в моих руках; они существуют уже миллионы лет. Солнечный свет, освещающий меня, был вибрационно создан миллионы лет назад и теперь достигает меня. Это та же самая вибрационная частота, которая освещала дни Рамзеса III, подобно тому, как мои молекулы углерода могли бы быть в волосах Клеопатры.

Таким образом, рассматривая Вселенную как непрерывную, изменчивую и динамическую систему, возникает вопрос, какие тела мы видим, одушевленные и неживые, которые в нашем восприятии далеки и отделены друг от друга.

Эти расстояния и разделения являются продуктами нашего разума, созданными на основе ограничений нашего восприятия, вызванных сенсорной неспособностью уловить различные формы энергии и частицы материи, которые делают систему непрерывной.

Тела и объекты — это точки большей концентрации вибрационной энергии и молекулярной материи, большей или меньшей сложности и протяженности, возникающие в результате постоянного системного потока расширения Вселенной. Сама динамика космического системного процесса образует эти точки.

Все эти точки концентрации неустойчивы и растворяются в системном потоке, когда достигают своей эволюционной функции, определяемой движением системы. Следовательно, все, что мы видим, как материю или тела, представляет собой

скопление функциональной и нестабильной молекулярной энергии. Между тем, что мы называем телами, нет пространства, потому что материя и энергии непрерывны. Между моим телом и твоим нет пространства, потому что пространства не существует. Есть только системные участки с меньшей концентрацией энергии и молекулярного вещества, которые не прерываются. Реальность непрерывна между тобой и мной. В нашем случае среди нас есть по крайней мере молекулы кислорода, азота, водорода, плавающих кислот и различных вибрационных, тепловых, световых, звуковых энергий и т. д., которые также существуют в более значительных пропорциях в наших телах, которые мы считали отдельными . за пространство и реальности разного содержания; но это не так.

Таким образом, наши тела не существуют как отдельные, стабильные тела или объекты. Мы всего лишь точки концентрации в значительном потоке, где все является частью системного целого, и мы взаимосвязаны со всем остальным. Воздух, который вы выдыхаете, может содержать молекулы кальция, которые завтра могут стать частью моих зубов. Как показывает биология, ни одна клетка в нашем организме не существует более семи лет.

Разница между вашим телом и деревом в вашем саду лишь в градации сложности и накоплении энергии, не более того.

В этой огромной, постоянно меняющейся системе ни один атом или вибрация не исчезает, и ничего не создается. Однако в каждый момент все меняется, интегрируясь в точку концентрации или устроясь. Ничто не рождается, ничто не умирает, и жизнь человека — это лишь кратковременная стабильность некоей существенно необходимой точки концентрации какой-то космической подсистемы.

Различные высказывания Будды получают все большее признание в квантовой механике и других современных научных областях.

Кеннет Чан в недавно опубликованной статье («Прямая экспериментальная интерпретация квантовой механики») подчеркивает это сближение между буддийской традицией и современной наукой:

«Формулировка квантовой механики на самом деле никоим образом не предполагает дихотомии разума и материи и уж точно не предполагает материализма или солипсизма. Квантовая механика на самом деле указывает на золотую середину между этими двумя крайностями — материализмом и солипсизмом — понимание, которого в конечном итоге достигли Вернер Гейзенберг и Вольфганг Паули. Это означает, что формулировка квантовой механики на самом деле указывает на философскую точку зрения буддийской философии Мадхьямики, также известной как философия Срединного Пути. Философия мадхьямики позволила бы нам включить роль сознания в квантовую физику, не впадая в крайности солипсизма или материализма.

В этой статье формулировка квантовой механики явно интерпретируется с точки зрения философии Мадхьямики, и это можно сделать напрямую, без каких-либо изменений исходной формулировки квантовой механики и без необходимости дополнительных специальных условий. Другими словами, мы можем иметь прямую эмпирическую интерпретацию квантовой механики, которая идеально соответствует философии Мадхьямики. Таким образом, помимо чрезвычайно точного логического анализа и глубокого медитативного прозрения, теперь существуют также конкретные научные доказательства того, что взгляд Мадхьямики на реальность верен» (<http://kennethchan.com/physical/direct-experiential> - интерпретация квантовой механики - получено 05 марта 2021 г.). авторский перевод на русский язык)

Таким образом, жизнь — это не что иное, как кратковременная концентрация энергии, по существу, связанной со всем остальным, что существует.

Такая концепция, независимо от того, оскорбляет она наши убеждения или нет, полностью продемонстрирована современной физикой. Это доказанные факты, объясненные реальностью.

Элементы, которые мы собрали до сих пор, — это те же элементы, которые поддерживают второй элемент или утверждение первой универсальной истины: реальность пуста, что не означает, что она обязательно не существует.

Реальность рассматривается Буддой, как и современной наукой, как результат психического состояния человека, строго ограниченный настоящим моментом и зависящий от уровня и направления внимания человека, определяемого конкретным состоянием мозга.

Не существует абсолютно объективной реальности, сформулированной вне индивида и существующей самой по себе: мы с вами можем вместе переходить одну и ту же улицу в один и тот же момент. Мое внимание будет сосредоточено на светофоре на другой стороне улицы, потому что я боюсь, что меня задавят, и я не замечу женщину в красной блузке рядом со мной. Вы направите свое внимание на белые туфли мужчины перед вами, потому что вам хотелось бы иметь такие же, и вы не будете обращать внимание на светофор или преступника, который придет украсть вашу сумочку.

Мы вместе перейдем на другую сторону улицы, испытав две глубоко разные реальности, действуя по-разному перед лицом одних и тех же стимулов, и сможем спросить себя: «Какая реальность: моя или твоя?»

Сегодня мы знаем, как работает нейро-церебрально-перцептивный процесс. Нейронаука и экспериментальная

психология, подобно Будде, исключают из общепринятой концепции реальности как прошлое (хранящееся в памяти человека), так и будущее (сформулированное в нейронной структуре воображаемого). Что касается прошлого, то включение хранящихся в памяти данных для формулирования реальности напоминает навязчивую идею в том смысле, что ее содержание больше не существует и, следовательно, не может направлять перцептивное психическое состояние в настоящем. Будущее, в свою очередь, всего лишь воображаемое и находящееся под сильным влиянием предрассудков, желаний и страхов, никоим образом не образующее концепции реальности.

Таким образом, ограниченная психическим состоянием, возникающим в результате процессов восприятия в каждый момент, реальность исключительно изменчива, может резко меняться каждую секунду и не сохраняет никакого стабильного содержания и не может быть восстановлена в другое время.

Таким образом, реальность пуста и ограничена восприятием и анализом текущего момента. Эта мысль согласуется с несколькими недавними тенденциями в нейробиологии и когнитивной психологии, которые более резко выдвигают гипотезу несуществования реальности именно из-за ее изменчивой и непоследовательной природы, на которую уже указывал Будда.

Будда настойчиво учил, что здоровый и структурированный ум полностью и постоянно направлен на настоящий момент, никогда не отклоняясь от него ни по какой причине. Смысл – отсутствие материи и энергии. По его словам, идея заключается в том, что он назвал «правильной концентрацией», одним из восьми путей Дхармы. Мы можем резюмировать одним словом: все, что Будда хотел сказать нам о дисциплине ума.

Утверждение Второй Универсальной Истины относится к принципу страдания как присущему человеческой жизни и продукту самого человека через его разум.

Буддийские писания определяют страдание следующим образом:

«Итак, друзья, какова благородная истина о стрессе? Роды – это стресс; старение вызывает стресс; смерть — это стресс; печаль, сожаление, боль, тоска и отчаяние вызывают стресс; не получить желаемое – это стресс. Подводя итог, можно сказать, что все пять кластеров привязанности являются стрессовыми.

А что такое рождение? Рождение, рождение, нисхождение, становление, возникновение, появление совокупностей и приобретение (чувственных) сфер различными существами той или иной группы существ называется рождением.

А что значит стареть? Всякое старение, дряхлость, надломленность, поседение, морщинистость, упадок жизненной силы, ослабление способностей различных существ той или иной группы существ, это называется старением.

А что такое смерть? Какова бы ни была смерть, исчезновение, фрагментация, исчезновение, гибель, прекращение времени, разрыв совокупностей, отделение от тела, прерывание жизненной способности различных существ той или иной группы существ, называемая смертью.

А что такое боль? Всякая боль, горе, печаль, внутренняя обида, внутренняя печаль человека, терпящего несчастье, затронутого чем-то болезненным, называется грустью.

А что такое плач? Всякий плач, печаль, причитание, скорбь, стон или причитание о том, кого терпит

беда, которого коснулось что-то болезненное, называется плачем.

А что такое боль? Болью называется все, что переживается как телесная боль, телесный дискомфорт, боль или дискомфорт, рожденный от физического контакта.

А что такое тоска? Все, что переживается как ментальная боль, ментальный дискомфорт, боль или дискомфорт, порожденные ментальным контактом, называется дистрессом.

И что такое отчаяние? Всякое отчаяние, уныние или отчаяние человека, терпящего несчастье, затронутого чем-то болезненным, называется отчаянием.

И какой стресс от того, что ты не получаешь желаемого? У существ, подверженных рождению, возникает желание: «О, чтобы мы не были подвержены рождению, и чтобы рождение не пришло к нам». Но этого невозможно добиться желанием. Это стресс от неполучения желаемого. У существ, подверженных старению... болезни... смерти... печали, стенаниям, боли, тоске и отчаянию, возникает желание: «Ах, если бы мы не были подвержены старению. ...к болезни... к смерти... печаль, плач, боль, тоска и отчаяние, и что старение... болезнь... смерть... печаль, плач, боль, тоска и отчаяние не доходят до нас». Но этого невозможно добиться желанием. Это стресс от неполучения желаемого.

И какие пять связанных агрегатов в конечном итоге вызывают стресс? Совокупность привязанности к форме, совокупность привязанности к ощущениям, совокупность перцептивной привязанности, совокупность производственной привязанности и

совокупность сознательной привязанности — они называются пятью совокупностями привязанности, которые, короче говоря, вызывают стресс.

Это, друзья, называется благородной истиной стресса».

"Sakkavibanga suta: Analysis of Truths" (MN 141), переведенный с Пали на английский язык Танниссаро Бхиху. Access to Insight (BCBS), 30 ноября 2013 года, <http://www.accesstoinsight.org/tipitaka/mn/mn.141.que.html>. авторский перевод на русский язык.

Наше современное понимание человеческих страданий полностью укладывается в эти концепции. Биологические и экзистенциальные условия человеческого существа и, в частности, их необходимая связь с выживанием, оказывают огромное давление на физическую и психологическую структуру человека от рождения до смерти. Физическое выживание человека требует ряда усилий, часто чрезвычайно сложных и почти недостижимых. С неврологической точки зрения борьба за выживание человека, гораздо более сложная, чем у других животных в их естественной среде обитания, включает в себя физические усилия, инстинктивные реакции и огромные психические, умственные и поведенческие задачи.

Он несет в своем геноме всю историю вида, его инстинктивные и эволюционные структуры, поскольку людям еще предстоит адаптировать их к своим обширным психическим и когнитивным возможностям, способным хранить, оценивать и классифицировать информацию из всего своего опыта.

Более того, необходимо связать весь этот контекст с контекстами всех остальных индивидов и средой, в которой они живут.

Как будто этого было недостаточно, человек также обладает жестокой способностью проецировать реальность, которую он желает, с помощью своего воображения, уровень, на котором он становится отчужденным.

Если бы мы могли увидеть человека, нарисованного на чертежном столе, у нас возникло бы ощущение, что мы находимся перед невозможной машиной, сумасшедшим проектом, отклонением ума.

Однако поскольку мы исходим от природы и вроде бы не имеем в себе никакого смысла, инстинкты и гормоны говорят нам жить и бороться за все, что нас запугивает, пугает и давит. Мы называем это «человеческим состоянием», а усилия, которые оно вызывает, — «страданием».

Таким образом мы учимся рассматривать страдание как нечто навязанное природой, как нечто внешнее, причиняющее нам вред и причиняющее боль и дискомфорт. Таково страдание, понимаемое как нечто, пришедшее извне и вторгающееся в нас или противостоящее нам.

Буддизм может понимать эту причинную структуру реальности, но она полностью противоречит нашему взгляду на страдание. Будда всегда был настойчив и объяснял страдания, которые мы терпим, разуму каждого человека, который занимает центральное место в его учении.

В буддизме, без сомнения, существуют объективные и узнаваемые причины страданий, но это зависит от того, как рассматривать эти причины и как реагировать на каждую из них. Таким образом, страдание не существует как внешнее и объективное явление; скорее, страдания каждого человека вызваны им самим, действиями и ситуациями его ума. Страдание – это не глагол, спрягаемый во множественном числе, а душевное состояние, о котором можно говорить только в единственном числе. Опираясь на эту осевую основу, Будда учит трем вещам: а) независимо от внешнего контекста, причиной страдания является незнание истинных причин и следствий; б) познать причины страдания и его последствия можно посредством подлинного, глубокого и критического самоанализа реальности; в) как только причины и последствия страданий станут критически известны, их можно свести к минимуму или даже устранить.

Буддийский аргумент неявно утверждает, что у каждого человека есть внутренние причины страданий, определяющие последствия возможных внешних причин. Помимо рационального невежества относительно его причин, следующие элементы могут способствовать формированию несчастья: недисциплинированное обладание и доминирование, отсутствие этических рамок, психика, не подвергнутая критическому рационализации, ум, привязанный к иллюзии «Я» как изолированного существа, без необходимых отношений с другими существами, чувствами и поведенческими установками, такими как гордость, нарциссизм, жадность, презрение, отсутствие сочувствия, жадность, ненависть и насилие.

Подавляющее большинство религиозных учений ограничивается почти исключительно внешними причинами страданий и, как правило, приписывают мистические и мнимые причины, такие как наказания за преступления против божественности, моральные долги личности, возникающие в результате неуважения к заповедям предыдущих жизней, экзальтация или недостаточные обращения к богам и другим второстепенным божествам и т. д.

Более того, они провозглашают подчинение страданию и его принятие, потому что именно этого хотят и заслуживают боги. Без этого смиренного подчинения мы никогда не сможем войти в обещанную вечную жизнь, в которой есть только удовлетворение.

Диаметрально противоположным образом, для буддизма, страдание — это психический и индивидуальный процесс, который должен быть отвергнут, с которым нужно бороться и очиститься людьми, которые развили его в своем сознании как реальную болезнь. Жизнь не пригодна для выплаты мнимых долгов, рассеяния бредовых страхов или получения кнутов по воле божеств. Жизнь существует, чтобы выражать счастье и радость.

С другой стороны, счастье и радость не означают исполнения желаний и получения наград. Оно состоит из глубочайшего восприятия и познания жизни и себя, достижения максимально возможной гармонии и интеграции со всеми существами, с которыми мы взаимодействуем. Такая взаимосвязь может происходить при дисциплинированном и здоровом уме, без мешающих нам личностных дефектов, без навязчивых идей и фобий, хранящихся в прошлом, которого нет, и без иллюзий о воображаемом будущем, которое может никогда не существовать. Неведение и привязанность — два ментальных семени страдания.

Когда Будда, наконец, провозглашает свою Третью Универсальную Истину, он открывает этап, который вызывал и до сих пор вызывает бесконечные дискуссии в науке и философии, в космологии и религиях и даже в самом буддизме: принцип несуществования «Я» и вечного душа.

Отрицая реальность существа, существующего в изолированной и отчетливой форме, тела, которое мы считаем физическим и стабильным, и индивидуальной сущности, которая предшествует существованию тела (или возникает с его рождением) и сохраняется после его смерти. Будда отрицает идентичность личности в том смысле, что все культуры в какой-то момент поняли это.

По сравнению с развитием буддийских аргументов и открытий идеи Просвещения, такие как картезианский дуализм, кажутся простой ошибкой, застывшей во времени.

Самые последние и тревожные открытия в области нейробиологии и нейропсихологии создают впечатление, будто мы разгадали то, что было сказано более двух тысячелетий назад: вера в вечную душу — это неправильное представление о человеческом сознании.

Теория души

Достопочтенный К. Шри Дхаммананда Маха Тхера.(1919-2006)
 Источник: Группа буддийских исследований и
 практики.<http://www.sinc.sunysb.edu/Clubs/buddhism/> Получено:
<https://www.budsas.org/ebud/whatbudbeliev/115.htm> 10 марта 2021 г.
 Перевод на русский язык автора.

«Существует ли вечная душа?

Вера в вечную душу — ошибка человеческого сознания.

Что касается теории души, то в мире существует три типа учителей:

Первый учитель учит существованию вечной эго-сущности, преодолевающей смерть: Он — этерналист.

Второй учитель учит временной эго-сущности, которая уничтожается после смерти: он материалист.

Третий учитель не учит ни вечной, ни временной сущности эго: Он — Будда.

Будда учит, что то, что мы называем эго, «я», душой, личностью и т. д., — это всего лишь условные термины, которые не относятся к какой-либо реальной, независимой сущности. Согласно буддизму, нет оснований полагать, что существует вечная душа, пришедшая с небес или созданная самим собой и после смерти переселившаяся или отправившаяся сразу в рай и ад. Буддисты не могут признать, что в этом мире или в любом другом мире есть что-то вечное или неизменное. Мы просто цепляемся за себя и надеемся найти что-то бессмертное. Мы как дети, которые хотят сжать радугу. Для детей радуга – это что-то живое и

настоящее; но взрослые знают, что это всего лишь иллюзия, вызванная определенными лучами света и каплями воды. Свет — это всего лишь серия волн или ряби, которые не более реальны, чем сама радуга.

Человек преуспел, не раскрывая свою душу. Он не проявляет никаких признаков усталости или деградации из-за того, что не встретил ни одной души. Ни один человек не создал ничего для развития человечества, постулируя существование души и ее воображаемой работы. Искать душу в человеке — это все равно, что искать что-то в темной и пустой комнате. Но бедняга никогда не поймет, что того, что он ищет, в комнате нет. Очень трудно заставить такого человека понять тщетность его поисков.

Те, кто верят в существование души, не в состоянии объяснить, что и где она находится. Совет Будды — не тратить время на эти ненужные рассуждения и посвятить время борьбе за свое спасение. Когда мы достигнем совершенства, тогда мы сможем воспринимать, есть душа или нет. Бродяга-аскет по имени Ваччагота спросил Будду, существует ли Атман (самость) или нет. История такова:

Ваччагота приходит к Будде и спрашивает: «Почтенный Готама, есть ли Атман? Будда молчит. Значит, Достопочтенный Готама, Атмана нет? И снова Будда молчит. Ваччаготта встает и уходит. , Ананда спрашивает Будду, почему Он не ответил на вопрос Ваччаготты. Будда объясняет свою позицию: Ананда, когда Ваччаготта-ходок спросил его: «Есть ли Я?», если бы я ответил: «Есть Я» Итак, Ананда , это будет на стороне тех отшельников и брахманов, которые поддерживают этерналистскую теорию (сассата-вада)».

«И Ананда, когда Путешественник спросил его: «Разве нет Я?», если бы я ответил: «Я нет», тогда я бы встал на сторону тех отшельников и брахманов, которые придерживаются аннигиляционистской (уччедавада) теории».

Опять же, Ананда, когда Ваччагота спросил его: «Есть ли Я?», если бы я ответил: «Существует Я», соответствовало ли бы это моему знанию о том, что все дхимы бессамостны?

— Конечно нет, сэр.

«И снова, Ананда, когда Вандерер спросил: «Меня нет?», если бы я ответил: «Меня нет», то это создало бы еще большее замешательство в уже сбитом с толку Ваччаготте. Потому что он бы подумал: раньше у меня был Атман, а теперь его нет (Самьютта Никайя).

Будда считал размышления о душе бесполезными и иллюзорными. Однажды он сказал: «Только из-за невежества и заблуждений люди позволяют себе увлечься мечтой о том, что их души являются отдельными, самосуществующими сущностями. Их сердца все еще цепляются за Атман. Они жаждут небес и ищут удовольствия "Я на небесах. Поэтому они не могут видеть счастья справедливости и бессмертия истины. Эгоистичные идеи появляются в сознании человека из-за его концепции Самости и желания существования"».

(https://www.dhammadatalks.net/Books2/Bhante_Dhammananda_What_Bud dhists_Believe.htm-10/10/2023 - авторский перевод на русский язык)

Отрицая таким образом земную и вечную идентичность человека, возникают серьезные дебаты вокруг, казалось бы,

непреодолимых концептуальных конфликтов, порожденных словами Сиддхартхи Гаутамы:

— Если бы Будда говорил о божествах, как можно было бы отрицать творца, вечного и неизменного бога?

— Если Будда говорил о реинкарнации и возрождении, как можно говорить, что не существует устойчивой и, следовательно, вечной души?

— Если Будда говорил, что жизнь вечна, и говорил о «нескольких последовательных жизнях», как мы можем отрицать вечность нашей индивидуальной жизни?

— Если Будда говорил о рае и аде, как можно поддерживать эти отрицания?

Тихо просматривая буддийские каноны, которые больше всего затрагивали эти вопросы, и исследуя мнения ученых, которые годами вникали в эти тексты, мы можем заключить, что Будда действительно говорил все это (просто прочел Дхаммападу), но он этого не сделал. «Мы не говорим ничего, что, как нам кажется, у нас есть», — сказал он этим. Мы интерпретируем эти высказывания как то, что, по мнению наших антропоцентрических ушей, они слышали или хотели бы услышать.

Чтобы быть понятным, любой слог, произнесенный Буддой, должен быть тщательно проанализирован с точки зрения лингвистики, семантики, контекста, времени, цели, эквивалентности, канонической совместимости, культуры, парадигмы и цели. Будда мог бы сказать что угодно, но только после этого терпеливого исследования мы сможем сказать, сказал ли Будда «А» или нет.

Эти исследования показывают, что Будда ничего не сказал о том, что мы обычно понимаем в отношении этих деликатных понятий. Что бы он сказал тогда?

Что касается божеств, я думаю (хотя я не говорю ни на санскрите, ни на малайском), что, возможно, будет сложно

написать целый абзац на одном из этих двух языков, не сделав даже краткого упоминания божества. Это связано с огромным мистическим богатством их культур, необычайным символизмом, который они извлекают из природы, и несравненной тенденцией к обожествлению, которое это означает, отраженным во всем их поведении и языке. Но пусть неосторожные избегают двух глупых идей. Во-первых, эти обожествления относятся к внешним и сверхъестественным сущностям, а во-вторых, это всего лишь фольклорные фантазии. В обоих случаях они совершат серьезную ошибку.

В середине XX века божествам, о которых говорил Будда, психолог Карл Юнг, соратник Зигмунда Фрейда, дал название «архетипы», содержание нашего коллективного бессознательного, передаваемое из поколения в поколение геномом человека, и которое индивид приобретает без необходимости какой-либо индивидуальной опыт.

Лама Тубтен Еше с поразительной ясностью писал:

«Субъектов тантрической медитации не следует путать с тем, что могут иметь в виду различные мифологии и религии, когда говорят о богах и богинях. Здесь божество, с которым мы решаем себя отождествить, представляет собой существенные качества опыта бодрствования, которые скрыты внутри нас.

Говоря языком психологии, такое божество является архетипом нашей глубочайшей природы, нашего глубочайшего уровня сознания.

В Тантре мы сосредотачиваемся на этом архетипическом образе и отождествляемся с ним, чтобы достичь самых глубоких аспектов нашего существа и перенести их в нашу нынешнюю реальность» («Введение в Тантру: Видение тотальности» (1987), стр. 42). Перевод на русский язык автора.

Будда действительно много говорил об этих божествах, особенно потому, что он был предшественником психоанализа.

Что касается возрождения и реинкарнации, мы должны разделить вещи. Будда никогда не говорил о биномиальном перерождении/реинкарнации. Он сказал только одно слово: возрождение. Он говорил о реинкарнации как о чем-то, что принадлежит воображению людей по их прихоти.

Реинкарнация — это концепция, присутствующая в некоторых традиционных религиях и современных школах мысли, таких как теософия, которая, по сути, поддерживает веру в то, что у нас есть двойственная индивидуальность: брэнное тело и нетленный разум, сущность или душа, разделенные после смерти. Физическая часть умирает необратимо, и сущность, ум или душа, встраивается в другое тело, сохраняя свою индивидуальность и самобытность. Это реинкарнация может произойти сразу после смерти или в неопределенном будущем. (как воскресение плоти для христианства).

Будда никогда не произносил ни слова, подтверждающего такое мышление; Он всегда категорически отвергал онтологически тот факт, что все может быть постоянным, будь то личность человеческого индивида или сама Вселенная. Будда никогда не принимал дуалистических онтологических концепций (две части: тело/сущность). Он говорил о перерождении как о чем-то совершенно отличном от того, что мы сегодня называем реинкарнацией. В обширной религиозной и светской литературе по этой теме мы часто находим тексты, в которых утверждается, что Будда говорил о реинкарнации и перерождении и что перерождение — это «разновидность реинкарнации». Это проявления невежества. Возрождение и реинкарнация не имеют концептуальной связи; они не похожи и не эквивалентны, а фактически являются взаимоисключающими понятиями.

Поэтому очень важно, чтобы мы поняли то, что Будда называл перерождением.

Согласно учению Будды, правильное и простейшее доктринальное понимание состоит в том, что все живое включено в цикл смертей и перерождений (эманаций), называемый Самсарой, где энергии и их содержание постоянно трансформируются и изменяются, объединяясь в новые структуры или существа. Это марш непрерывного расширения и эволюции Вселенной: «Ничто не создано, ничего не потеряно; все изменяется». В этом цикле возрождение, описанное буддизмом, представляет собой передаваемое наследование непостоянных совокупностей, порожденных отдельными людьми, а не их идентичностей, которые непостоянны и исчезают со смертью.

Эти совокупности представляют собой энергии и вибрации, которые исходят из сознания (или психического состояния), пока человек жив, например, его моральные ценности, желания, убеждения, привязанности, доминирующие эмоции и модели поведения.

Такое понимание перерождения как цикла сознания согласуется с такими буддийскими концепциями, как аничча (непостоянство), дуккха (страдание) и анатта (отсутствие индивидуальной души), показывая концепцию кармы как связующего звена между причиной и следствием этих событий. психические состояния.

Другие распространенные и более широкие интерпретации значения возрождения могут противоречить многим другим концептуальным содержаниям буддизма, помимо того, что они не находят канонической поддержки.

Когда Будда говорил о перерождении, эта концепция была просто философской. Однако теперь мы можем увидеть это через призму современной науки и понять, что его содержание связано с другими доказательствами, уже разработанными законами физики энергии.

Согласно буддийскому учению, психическое состояние человека представляет собой энергетическую систему или

набор определенных взаимосвязанных энергий. Он назвал это непостоянной совокупностью, четко определенной энергетической системой без постоянной стабильности. Энергетическая совокупность не разрушается в момент смерти индивида, а ее содержимое трансформируется в другой вид энергии. То, что Будда называл перерождением, как он заявил 2500 лет назад, теперь является частью основной литературы любого курса средней школы:

«В физике закон или принцип сохранения энергии гласит, что общее количество энергии в изолированной системе остается постоянным. Этот принцип тесно связан с определением самой энергии.

Неформальный способ сформулировать этот закон — сказать, что энергия не может быть ни создана, ни уничтожена: энергия может только трансформироваться из одного типа в другой».

([https://pt.wikipedia.org/wiki/ Закон сохранения энергии](https://pt.wikipedia.org/wiki/Закон_сохранения_энергии)) Перевод на русский язык автора.

Закон сохранения энергии применим только к изолированной энергетической системе, т. е. такой, пределы которой определены, исходя из чего становится возможным ее математическое представление, что было впервые осуществлено Готфридом Вильгельмом Лейбницем около 1680 года и усовершенствованным Томасом Янгом в 1807 году следующим выражением:

$$\frac{1}{2} \sum_i m_i v_i^2$$

Буддийская концепция устанавливает энергетическую систему психического состояния человека как непостоянную (изменчивую) совокупность энергетических элементов, порождаемых личным опытом (чувствами, инстинктами, эмоциями, поведением, желаниями, убеждениями, воспоминаниями). Учение утверждает, что психическое состояние человека (энергетическая совокупность) не разрушается в момент смерти, а преобразуется в другой тип энергии, которая будет агрегироваться в какой-то другой форме жизни, называемой возрождением.

Эта концептуализация не является несовместимой с фундаментальным утверждением принципа сохранения энергии в современной физике.

Что касается физики, мы также должны учитывать, что применение формулы Юнга предполагает количественное определение энергии. До сих пор нет способа количественно оценить энергию в математической демонстрации буддийского аргумента, потому что пока невозможно количественно оценить психическое состояние человека с помощью какого-либо процесса или концепции в момент смерти.

Это разумное научное ожидание, что когда-нибудь, в будущем, нейробиология, которая уже неустанно работает в этой области, предоставит нам эту количественную оценку в узнаваемых масштабах и единицах. Если бы это произошло, мы могли бы сказать, что древний принцип возрождения Будды соответствует доказанной математической формуле, выражающей неоспоримую с научной точки зрения истину.

В масштабах своего времени Будда не создавал системы верований; он настойчиво стремился заниматься наукой, используя разум.

Из текста Достопочтенного К. Шри Дхаммананды Маха Тхеры «Во что верят буддисты» я извлекаю следующий отрывок:

«Учению Будды Анатта более 2500 лет. Сегодня современное мышление современного научного мира движется к Анатте или учению Будды об отсутствии души. В глазах современных ученых человек — это просто клубок постоянно меняющихся ощущений. Современные физики утверждают, что твердая Вселенная на самом деле состоит не из твердых веществ, а из потока энергии. Современный физик рассматривает всю Вселенную как процесс трансформации разнообразных сил, лишь частью которого является человек. Будда был первым, кто осознал это».

(<https://www.budsas.org/ebud/whatbudbeliev/115.htm>) Перевод на русский язык автора.

Третий вопрос заключается в том, что, если бы Будда говорил, что жизнь вечна, и говорил о «нескольких последовательных жизнях, он не мог бы отрицать вечность личности».

— Да, он мог. Концепция вечности жизни, Самсары, является космологической концепцией, а не антропоцентрической. Будда говорит не о людях, а об универсальных энергетических процессах. «Несколько жизней», о которых он говорит, связаны не с личностью какого-либо индивидуума, а, скорее, с постоянной переработкой его энергий, трансформируемых участием в других формах жизни.

Когда человек родился, он не получил нового заряда новой энергии, вырабатываемой для формирования его психического состояния. Он получил от природы энергетическую совокупность компонентов, старую, как Вселенная, переработанную бесчисленное количество раз через бесчисленные формы жизни, точно так же как молекулы углерода в его ногтях, которые, возможно, были в зубах собаки Наполеона.

В его смерти все преобразуется, чтобы родиться заново, потому что даже физика утверждает, что энергия, как и материя, никогда не уничтожается; оно просто трансформируется.

Наконец, четвертый вопрос касается речи Будды о рае и аде. Эти концепции очень релятивизированы в буддизме и не имеют никакого сходства с западными моделями, которые рассматривают и то, и другое как места, области или измерения, где умерший обретет крайнее счастье или бесконечное несчастье. В западной традиции оба сценария являются результатом диалектического процесса вознаграждения/наказания, обычно основанного на моральных, религиозных кодексах и других деонтологических этических системах, которые мы можем найти в западных традициях.

Более того, согласно мыслям Будды, человек и его личность не переживают смерть его тела. Для него не существует понятия наказания или награды, чтобы построить рай и ад нашей души. Ни одна душа не может отправиться в какое-либо место или измерение, чтобы получить награды или подвергнуться вечным пыткам из-за гнева богов и их неспособности простить несчастных людей.

Индивидуум исчезает со смертью, говорит Будда. Почему же ты говоришь о небесах?

Не говори об этих наших небесах. Понятия рая и ада строго космологические и не относятся к отдельным людям.

По мнению Будды, неизмеримый универсальный контекст, в котором развивается жизнь, состоит из перекрывающихся слоев, различающихся качеством содержащихся в них энергий. Подобно жидкостям различной плотности в сосуде, эти слои энергии определяются их плотностью в случае нашего сосуда и присущими им качествами в буддийской мысли. Поскольку есть более плотная и менее плотная материя, есть более тонкая и сложная энергия и менее тонкая и более грубая энергия. Энергия и душевное состояние, движущие воином, не те, что вдохновили Шопена на сочинение его «Ноктюрна».

Оказывается, (и об этом уже высказалась современная физика) подобные энергии притягиваются, а противоположные – отталкиваются. Принцип притяжения и отталкивания энергий якобы виден в электростатической физике, менее заметен в других энергетических контекстах и никогда не отрицается ни в одной энергетической системе, даже если он неощутим для чувств или приборов наблюдения, которыми мы располагаем.

В рамках этой концепции Будда утверждает, что существа населяют разные слои космического процесса жизни и их эволюции в соответствии с природой и качествами их энергий, которые притягивают и отталкивают друг друга в соответствии со своими различиями.

Каждый слой космического жизненного процесса принимает энергетически совместимые и соответствующие существа и формы жизни. Каждый из этих слоев составляет мир для населяющих его существ, который не смешивается с сферами, в которых живут другие существа. Эта концепция не является физической, пространственной или материальной; оно энергетически: мир человека – это то, что он воспринимает, думает, интерпретирует, чувствует и делает.

В результате жизнь организована в соответствии с уровнями качества энергии. Высшие уровни занимают существа с более сложной структурой и более сложным энергетическим содержанием, опытные и возвышенные, носители гармонии, любви и мира, щедрости и сострадания, альтруизма и солидарности, роста и знания, отрешенности от себя . Это небеса, где живут высшие существа.

Самые низкие уровни занимают существа, все еще находящиеся под властью насилия и ненависти, невежества и их еще примитивных инстинктов, похоти и слепого индивидуализма. Это ад, слой, где живут звериные существа.

И это не место; это энергетические уровни или вибрационные атмосферы (психические состояния, с точки зрения современной нейропсихологии), где разум каждого человека

расположен в соответствии с его качеством или плотностью. Мы не умираем, чтобы попасть в рай и ад: мы уже живем в них, поскольку они являются продуктом нашей жизни (чувств, действий, эмоций, мыслей и т. д.) и нашего разума, ответственного за их содержание.

Благодаря физическому закону притяжения энергий, эта энергетическая среда объединяется в разумы, которые взаимодействуют с самой жизнью. Таким образом, мы несем в своем уме мир страданий или истинной радости, который мы создали; мы тащим с собой на нашем пути небеса и ад, которым мы решаем принадлежать. И нет ничего, что мы заслуживаем больше, чем рай или ад, которые мы строим.

Таким образом, можно сказать, что существует несколько разных миров и что жестокий воин и Шопен не обитают в одном и том же.

Буддийская мысль учит, что элементы непостоянной совокупности психического состояния человека после его смерти и исчезновения его личности продолжают существовать в соответствии с принципом сохранения энергии. По принципу притяжения и отталкивания они объединят один из этих миров: тот, с которым они наиболее похожи.

В бесконечном колесе жизни, Сансаре, и в зависимости от качества экзистенциальной жизни, прожитой каждым индивидуумом, в каждом перерождении их энергии будут добавляться к более или менее развитым существам, которые будут продолжать существовать в мире, соответствующем их качествам и может быть улучшено или искажено, развито или регрессировано.

Поскольку смысл колеса жизни состоит в достижении просветления, вершины всех миров (где все стабилизировано), непостоянная совокупность каждого человека будет возрождаться последовательно после каждой смерти, трансформируя и присоединяясь к другим существам, переходя из нижних миров в самый высокий, даже если им

придется пройти путь тысяч, миллионов жизней, чтобы достичь его.

Все сложное содержание доктрины Анатты со временем превратилось в диверсификацию буддизма в поле бурных дискуссий, разногласий, интерпретаций и возникающих или противоположных субдоктрин.

Вот интересный факт о Будде: он не придавал никакого доктринального значения существованию или несуществованию души и даже не отвечал на вопросы своих учеников по этому поводу.

Из того же текста, почтенного К. Шри Дхаммананды Маха Тхеры, цитированного выше, я извлекаю следующий отрывок:

«Будда считал размышления о душе бесполезными и иллюзорными. Основываясь на некоторых беседах Сиддхартхи, буддийское учение указывает на то, что только из-за невежества и заблуждений люди предаются мечте о том, что их души являются отдельными, самосуществующими сущностями. Их сердца все еще цепляются за Я. Они озабочены небесами и ищут удовольствия Я на небесах. Поэтому они не могут увидеть блаженства праведности и бессмертия истины. «Эгоистичные идеи возникают в сознании человека потому, что он постигает Бытие и жаждет Бытия». (Источник: Группа буддийского изучения и практики, <http://www.sinc.sunysb.edu/Clubs/buddhism/>) Перевод на русский язык автора.

Это не было пренебрежением или чем-то в этом роде. Это был вопрос уважения к людям. Сиддхартха прекрасно знал, что именно эти концепции были именно теми, за которые люди цеплялись больше всего из-за огромного страха перед несуществованием, смертью, исчезновением личности и себя.

Будда знал, что чем больше людей будет вовлечено в эту бесконечную дискуссию, тем менее охотно и открыто они будут изучать его учение и работу и концентрироваться на улучшении своей жизни. Он никогда никому не навязывал убеждений, какими бы они ни были. С другой стороны, он не мог не раскрыть столь существенный момент своего учения и учения. Таким образом, помимо того, что Будда излагал свою доктрину Анатты, он с большим сочувствием понимал огромные трудности, с которыми многие люди могли бы столкнуться, приняв ее, а также бесполезные страдания, которые они могли бы пережить, если бы им пришлось обсуждать или отказаться от своих утешительных убеждений.

Точно так же, как Сиддхартха отвергал любые догмы как нарушающие убеждения, навязанные какой-либо формой господства, он также не создавал и не устанавливал никаких убеждений. Он просто учил своей доктрине и рекомендовал никому и никогда не принимать что-либо из его слов как правильное, основываясь исключительно на предположении, что это сказал он. Он предложил принимать только то, что имеет смысл для каждого человека после спокойного и глубокого размышления.

Помимо понимания того, что это предположение было бесполезным и иллюзорным, Будда также использовал то, что позже сформулирует Блез Паскаль (1623–1662), известный в философии Просвещения как «прагматический аргумент» молчания о вечной душе, даже зная, что она не существует, чтобы учение не нападало на тех, кто не мог бы вынести жизни без этой веры. Между когнитивным содержанием и психологическим содержанием существуют границы, пересечь которые может только человек. В наше время нечто подобное от имени психоанализа сказал Карл Юнг.

5.6- Четыре благородные истины

Они составляют набор учений в том виде, в каком они были представлены, и чьи темы больше не рассматриваются в космологическом и онтологическом контексте, в котором они были сформулированы, а как эмпирическая реальность человеческого существования.

Первая истина заключается в том, что страдание — это суть человеческой жизни. Жизнь — это процесс, который разворачивается, пока мы страдаем.

Содержание этого утверждения уже было объяснено нам собственными словами Будды в тексте Саккавибханга-сутты.³

Вторая истина гласит, что причины страданий являются внутренними для человека и создаются или поддерживаются им, а не чем-то, что возникает из-за внешних факторов, причин или обстоятельств. Буддизм возлагает на каждого человека

ответственность за свои страдания и заявляет, что только он или она может уменьшить их. Страдание — это не внешнее зло, которое преследует человека так, как если бы он не был виновником своей боли.

Наряду с этой фантазией о виктимизации недостаток знаний или незнание причин страдания не позволяет его устранить. В сочетании с недостатком знания истинного смысла жизни и

³ Фигуры, изображающие следы Будды, созданы для того, чтобы рассказать о его человеческом пути к просветлению. <https://vidyavajra.blogspot.com/2012/06/feature-105-buddhas-footprints.html> получено 10/2023.

истинной реальности самого себя, это незнание процесса страдания также стимулирует несколько факторов, которые увеличивают и усугубляют страдание, таких как привязанность к иллюзии самого себя, эгоизм и слепота к собственным недостаткам.

Третья истина заключается в том, что уменьшение страданий возможно посредством рационального понимания реальности и ее причин. Весь ад — это процесс, который начинается с познаваемой причины, а его открытие и понимание создают процесс, способный его интенсивно сократить и привести человека к жизни в равновесии и гармонии. Истина и реальность — одно и то же.

Однако этот процесс устранения страданий требует сосредоточенности. Буддизм предлагает этот процесс в модели, состоящей из восьми путей отношений, и называет его «Благородным восьмеричным путем», «Срединным путем» или просто Дхармой.

Четвертая истина, путь к концу страданий (Дхармы), является индивидуальным процессом, которому может следовать каждый человек, чтобы уменьшить страдания, достичь радости и счастья, а также просветления. Дхарма — последняя из четырех благородных истин и одновременно Вторая драгоценность Тиратаны.

По методологическим причинам и следуя Тиратане, мы будем изучать Дхарму и ее Восьмеричный Путь в другой главе, учитывая объем ее содержания, поскольку она концентрирует все руководящие практики и установочное содержание буддизма.

5. с - Контекст и структура учения.

Как мы видели, в основе лежит соединение мировоззрения, основанного на рациональном реализме, находящемся в

постоянном эволюционном преобразовании, и гуманизма, построенного на относительности существования личности со всей ее внешней реальностью. Человек – существо относительное.

Буддизм — это эволюционная доктрина, отрицающая какую-либо ценность человеческой индивидуальности и ее содержания как «Я» изолированного существования. Более того, отрицается существование трансцендентного, абсолютного и творческого божества, а также индивидуальной и вечной души. Учение утверждает тождество истины и познаваемого, реальности как чего-то изменчивого и отвергает любую фундаментальную или догматическую идею (буддийское движение применяет это отвращение к абсолютным и неизменным утверждениям, даже в отношении своих собственных основ).

Буддийское мировоззрение презирает любые метафизические основы и устоявшиеся убеждения, считая их всего лишь невероятными и недостижимыми иллюзиями, не основанным на опыте выражением реальности и, следовательно, истины.

Контекст, в котором Будда представил эти принципы, не был восприимчивым: общество, в котором на протяжении тысячелетий доминировала ведическая культура и все ее традиционные политеистические религии, такие как брахманизм (и все компоненты того, что мы называем «индуизмом»). Этот контекст имел элитарный характер и автократическую и дискриминационную политику, основанную на доминировании, насилии, подчинении убеждений и сохранении невежества для поддержания власти.

В условиях лобового и интенсивного столкновения между приходом буддизма и господствующей ведической, религиозной и политеистической культурой нельзя было бы ожидать выживания этих новых идей и даже их защитников, если бы не благородное происхождение Сиддхартхи и его мастерство и замечательные организаторские способности позволили сформировать первые буддийские ячейки. Такое

структурирование было сделано для того, чтобы ядра Сангхи можно было принять и рассматривать как благородные социальные группы, стремящиеся к знанию, и безвредные из-за их принципа ненасилия и незаинтересованности в материальных благах.

Хотя они объединили самые разные касты, полы, культуры и социально-экономические уровни без какой-либо дискриминации (что не было принято культурой того времени), Сиддхарте удалось добиться того, чтобы эти группы не рассматривались как угроза или что-то презренное. Ему также удалось привлечь традиционное и доминирующее общество к материальной помощи своим последователям (например, предоставлению еды и другой помощи), поскольку они жили в уединении и больше не имели никакого дохода. Этот контекст поддерживает а) Революционную образовательную модель, которая подтверждает существенную необходимость углубленного образования в области общих наук, этики и поведенческих наук (мудрость, этика и умственный контроль), которые считаются необходимыми для жизни каждого человека. б) Модель поведения, основанная на этике простых и практических ценностей и заповедей, добродетелями которой являются сострадание, солидарность, любовь, доброта и отстраненность. в) Модель ассоциативных отношений между людьми с общими целями и культурными группами, соответствующими их развитию. г) Экономическо-социальное видение, характеризующееся сочувствием, гармонией и сотрудничеством между людьми, основанное на мире и отсутствии насилия, где конфликты разрешаются посредством разума, участия и консенсуса, при этом всегда преобладает общее благо. д) Твердая природоохранная политика в области окружающей среды, основанная на самом широком уважении к жизни в любой из ее форм. е) Модель государственной политики, основанная на знаниях, реальности, свободе, равенстве и полном представительстве.

Эти модели являются интеграционистскими и охватывают все культуры, происхождение, полы и социальные и экономические классы без исключений и дискриминации.

6

Вторая Драгоценность (Дхарма)

Восьмикратный путь - это не просто практика или сценарий, он предназначен для развития мысли, которая в определенные моменты напоминает экзистенциализм Сартра в том смысле, что он основан на утверждении, что человек рождается без какого-либо багажа, индивидуального существа или предшествующих вещей; без какой-либо конкретной миссии,

заранее определенной цели или ограничений. Человек рождается чисто и просто как плод природы в ее эволюционном процессе и рождается наделенным всеми ресурсами, необходимыми для жизни и расти. Поэтому он несет ответственность за себя и за все, что будет, ведь он может оценивать, решать и выбирать, что будет содержать каждый момент

его жизни.⁴ Человек — единственный строитель своего существования, и его работа может быть восхитительной или губительной. Человек — строитель своей сущности, своей

⁴ Дхармачакра, или Колесо Рождения и Смерти, символизирует 8 путей Дхаммапады.

(Публикация Wheel № 147-149) имя файла: wheel147.ZIP автор: Бхиккху Хантипало. Доступ к Insight BBS, Пепперелл, Массачусетс. См. Приложение 3.

жизни и своего разума, потому что все происходит из его опыта. Все зависит от него, только от него.

Из-за этих характеристик я лично называю взгляд на Дхарму «конструктивным экзистенциализмом».

Жизнь – это не вызов, награда или наказание, а только возможность.

Дхарма предлагает восемь путей отношения, чтобы облегчить течение жизни, чтобы эта возможность не была потеряна или потрачена впустую.

В своем изложении это дорожная карта, ориентировочный путеводитель. Однако его содержание представляет собой сложную и замечательную поведенческую систему, использующую взаимосвязанные когнитивные процессы и элементы психодинамического, этического и социального характера. Его постоянная практика ведет к развитию баланса и гармонии, являясь путем к просветлению.

Дхарму называют «Срединным путем», потому что Будда разработал ее для этой цели.

Поиски просветления не только в жизни Сиддхартхи Гаутамы, но и в ранних буддийских общинах были по своей природе монашеской деятельностью. Первоначально оно было ограничено бхиккху (так называют монахов), которые полностью посвятили себя доктрине в своих практиках и учебе. Следовательно, эти практики имели тенденцию доходить до крайностей, создавая искажения, которые противоречили основам и целям поисков просветления или, по крайней мере, ограничивали эти цели теми, кто мог вести монашескую жизнь. Сам Будда в течение своей жизни переживал периоды экстремизма в отношении определенных практик, таких как пост, ограничение медитации и изоляция, среди прочего. Таким образом он смог понять, что путь к просветлению должен быть умеренным, естественным и совместимым с разнообразной жизнью людей, потому что его учение было построено для всех людей, а не только для монахов.

Мы никогда не можем упустить из виду универсальность буддизма.

Тогда Сиддхартха захотел предложить умеренные (промежуточные) пути, чтобы практика его учения не стала бременем или болезнью, и более приятный и радостный образ жизни, и дал "Средний Путь" восемь маршрутов, которые составляют лучи колес: "Колесо Дхармы". В текстах, оставленных Буддой, изложение Дхармы довольно сжато, словно список коротких высказываний. Эта краткость несколько затрудняет интерпретацию и приводит нас к дополнительным или пояснительным текстам для лучшего понимания. Возможно, именно поэтому большинство авторов стараются добавлять к каноническому тексту описательные комментарии и толкования. По сути, они ничего не добавляют и рискуют превратиться в банальные тексты. Я считаю, что никто лучше не сможет дать определение каждому из восьми путей, чем их автор, Сиддхартха Гаутама, своими словами в одной из своих сутт:

Восьмикратный путь

Махасатипаттхана сутта (D22)

«И в чем благородная истина пути практики, ведущей к прекращению стресса? Просто этот благородный восьмеричный путь: правильное видение, правильное решение, правильная речь, правильное действие, правильный образ жизни, правильное усилие, правильное внимание, правильная концентрация.

И какое мнение правильное? Знание относительно стресса, знание относительно происхождения стресса, знание относительно прекращения стресса, знание относительно формы практики, которая

приводит к прекращению стресса: это называется правильным воззрением.

И какое правильное разрешение? Решение об отречении, решение об освобождении от недоброй воли, решение о непричинении вреда: это называется правильным решением.

И какая речь правильная? Воздерживайся от лжи, от сепаратистской речи, от клеветнической речи и от тщеславной речи: это называется праведной речью.

И какое правильное действие? Воздержание от лишения жизни, воровства и совершения сексуальных проступков: это называется правильным действием.

И что такое правильный образ жизни? Известен случай, когда ученик дворян, отказавшись от нечестного образа жизни, поддерживает свою жизнь праведным образом жизни. Это называется правильной жизнью.

А что такое правильное усилие? Это тот случай, когда монах порождает желание, прилагает усилия, пробуждает настойчивость, поддерживает и упражняет свое намерение, чтобы не возникло плохих и неумелых качеств, которые еще не возникли... отказаться от плохих и неумелых качеств. еще не возникли... которые возникли... для того, чтобы вызвать появление еще не возникших умелых качеств... (и) для поддержания, несмещения, увеличения, полноты, развития и кульминации возникшие умелые качества. Это называется правильным усилием.

А что такое адекватная осознанность? Это тот случай, когда монах остается сосредоточенным на собственном теле (пылким, бдительным и

сознательным), подавляя жадность и тревогу по отношению к миру. Оставайтесь сосредоточенными на самих чувствах... на самом уме... на самих ментальных качествах - пылких, бдительных и сознательных - подавляя жадность и тревогу по поводу мира. Это называется осознанностью.

И какая концентрация правильная? Это тот случай, когда монах, совершенно далекий от чувственности, от неумелых качеств, входит и остается в первой джхане: экстазе и удовольствии, рожденных уединением, сопровождаемых направленной мыслью и оценкой. Со спокойствием мыслей и направленными оценками войдите и оставайтесь во второй джхане: экстаз и удовольствие, рожденные концентрацией, объединение сознания, свободное от мыслей и направленных оценок: внутренняя безопасность. Когда экстаз утихает, вы остаетесь невозмутимым, осозанным и бдительным и чувствуете удовольствие в своем теле. Он входит и остается в третьей джхане, о которой знатные люди заявляют: «Невозмутимый и внимательный, у него приятное жилище». С отказом от удовольствия и боли, как и с предыдущим исчезновением радости и страдания, он входит и остается в четвертой джхане: чистоте невозмутимости и осознанности, без удовольствия и боли. Это называется правильной концентрацией.

Это называется благородной истиной пути практики, ведущей к прекращению стресса.

Таким образом, он остается сосредоточенным внутренне на самих ментальных качествах, или внешне на самих ментальных качествах, или как внутренне, так и внешне на самих ментальных качествах. Либо он остается сосредоточенным на феномене возникновения в отношении ментальных

качеств, на явлении исчезновения в отношении ментальных качеств, либо на феномене возникновения и исчезновения в отношении ментальных качеств. Или ваше осознание того, что «есть психические качества», сохраняется в пределах знания и памяти. И оно остается независимым (не поддерживаемым не цеплянием) ни за что в мире.

Именно так монах остается сосредоточенным на своих умственных качествах относительно четырех благородных истин. »

(Перевод с пали на английский Таниссапо Бхиккху dhammatalks.org. Получено с <https://www.dhammatalks.org/suttas/DN/DN22.html>. 12 марта 2021 г.). Перевод на русский язык автора.

Восемь путей Дхармы не являются альтернативами; они образуют неразделимый набор, причем отсутствие одного из маршрутов делает набор невозможным.

7

Третья драгоценность (Сангха)

Основное партнерство

5

Буддизм — гуманистическое, социальное и поведенческое движение, а также доктрина. В этой доктрине нет места изоляции или какой-либо форме индивидуализма или эгоцентризма. Все сосредоточено на взаимоотношениях между вещами и существами.

Даже монахи, ведущие чрезвычайно монашескую жизнь, делают все на благо общества, начиная от сообщества, в

⁵ Будда Шакьямуни и его последователи, держа чаши для подаяния, принимают подношения. Бирманская акварель XVIII века. Сангха. (2023, 3 июля). Неизвестный автор - <http://www2.odl.ox.ac.uk/gsd/cgi-bin/library?e=d-000-00---0orient01--00-0-0-0prompt-10---4-----0-11--1-en-50---20-o---00001-001-1-1isoZz-8859Zz-1-0&a=d&cl=CL1&d=orient001-aaf.14> В Википедии. <https://en.wikipedia.org/wiki/Сангха>

котором они уединяются для учебы и практики, до общества в целом, во всех его аспектах, с которым они поддерживают существенную связь.

Поскольку в буддизме нет чувства индивидуальности, это учение существует только в экзистенциальной ассоциативности. Учение существует не само по себе, а лишь в своем существовании и проявлении среди людей.

Поэтому Будда направлял свои учения и практики небольшим общинам, которые с самого начала приютили всех, кто хотел участвовать в их деятельности. Их называли Сангхами.

Это были общины жителей. Люди начали жить в общей среде при одинаковых обстоятельствах и условиях, посвящая себя учебе, опыту и практикам, включая главным образом медитацию и оказание помощи тем, кто ищет помощи.

Сангхи обладали некоторыми характеристиками, благодаря которым они были известны обществу: а) они отвергали любое насилие или конкуренцию; б) они состояли из людей, отделивших себя от социальных и экономических сил; они стали бедными и анонимными; в) приветствовали всех, кто присоединился к ним, без различия происхождения или касты, пола, культуры, убеждений, расы, возраста, социального или культурного статуса, при условии, что они намерены следовать принципам и обычаям группы. Таким образом, сангхи стали известны как «нищенствующие общины», поскольку их люди не работали ради денег и лишали себя своих активов и доходов, и просили пищи от жителей городов и деревень, которые были даны им по образу доброго и истинного человека, приобретающих все большие знания благодаря своим неутомимым занятиям и готовых приветствовать кого-либо еще.

В этих взаимоотношениях с обществом у сангх существовало строгое правило относительно еды: они ели только один раз в день и только в количествах, необходимых для телесных нужд. Это был способ проявить уважение к поддержке городов и

предоставить им еду, которую, в свою очередь, нельзя было потерять из-за обжорства или простого удовольствия от еды.

В этом деликатном контексте сангхам удалось заслужить уважение и признание общества. Однако в них размещались самые разнообразные касты, женщины на равных с мужчинами (все, что не было воспринято брахманской культурой, где низшие касты были маргинализированы, а женщины рассматривались как рабыни), верующие любой веры и неверующие, пришедшие откуда угодно, мыслящие, что они думают. С самого начала они были универсалистскими сообществами.

С учетом этих аспектов доминирующее общество считало их безобидными, неконкурентными и пацифистскими, полезными в некоторых прагматических элементах для научных и философских знаний, которые они развивали, накапливали и делились с сообществом.

Благодаря этим функциям и возможностям Сангхи всегда были важным фактором в самом существовании доктрины; Поэтому их определяют как одну из трех драгоценностей буддизма: третью драгоценность Тиратаны. Несмотря на различия разновидностей буддизма, всегда существуют одни и те же три столпа, называемые Тремя драгоценностями.

Это Будда, Дхарма, учение Будды и Сангха, сообщество, которое следует его наставлениям.

Когда человек принимает буддийскую философию и хочет сделать ее частью своей жизни, традиционный способ состоит в том, чтобы сказать: «Я принимаю прибежище в Будде, я принимаю прибежище в Дхарме, я принимаю прибежище в Сангхе».

Учение Будды Дхармы основано на Четырех Благородных Истинах и символизируется колесом. Первоначально Сангха представляла собой монашескую общину, а позже в нее вошли все, кто следовал буддийскому пути.

Первая драгоценность – это Будда. Принять прибежище в Будде – это не значит спрятаться в безопасности могущественного существа. Убежище в этой ситуации больше похоже на переход к новой перспективе, к новому осознанию возможностей внутри каждого из нас. Принимая прибежище в Будде, мы обретаем способность стать Буддой, искать силы пробудиться к тому, что испытал Будда. Этот драгоценный камень напоминает нам о необходимости найти собственную природу Будды.

Дхарма – это путь, который следует учению Будды и в конечном итоге ведет к пробуждению. Понимая Четыре Благородные Истины, Дхарма учит нас состраданию к себе и другим и ведет к свободе от страха и невежества. Путь предполагает принятие учения Будды и применение этого понимания в повседневной жизни. Дхарму называют второй драгоценностью.

Сангха формируется из тех, кто собирается в группы любого размера для изучения, обсуждения и практики медитации с желанием помочь этой группе и получить помощь. Будда видел, что взаимодействие с другими на пути необходимо для практики. Он считал это необходимым как для рукоположенных монахов, так и для членов более широкой общины. Сангха – третья драгоценность.

В первоначальных и нынешних сообществах учителей Тхеравады под Сангхой подразумеваются прежде всего монахи и другие рукоположенные учителя. Однако концепция Сангхи интерпретируется более широко и современно во многих махаянских и западных группах, включая всех, кто принимает Дхарму как сообщество, независимо от формы и размера.

При нынешних технологических ресурсах, радикально изменивших формы и возможности общения и отношений между людьми, на виртуальных платформах существует бесчисленное множество цифровых сангх. Взаимоотношения и взаимодействие между ее членами происходят на расстоянии, но с тем же смыслом и интенсивностью.

По самой своей природе сангхи постепенно стали важными культурными центрами. Те, кого мы могли бы назвать в то время «просвещенными» и «эволюционистами», пришли посмотреть на них такими, какими они были: первые университеты на планете, предшественники большинства физических и гуманитарных наук, где, среди прочего, была политическая социология. развитый. В них этика, наука и философия разума испытали свое первое дыхание.

Важность и влияние коренного буддизма на всю образовательную структуру и процесс в Евразии были и остаются поразительными.

Так называемое «высшее образование» представляло собой образовательную модель, возникшую в Сангхах благодаря буддийской доктрине, которая понимала, что знания необходимы для достижения просветления и являются необходимой частью Дхармы. Невежество всегда было противно буддизму. Невежество – одна из самых частых причин страданий и экзистенциальных неудач в жизни человека. Одной из целей Сангхи было развитие и предложение обществу высшего образования.

Центральная идея заключалась в развитии передовых междисциплинарных знаний, основанных на развитии мудрости учения Будды. Первоначальная форма предусматривала всеобъемлющую и разнообразную учебную программу, объединенную в три центра: рациональное понимание науки, знание, этическая практика, а также знание и овладение разумом.

Просветления достигают только люди, последовательно осваивающие эти три области. Нет просветления для лживого учёного, невежественного святого или искреннего учёного, который не знает и не направляет свой ум.

Первые буддийские школы разработали очень продвинутую и требовательную учебную программу на базе этих трех центров, создав образовательную модель, которая на протяжении

многих веков влияла на евразийскую культуру и определяла культурную самобытность ее народа.

Исследование данной образовательной модели носит обобщенный и исчерпывающий характер: оно не умещается в данной статье и должно разрабатываться заинтересованными сторонами отдельно.

Передовые рациональные знания, знания этики и их практики, знания и владение разумом были основой этих сообществ 2500 лет назад, точно так же, как они есть сегодня, во всех своих версиях и разнообразии.

Ни одна образовательная модель, известная в истории, не приближается к содержанию, уровню знаний, территориальному спектру влияния, проникновению, культурному осажению, развитию и времени выживания, достигнутым первыми буддийскими школами.

8

Практики

Все буддийские практики имеют монашеское происхождение и были инициированы в Сангхах. По мере распространения буддизм адаптировался к культурам и средам, с которыми взаимодействовал, приобретая весьма разнообразный релятивизм.

В уединенной монашеской среде, практикуемой людьми, постоянно посвятившими себя доктрине, вполне естественно склоняться к ритуализму, телесному выражению, а также символическому и иконическому выражению.

Особенно для нас, жителей Запада, внешний вид этих практик и ритуалов кажется весьма экзотичным и из-за их сложной семиотики мы не можем соотнести их с нашей объективной реальностью.

Этому также способствуют наши предрассудки, убеждения и прагматические упрощения.

Для нашей западной культуры буддийские практики кажутся чем-то в принципе прекрасным и, возможно, нематериальным, но очень странным, без какого-либо воспринимаемого нами рационального содержания и с недостижимым смыслом для наших культур, где звуки и слова из языков, которые не могут быть произнесены смешаны... Мы не знаем, вызваны ли эти движения радостью или страхом. Родился, подписан, только одна из наших многочисленных черт.

От их происхождения до адаптации к самым разным культурам изучение этих практик требует изучения гигантских и неудобоваримых библиотек, не давая нам ценных результатов или существенных знаний.

Всякий раз, когда мы сталкиваемся с неразборчивым неизвестным при первом контакте, мы склонны развивать когнитивные дисфункции в поисках ответа, который избавит нас от мук конфронтации между нашим разумом и тем, что он не может интерпретировать. Таким образом, мы отказываемся от всего простого и реалистичного понимания и принимаем изменчивые фантазии.

Поэтому правильный когнитивный путь — спросить: «Что все это значит?» Ответ так же прост, как и вопрос: все это лишь ритуальный набор практик, мыслей и действий, которые монахи используют для правильного прохождения Дхармы, восьмипутного экзистенциального пути. Просто это.

На самом деле существуют тысячи конкретных ритуалов и практик, но большая часть того, что мы видим и вызываем удивление, — это «пуджи», то есть действия и жесты, помогающие монахам преодолеть свои страдания: именно это и есть цель Дхармы. Наиболее распространенными практиками являются:

Мантры — многократное произнесение определенных звуков или повторение коротких музыкальных фраз. Мантры облегчают медитацию, потому что, когда вы сосредотачиваетесь на повторяющемся звуке, ваш разум освобождается от любых идей, с которыми он связан. Это подготовительное очищение ума к медитации.

Пение: — пение канонических текстов. Это в точности то же самое, что григорианское пение в христианских церемониях, или то, что делают муэдзины на вершинах минаретов, распевая отрывки из Корана, или то, что делают раввины при литургическом пении Торы.

Изгибы туловища и головы являются частью практики, означающей проявление уважения и приверженности, как в западных традициях.

Подношения: Благодарность выражается подношениями Будде, обычно фруктами и цветами.

Ни одна из этих монашеских практик не имеет большого значения вне монастыря, так же как христианин не считает нормальным выходить на улицу, насвистывая или напевая григорианские песнопения.

Правда в том, что буддисты делают одно и то же внутри и за стенами монастыря: делают все возможное, чтобы следовать восьми путям Дхармы. Буддисты никогда не покидают этот треугольник: учение (Будда),

пути Дхармы и общины (Сангха).

Таким образом, вы можете сделать все это, не делая ничего из этого. Вы сможете перенять все доступные вам практики и по вашему выбору, чтобы проложить свой путь, будь то бритые головы в монастыре или носить шорты и гавайские сандалии с развевающимися на ветру волосами на пляже.

Важно содержание, а не символика или внешний вид. Давайте искать семантику, а не только семиотику. Сиддхартха Гаутама разработал учение не для монахов, а для людей, для всех нас.

Однако одна практика важна для буддизма; это условие, без которого никто не сможет следовать Восьмеричному Пути: медитация. Медитация — единственная истинная литургия буддизма.

Если бы вы могли спросить Будду: "Следует ли мне медитировать каждый день?" Он, вероятно, скажет: «Нет! Целый день, навсегда. Медитация не зависит от храмов, церемоний или обрядов; оно должно быть частью вашего разума, сознания, жизненного потока, тела и психики.

Вы можете медитировать тысячей способов и ситуаций, потому что медитация — это не внешнее действие; это происходит в вашем собственном состоянии ума. Вы можете медитировать в красивом, тихом поле цветов с летающими в воздухе бабочками, в позе лотоса и в ракусу земляного цвета или в переполненном вагоне Поезд в 11 часов, последний до утра, в потной куртке и узкой рубашке, с сумкой на коленях и остатками обеда на весь день.

Приносит ли буддийская медитация удовольствие? Нет, и абсолютно да. Эффекты и результаты медитации чрезвычайно приятны, но сам процесс медитации может быть даже болезненным.

Когда некоторые авторы заявляют, что Будда был предшественником психоанализа, они понимают, что буддийская медитация, несомненно, является психоаналитическим процессом. Во время медитационного упражнения вы наблюдаете свой ум как нечто внешнее по отношению к нему, рационально и критически, а также аналитически, в смысле когнитивного приближения как можно ближе к истокам, причинам и процессам, которые формируют и поддерживают ваш разум и психические состояния. . . Если бы мы могли обсудить эти утверждения за круглым столом с Буддой, Фрейдом и Лаканом, мы, несомненно, получили бы полное единогласие.

Весь этот процесс включает в себя бесчисленные когнитивные, эмоциональные и органические компоненты, а также самые разнообразные состояния мозга и психики, о которых мы теперь обладаем более широкими знаниями благодаря нейронаукам, особенно нейропсихологии.

Гораздо сложнее то, что медитация — это не рецепт торта или руководство по цифровому приложению. Другими словами, как бы вы ни хотели и сколько бы у вас ни были подробные пошаговые инструкции и необходимое оборудование, завтра утром вы не сможете приступить к медитации. Медитация — это навык, который требует обучения, преданности делу,

внимания, практики, развития и воплощения до такой степени, что вы сможете осознать, что такого понятия, как «медитация», не существует; есть «ваша медитация».

Способность к буддийской медитации требует месяцев и лет усилий; иногда это уносит жизни.

Каждый раз, когда я анализирую проблему, которую ставит перед собой медитация, в моем сознании возникает одна мысль. Кажется, я совершенно не разбираюсь в музыке. Ноты и малайский папирус для меня означают одно и то же: они ничего не говорят. Тогда друг, которому я очень доверяю, приходит и говорит: "Это твое пианино". Это что-то новое; вам просто нужно настроить его. Вот ноты девятой симфонии Бетховена, она содержит все ноты, согласы, ритмы и так далее. Я хочу настоятельно призвать вас добиться успеха в этом."

Я решил принять этот вызов, и после 15 лет преданности, трудностей, успехов и неудач, мне удалось преодолеть его.

Затем я ищу своего оппонента и аккуратно исполняю симфонию. Услышав это, он сказал: «Хорошо. Поздравляю, ты в порядке. Теперь ты можешь принять мой вызов. Принять вызов? Что ты имеешь в виду?" Я ответил.

Тогда мой друг говорит: "Да, это мой вызов. Неважно, умеешь ли ты хорошо играть девятую симфонию. Каждый может это сделать. Это не то совершенство, о котором я упомянул в своем вызове. Это не то, что является совершенством. Это означает сочинение симфонии лучше, чем девятая: твоя собственная, которую никто, кроме тебя, не может сочинять".

Будда оставил нам «Ноты Девятой симфонии» или «Пошаговое руководство» по медитации. Учитывая сложность и глубину процесса медитации, это длинный документ, несмотря на замечательную лаконичность, с которой говорил Будда. Она широко известна как «Длинная беседа об уме и медитации», ее каноническое название — Махасатипаттхана Сутта, а полный текст можно найти в Приложении 2.

Любой буддист предложит читать этот текст «понемногу», где «понемногу» не относится к определенному хронологическому ритму. Это выражение означает, что вы постепенно понимаете, включаете и испытываете то, что понимаете. Время не имеет значения; здесь это не измерение.

Я уверен, что буддисту сложно сказать точно, когда он на самом деле начал медитировать, потому что это не происходит в один момент, а это процесс, который часто разворачивается на протяжении всей жизни. Однако важно начать, потому что у инвалидности, как и у невежества, нет начала, а есть конец.

Важно знать, что буддийская медитация имеет две основные концепции, которые часто сливаются в любой медитативной практике: медитация Саматха и медитация Випассана.

Первая, известная как мягкая медитация, направлена на то, чтобы привести медитирующего к максимально глубокой концентрации. Это то, как вы пытаетесь опустошить свой разум, полностью устраняя осознание любого события, которое происходит или которое, по вашему мнению, может произойти, и соответствующие эмоции. Опустошение ума означает, что в этот момент он не содержит представлений ни о каком объекте или идее. Ум свободен от прошлого, будущего и самого себя.

Саматха — это первый шаг к медитации, потому что медитация невозможна, если ум внимателен к любому стимулу, идее или объекту. Медитация написана на чистой странице: пустой ум.

Кажется легко, но это не так. Монах может очистить свой разум в толпе на футбольном поле. Обычные смертные часто проводят целую ночь, а то и дни, с глупой идеей, циркулирующей в их голове.

Опустошить разум так же сложно, как фортепиано: оно новое, его просто нужно настроить. Многие люди наивны, когда предлагают простое решение: «Это просто; если я перестану думать о том, о чем думаю, все, что мне нужно будет сделать, это подумать о чем-то другом», и таким образом они полагают,

что опустошают разум, одновременно заполняя его чем-то другим.

Даже в течение нескольких минут ни о чем не думать – это навык, приобретаемый путем постоянных и зачастую длительных тренировок.

Для этого предлагается несколько техник, наиболее часто используемым является тот, который пытается удержать внимание строго внимательным к дыханию, движениям диафрагмы, ритму вдоха и выдоха, тому, как частота сердечных сокращений следует за потоком воздуха, ритм самый медленный и глубокий, который он приобретает. Ваше дыхание — это не существующий объект или идея, занимающая ваш ум. Вы сможете воспринимать и наблюдать физический и энергетический процесс как зритель. Если вы внимательно сосредоточитесь на своем дыхании, через несколько минут ваш разум естественным образом опустеет и превратится в пустую страницу, на которой вы сможете написать свой результат.

Качество «пустоты» имеет большое значение в учении. Реальность пуста, потому что она существует в непрерывной трансформации и в каждый минимальный момент может принимать совершенно разное содержание. Ничего не осталось. «Я» пусто, потому что оно изменчиво и определяется ментальными состояниями, которые мы постоянно производим и изменяем. «Я», или личность, пусто; он не содержит ничего, что сохранялось бы. И внешняя, и внутренняя реальность — ничто; это всего лишь маленькие частицы того, что мы называем «временем».

Саматха – это медитация пустоты.

Медитация Випассана — это вторая стадия, которая начинается со строго пустого ума. Его также называют уровнем размышления, на котором медитирующий проходит четыре процесса наблюдения и сможет использовать все свои когнитивные, аналитические и критические способности для

формирования знаний о своей нынешней реальности и понимания себя. Познай себя. Чтобы понять реальность, медитирующий должен полностью освободиться от того, что мы называем прошлым и будущим. Буддизм настаивает на том, что только настоящее является частью реальности; прошлого и будущего не существует. Прошлое умирает так же, как личность человека умирает в каждый момент, восстанавливаясь в следующий момент: настоящее. Будущего не существует; это воображаемая проекция нашего разума; оно не является частью реальности и не может быть проанализировано рационально и критически. Будущее — это огромная мусорная корзина всего худшего, что есть в нас: мы выбрасываем в него все наши страхи, наши неудовлетворенные желания, наш подавленный гнев, наши навязчивые идеи, наш эгоизм, наши разбитые надежды и все осколки нашего тщеславия и вины. Будущее — это наш ад, тот, который мы строим себе и которым наказываем и порём себя на протяжении всей жизни.

Для буддизма привязанность к прошлому — это навязчивая идея, а привязанность к будущему — иллюзия.

Так сознание медитирующего начинает свою обнаженную Випассану. Он был лишен прошлого и будущего, лишен самого себя, освобожден от нарциссической иллюзии «я» как существа, отдельного и открытого реальности, связанного со всем, что существует.

Интенсивность деятельности Випассаны разбавляет тишину Саматхи.

На этом этапе медитатор выполнит четыре последовательных процесса наблюдения: наблюдение за телом, чувствами, умом и принципами (качествами). Випассана представляет собой познавательный и психоаналитический процесс внешней реальности и ее внутренних фактов, выраженный в вашем мозге и психических состояниях.

Випассана, требуя соблюдения принципов, дает понять, что самопознание является полным только тогда, когда медитирующий осуществляет глубокую критическую оценку своего поведения с точки зрения его этического содержания: знания тела, психики, ума и морали.

Когда я раньше говорил, что буддийская медитация представляет собой болезненную процедуру, я имел в виду Випассану.

Здесь цель медитации строго связана с четырьмя благородными истинами. Я страдаю; мой разум создает страдание; Я могу преодолеть страдания; у меня есть путь.

Чтобы знать, оценивать и критиковать окружающую вас реальность, ищите в настоящем внешние и внутренние причины всех ваших страданий. Какими бы глубокими они ни были, лишившись всякой защиты своего «я», поставьте под сомнение этическую ценность своих действий перед лицом страданий и реалистично оцените, как их можно улучшить или устранить. Ничто из этого не является приятным процессом.

Переносить свой опыт в настоящее еще менее приятно. Допустим, медитирующий очень расстроен, потому что кто-то его обидел. Он может оценить это так: «Меня огорчает травма, которую я несу с детства, потому что мой отец плохо обращался со мной на глазах у моих братьев. Подобные рассуждения бесполезны в медитативном процессе; это просто попытка побега. Ваша возможная травма принадлежит прошлому, а прошлое больше не существует и больше не является частью реальности, это не прошлое строится сегодня, оно строится вашим разумом здесь и сейчас, и если вы правильно наблюдаете реальность сегодня, здесь и сейчас вы просто скажете: «Я злюсь на того, кто меня обидел, и только я ответственен за свой гнев».

К этому моменту вы уже узнаете истинную причину своих страданий: свой гнев, и отсюда сможете разработать способы освободиться от этого разрушительного чувства.

Однако результаты медитации восхитительны и драгоценны, гораздо больше, чем мгновенное удовольствие от удовлетворения желания. То, что предлагает медитация, будучи шире и глубже, — это покой, радость быть живым и переплетенным со всем сущим, свободу от бесполезных страданий, очищение от накопленных ядов, доброту, сострадание, сопереживание, обнаженность ума и легкость ходьбы. каждый шаг без воображаемого бремени прошлого и будущего, освобождение от уз эгоизма, знание того, что твое сознание умрет сейчас, потому что оно изменчиво, как и наши психические состояния, но что оно возродится в следующий момент, чтобы продолжиться.

Медитация по-прежнему является локомотивом, приводящим в движение Восьмеричный Путь. Если мы посмотрим на восемь путей, составляющих Дхарму, мы увидим, что все они зависят от процесса, который ведет к рациональному познанию текущей реальности и к более широкому и глубокому пониманию самого себя с точки зрения всего, что несет в себе ум и что человек несет в себе практику этического поведения.

Согласно своей доктрине, буддийская медитация побуждает медитирующего найти самую существенную из всех ценностей: истину. Психоанализ, нейробиология, поведенческие науки и современные теории ценностей очень близки ко многим пунктам буддийского медитативного процесса, и их данные все больше демонстрируют эффективность их методологии для понимания ума, содействия эмоциональному балансу, улучшения и расширения когнитивных процессов и консолидации сознания. Отсюда его терапевтическая ценность и тот факт, что он способствует интеллектуальному развитию, эмоциональному балансу, а также ассоциативным и реляционным способностям.

9

Карма

Карма – это термин, который стал общепринятым на Западе и начал означать разные вещи: некоторые более или менее близкие к правильному понятию, другие абсурдно неправильные.

Глубокое понимание кармы не вписывается в этот текст, учитывая его объем, природу и цели.

Понятия кармы предшествуют буддизму и издавна укоренились в индуистской и ведической культурах и религиях, приобретая в каждой из них свои особенности, часто правильные или совместимые, иногда нет.

Благодаря своей долгой истории и разнообразию, Термин «Карма» приобрел тысячи лиц, со временем превратился в миллионы понятий и был увиден разными глазами. Погружаться во всю эту вселенную идей нет смысла.⁶

Среди этих тысяч различных точек зрения, некоторые из которых более острые, такие как канонические записи, физические науки, психология и современная философия, мы

⁶ Тке Карма символизируется бесконечным узлом.

<https://www.dicionariodesimbolos.com.br/simbolo-karma/> получено 10.01.2023.

попытаемся обрисовать понимание кармы, основанное на самых основных и универсальных концепциях, включающих междисциплинарный вклад разных авторов.

Один из способов рассматривать карму — рассматривать ее как рефлекторный эффект, определяемый законами физики и распространяющийся на область энергий. В этом смысле карма подчиняется принципу, согласно которому каждое действие вызывает равное и противоположное противодействие. Доказательства этого принципа в отношении масс уже распространены в элементарной физике, и, пока энергии можно измерить количественно, он, кажется, преобладает для них. Научное доказательство этого предположения находится в области электростатической энергии, где показано, что эти энергии притягивают друг друга, и противоположные энергии отвергаются (положительный заряд против отрицательного заряда).

Предполагая, что наше сознание, наши действия и эмоции возникают в результате взаимного электронейронного взаимодействия между состояниями мозга и психическими состояниями (что также продемонстрировала наука), считается, что наши мысли, действия и являются генераторами конкретных эмоций, энергий, передаваемых в окружающей среде на частоте, на которой существует наш разум.

Когда это произойдет, среда немедленно, рефлекторно, вызовет равную, противоположную и столь же специфическую реакцию. Поскольку эти энергетические излучения безошибочны благодаря их частоте вибрации и другим квантовым элементам (которые до сих пор являются научными гипотезами), они будут привлекать друг друга в соответствии с их природой, и вы получите от окружающей среды в обмен на тот же вид и количество энергии, что вы дали.

Ментальные состояния, возникающие в результате этого процесса, накапливают эти энергетические выбросы и реакции, подобно электрической батарее, и постепенно концентрируются в вашем уме, повторяясь. Поэтому

происходит сохранение энергии, как того требуют законы физики.

Карма – это именно тот конкретный груз накопленной энергии, который несет в своем уме каждый человек.

Вот почему карму в народе называют «универсальным законом возврата», И вывод, который мы используем, порождает выражения, которые также популярны и в целом интуитивны, такие, как "каждый получает то, что делает", "ты берешь; здесь ты платишь", "ваш гнев обращается против тебя" и так далее.

Таким образом, карму обычно рассматривают как наказание, корректирующую реакцию Вселенной, протivotок, за который необходимо платить, и т. д. Эта точка зрения неверна, поскольку наша умственная способность генерировать энергии типа «А», например, для любви, такая же, как и наша способность стимулировать энергии типа «О» для ненависти. Оба ответят с одинаковой интенсивностью и характером, давая понять, что карма не является ни хорошей, ни плохой. Оно существует только потому, что энергия не теряется. Хорошо или плохо — это наши мысли, эмоции и действия, которые мы выбираем.

Поэтому в буддийской концепции кармы нет элементов вины, осуждения или удовлетворения. Существует широкое понятие выбора и ответственности. Мы — продукт нашего выбора, и только изменив свой выбор, мы можем изменить энергетическую нагрузку, которую несем. Ни один жестокий человек не может рассчитывать на ласку со стороны других живых существ, так же как никто, кто действительно ласкает своих братьев, не должен ожидать, что ему дадут пощечину.

Оставляя физико-энергетические рассуждения и наблюдая те же самые факты с психической и поведенческой точек зрения, некоторые авторы концептуализируют карму как «закон моральной причинности»; то есть этика, которая, как поведение, представляет собой определяющий фактор качества

и характера наших психических состояний, то есть качества нашей жизни.

Однако Будда копался в карме глубже, чем в понимании ее на основе наших действий. Он использовал карму, имея в виду волю, намерение или мотив действия. Он сказал, что карма — это воля, потому что именно мотивация действия определяет кармический плод. Каждой цели ума присуща энергия, достаточно мощная, чтобы произвести последующие результаты. Когда мы понимаем, что карма основана на воле, мы можем увидеть нашу огромную ответственность за осознание намерений, которые предшествуют нашим действиям. Если мы не осознаем мотивов нашего ума, то при возникновении неумелых волевых действий мы можем бессознательно действовать в соответствии с ними и тем самым создавать условия для будущих страданий.

Следствием этого буддийского наблюдения является то, что то, что мы хотим, имеет большее значение, чем то, что мы делаем, с точки зрения генерации энергии, определения кармы как строго морального явления и укрепления доктрины, которая требует глубокого знания наших эмоций и полного владения разумом. Это преобладание значения намерения в карме отчасти напоминает понятие «греха» в христианстве, который может совершаться «в мысли, слове и деле». Нет необходимости убивать; мы убийцы с того момента, как сознательно желаем убить.

Доктрина Кармы ставит под сомнение то, что происходит с этой «непостоянной совокупностью» после смерти человека. Традиционным ответом коренного буддизма всегда было утверждение трансмутации энергии. Как только его совокупное ядро, которое было психическим состоянием человека в жизни, исчезнет, этот непостоянный агрегат, энергетическая структура, станет доступен и высвобожден (эманантен) в природе. В этом состоянии, уже не интегрированный в конкретную энергетическую систему, он будет притягиваться к какому-то другому развивающемуся агрегатному ядру, качественно и количественно совместимому.

По природе этих энергий добавленное новое ядро будет новой жизнью в процессе формирования.

Эта встреча освобожденной непостоянной совокупности с ее новым совокупным ядром и есть та самая концепция «возрождения», о которой говорил Будда: новое существо, новая жизнь, новый разум, совокупность опыта и энергий, порожденных другими существами в предыдущие времена.

Глядя на понятие кармы под этим углом, возникает (по крайней мере, у меня) ощущение, что речь идет о сценарии игрового фильма. Однако вскоре я возвращаюсь к реальности и критическому мышлению, когда вспоминаю, что, если бы Карл Юнг был рядом со мной в тот момент и я спросил его, что такое коллективное бессознательное, он, вероятно, дал бы мне такое же описание.

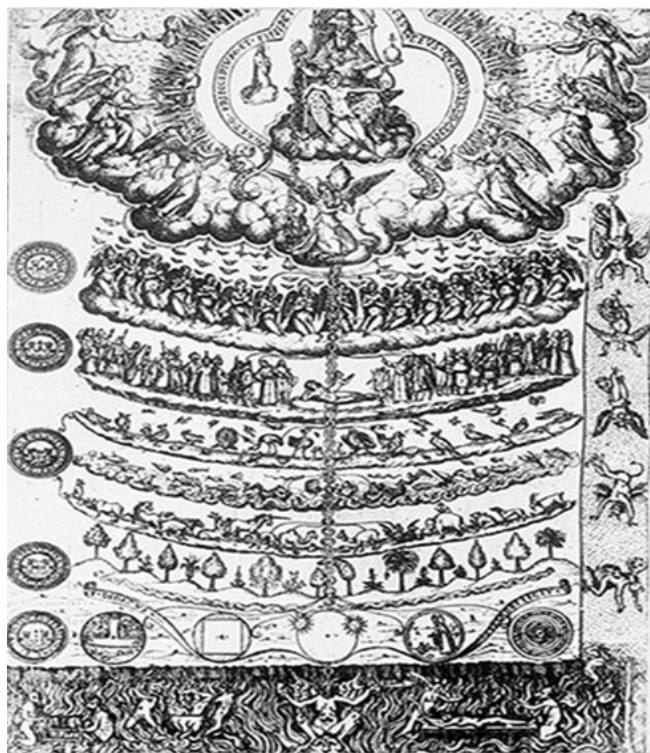
В вашей психике и психических состояниях вы несете знания, и опыт, приобретенные с начала палеолита, 150 тысяч лет назад, никогда не имея связанного с ними личного опыта. И каковы были каналы передачи этих энергий, которые так часто концентрировались и рассеивались у такого большого количества людей? Имя — геном человека.

Ваше ощущение молодости ложно. Ваше сознание наслаждается текущими моментами, страдает, любит и ненавидит все новое, что его населяет. Однако ваше бессознательное старше вида, потому что еще до мы стали гоминидами, мы уже многому научились у приматов в этом бесконечном танце эволюции.

Рауль Сейшас ошибся, когда сказал в своем стихотворении, что родился 10 тысяч лет назад. Это было намного, намного раньше. Будучи концепцией до буддизма и сегодня распространенной в тысячах различных течений, групп, сект и тенденций, принцип кармы описывается различными способами, от фундаментальных теоцентрических верований до бредовых фантазий, в соответствии с популярным воображением и лженаукой.

Если мы хотим понять буддийский принцип кармы, независимо от того, принимаем мы его или нет, мы можем опираться только на два элемента: Палийский канон и современную науку.

10

Иерархия Существ, Шесть Королевств и
обожествление архетипов.

«Великая цепь существ» — Rhetorica Christiana — 1579 г. н.э.⁷

⁷ <https://smarthistory.org/engravings-in-diego-de-valadess-rhetorica-christiana/> (Getty Research Institute)

Каждое мировоззрение (то, как мы видим и понимаем вселенную, мир, в котором живем, и самих себя) устанавливает иерархию между существами вследствие явления неравенства между индивидами.

Все философские и религиозные традиции дают свои определения этой иерархии, которая является способом провозглашения их мировоззрения. На рисунке выше мы можем наблюдать христианские концепции, представленные в XVI веке и зарегистрированные во всех западных культурах и религиях: креационизм, растения и животные как бессознательные и бездушные формы жизни, антропоцентрическое мировоззрение, небо и земля, ад, связанные с закодированной реальностью. . и деонтологическая этическая структура, поддерживаемая вознаграждением и наказанием.

Выражая глубокую разницу между западными и восточными традициями, на следующем рисунке мы можем увидеть иерархию между существами, задуманную древними индуистской и ведической культурами, позже интерпретированную буддизмом, Самсару, как мы увидим и объясним.

В первой форме мировоззрение (или космовидение) исходит из заранее установленной идеи о мироздании и, руководствуясь содержанием этой идеи, развивает свои представления о вселенной, мире и существах. Таким образом, мы приходим к антроповидению, которое является необходимой концептуализацией для построения упорядочения ценностей среди существ.

Это антроповидение не будет основываться на каком-либо эмпирическом, экспериментальном элементе, а лишь на идеальном контексте, заранее установленном мировоззрением.

Это идеалистическое мировоззрение.

Второй путь построения мировоззрения идет по противоположному пути: рациональное видение производится

из эмпирической реальности и развивается в видение мира и вселенной.

Это реалистичное мировоззрение.

История и наука показывают, что реалистические

мировоззрения, рожденные из антроповидений, могут привести к истинным или ложным конструкциям в зависимости от их происхождения и развития. У них есть несколько эпистемологических ресурсов, которые можно исправить, если их результаты ошибочны, даже если они существенны.

В свою очередь, идеалистические

мировоззрения неизменно приводят к логически и антропологически ложным результатам. Поскольку они ошибочны и маловероятны, они выражаются через догмы (препятствия, налагаемые на критическое мышление), что делает невозможным подвергать его науке, адаптировать и развивать.

Таким образом, они становятся противоположными понятиями без возможности логического или герменевтического примирения.

Аспекты, которые больше всего отличают одно от другого, следующие:

Его сущностное основание определяется заранее установленной системой идей (идеологией), неизменной и неродственной, которая преобладает над любым другим гносеологическим контекстом и из которой вытекает все остальное. С другой стороны, основа реалистического

мировоззрения возникает из антроповидения, подвергающегося когнитивным, экспериментальным процессам и критике знания, и добавляет содержание для формулирования своих наблюдений за более широкими и сложными контекстами, такими как мир и вселенная.

Исходя из абсолютной идеологической опоры, идеалистические мировоззрения требуют существования центрального божества, превосходящего все, онтологически способного строить и направлять Вселенную и все, что в ней содержится, включая человека.

В реалистических мировоззрениях все существующее изменчиво и непостоянно, в том числе и люди, особенно сама Вселенная. Ни один бог-творец не смог бы построить эту вселенную такой, какая она есть. Этот бог может существовать только в воображении людей.

В идеалистических мировоззрениях все трансцендентальное содержание является постоянным и бессмертным по своей природе. Они будут там навсегда. Люди бессмертны; боги и божества, ангелы, святые, херувимы и демоны вечно вечны. Эти сущности существуют в этих идеалистических убеждениях; они не являются символическими, метафорическими или референциальными. Они для нас странные существа, люди, с которыми мы взаимодействуем.

В реалистических мировоззрениях все трансцендентальное метафорично, символично, архетипично и диалектично.

Идеалистические мировоззрения принижают наш геномный эволюционный процесс и влияние нашего коллективного бессознательного на формирование общества и человеческого опыта, включая его этику, которая, по их мнению, диктуется Богом через откровения.

С другой стороны, реалистичное мировоззрение включено в вашу реальность и превосходит весь бессознательный человеческий опыт.

Идеалистические мировоззрения начинаются с бога, который изобрел людей, тогда как реалистические мировоззрения начинаются с людей, которым иногда нравится создавать богов.

Обе модели мировоззрения парадоксальны: идеалист исходит из бога-творца и приходит к человеку, который в нем не нуждается, а реалист исходит из человека, который путешествует, чтобы обнаружить существование богов, и обнаруживает, что он, человек, одинок.

На изображениях выше мы видим расходящиеся представления иерархии существ: слева — буддийская шкала, выраженная Колесом Жизни (Сансара), а справа — Великая Цепь Существ, средневековая христианская.

Это не просто две разные конструкции, а две строго противоположные концепции.

В западных традициях люди считаются постоянными существами, созданными Богом, называемыми «по его образу и подобию», с заранее установленной судьбой, контролируемой божеством, которое может вмешиваться в нее через «божественное провидение» (конкретный божественный план) за каждого живого человека), даже чудесным образом. Существа являются такими, какими их задумал Бог, и люди должны принять эти замыслы и судьбы как волю божества.

Иерархия существ, следовательно, представляет собой нечто относительно неопределенное по содержанию. Учитывая неизменную природу и управляемые божествами, которые также неизменны, все люди одинаково незначительны. Они были сделаны «невинными и невежественными», а затем развращены, совершив «первородный грех», съев плод «дерева познания добра и зла». С рациональной точки зрения это означает, что человек потерял свою невинность, пытаясь отбросить свое невежество и познать, что такое добро и зло, посредством своего собственного экзистенциального опыта. Поскольку эта иерархия представляет собой деонтологическую этическую модель, человек не должен делать то или иное,

поскольку только Бог должен сказать ему, что такое добро, а что такое зло. За этот (свой первородный грех) человек был наказан тем, что называлось «человеческим состоянием». «Состояние человека» на протяжении веков было частью длинных, риторических и незавершенных повествований, чтобы выразить то, что Будда сказал в коротком предложении в своей Первой благородной истине: «Страдание – это человеческая природа.

Человек, следовательно, не имея никакого участия в своем онтогенезе, занимает очень простое место в иерархии, ограничивающееся помещением его в ценностные отношения с божествами и полубогами, всеми постоянными, неизменными и чрезвычайно высшими существами.

Эту концептуальную простоту можно увидеть в графическом изображении «Великой цепи существ» средневекового христианства, воспроизведенном выше.

В буддизме иерархия гораздо сложнее, поскольку нет такого творческого божества. Рожденные в результате естественного и спонтанного эволюционного процесса во Вселенной, люди являются творцами своих миров и своей жизни. Это существа без судьбы, несущие в себе сознание своего нынешнего опыта, незнание своего энергетического наследия и знания вида, записанные в архетипах, прикрепленных к геному вида.

Это существо, которое не рождается ни невинным, ни невежественным и принимает соответствующее участие в его онтогенезе. Это существо, построенное во вселенной, где все меняется с каждым жестом, каждой мыслью и каждым действием, и ничего не остается, даже самой вселенной.

Иерархизация этого существа в космическом масштабе становится чрезвычайно сложной.

Именно такую сложность и призван показать образ Сансары, буддийского Колеса Жизни.

Сансара означает последовательный и непрерывный цикл рождений, смертей и трансформаций не индивидуума, который угасает со смертью, а его сознательных экзистенциальных энергий, пока эта совокупность не достигнет своего просветления, состояния, в котором она разорвет круг Сансары, интегрируя себя в огромную космическую совокупность сознания и предотвращая перерождение. Целью является просветление, что означает полную гармонию и полную, сознательную космическую интеграцию.

Концепция просветления выбирает человека хозяином своей судьбы и участвует в его онтогенезе, поскольку он по-своему находится внутри этого цикла. В регионах и средах цикла Сансары каждый человек будет выбирать, какие бы поведенческие и этические явления он ни имел, он будет изучать свой эволюционный путь, качественно обогащая или истощая несущую его энергетическую жизнеспособность. Буддийский аргумент отдает предпочтение иерархической природе, а не онтологической.

Чтобы понять эту концепцию вселенной, важно помнить, что эта буддийская иерархия включает метафоры, символику, архетипические фигуры и исторические элементы. Ничто в нем не является буквальным или объективным; все образно, в соответствии с моделями выражения и общения ведической и хинди-культуры. Вместо уровней в иерархии используется идея «царств» или сфер, где живут люди, и в своих непостоянных образованиях они могут перерождаться и включаться в новую жизнь в формировании согласно своим качествам.

Согласно буддизму, существует шесть царств существ:

Царство адских существ: Нарака/гати/Дзигокудо.

Царство голодных духов/призраков: Претагати/Гакидо...

Царство животных: Тирьягони-гати / Чикусёдо...

Царство людей: Манусья-гати / Ниндо.

Царство полубогов: Асурагати/Ашурадо.

Божественное Царство: Девагати / Тендо

Нам следует понимать царства как «среду», в которой может присутствовать человеческая жизнь. Это не места, а психические состояния, возникающие в результате этических и поведенческих качеств человека. Перерождение любого человека может произойти в любом из этих царств, даже в животном царстве; из-за этой этической основы.

Иерархия существ в буддизме представляет собой этическую классификацию. Наличие мистико-магических выражений, характеристика божеств и полубожеств и рассматриваемых типов существ являются фигурами, передающими идеи, а не наблюдаемые реальности. Эта иерархия не имеет доктринальной структуры, а лишь семиотический характер.

Все эти подходы необходимы, чтобы сделать возможным чтение и понимание Самсары. Оно ничего не добавляет к буддийскому учению как по содержанию, а синтезирует и связывает между собой все его первичные элементы.

Представляет буддийскую космологию с иерархией существ, ядами ума, путем Дхармы, шестью сферами существования, функцией Кармы, небесами и адом нашего ума и жизни, смертью и возрождением как повторяющимися циклами. . Самсара заключает человека в эти циклы жизни и смерти до тех пор, пока он не достигнет просветления, не объединится с истиной и не освободится от этого цикла, так что ему больше не нужно будет рождаться в Человеческом царстве и последовательно умирать.

Предположим, мы переведем его совокупные символические, культурные и исторические ссылки и значения, архетипы и ценности, представленные в форме божеств, значение цветов, референциальные элементы животных, отношения и геометрические структуры. В этом случае мы извлечем из этого рисунка абсолютно все, что было написано в этой книге и многое другое, что еще предстоит написать.

Самсара, Колесо Жизни, — одно из самых захватывающих произведений восточной графики не из-за его эстетической, визуальной или доктринальной ценности, а из-за его огромной способности выражать одну из самых сложных философских и этических систем гуманизма. Небольшим рисунком он превращает в пыль целые библиотеки и создает впечатление невозможного: «наблюдения буддизма». во всем своем культурном многообразии, облаченном во все нюансы и народные верования, суеверия и воображаемые проекции, которые добавлялись к нему на протяжении веков, всеми языками и символами, которыми оно пользовалось, говорили одно и то же таким разным людям. , его диалекты и семантика, его загадки и реальности.

На самом деле мы не будем глубоко интерпретировать фигуру в этом тексте; нам придется написать еще одну книгу.

Однако мы можем прийти к более простому и разумному объяснению следующим образом:

11

Самсара, колесо жизни

Самсара – это основная концепция восточной философии, которая обобщает идею вечного существования и цикла перерождений. Взаимосвязь переживаний, поступков и последствий на протяжении нескольких жизней проявляется как циклическое явление на протяжении всей жизни.⁸

⁸ <https://educalingo.com/pt/dic-de/samsara>. Retrieved on 01/10 2023

Истоки сансары восходят к древнеиндийским писаниям, которые на много столетий предшествовали зарождению буддизма. Концепция самсары исходит из культур Вед и Упанишад, которые заложили самые ранние основы индуистского философского дискурса.

Упанишады представили фундаментальные понятия Атмана, индивидуальной души, и Брахмана, высшей реальности. Эти концепции составляют основу для понимания сущности сансары и многих других компетенций восточной философии.

Перерождение занимает центральное место в концепции самсары, в которой Атман, пережив одну жизнь, переселяется в другое физическое тело или живую структуру.

Этот вечный цикл перерождений управляется принципом кармы, моральным законом причины и следствия. Действия одной жизни влияют на обстоятельства следующей, создавая непрерывную цепь причин и следствий.

Хотя самсара является фундаментальной индуистской концепцией, намного старше буддизма, Сиддхартха Гаутама придал этой сложной семиотической структуре различные значения и интерпретации. Среди этих новых и различных интерпретаций одной из наиболее существенных является значение и содержание перерождения. В своей первоначальной формулировке возрождение было прочно связано с идеей «реинкарнации», которая означала продолжение индивидуального «я» в новом живом теле.

Это понимание пришло из истоков Упанишад, которые провозглашали существование Атмана (индивидуальной души). Поскольку Сиддхартха Гаутама отверг идею Атмана и отрицал вечность человеческой личности, буддийская концепция перерождения существенно отличается от любой концепции реинкарнации, о чем мы говорили ранее.

Еще одно существенное отличие, привнесенное буддизмом в концептуальную структуру сансары, связано со смыслом ее базовой структуры: согласно буддийской интерпретации,

сансара — это не божественный план, а беспощадный цикл страданий в центре человеческого существования. Буддийский взгляд на самсару — это сложное и детальное исследование человеческих страданий, природы реальности и пути к освобождению.

По этим причинам в преобладающей буддийской интерпретации Сансары концепция Дуккхи часто рассматривается как страдание, но охватывающее более широкий спектр неудовлетворенности, страданий и недовольства. Будда заявил, что Дуккха по своей сути отмечает жизнь в ее первой благородной истине. Эти страдания не ограничиваются физической болью, но распространяются на психические и эмоциональные потрясения, которые люди испытывают на протяжении всей своей жизни.

Это восприятие не ограничивается наиболее очевидными формами боли, но присуще процессу существования. Рождение, старение, болезнь и смерть — неизбежные аспекты жизни, и каждый из них вносит свой вклад в общий смысл Дуккхи (Бикху Бодхи).

Поэтому в буддизме цикл Сансары часто изображают в виде колеса, олицетворяющего непрерывный цикл рождения, смерти и перерождения. Этот цикл, движимый кармой, увековечивает страдания, поскольку люди перерождаются в новые формы жизни со всеми кармическими следами своих прошлых действий. Карма — это механизм, посредством которого движется Сансара, не как детерминированная система или состояние, а как ее сущностное содержание, закон моральной причины и следствия, подчеркивающий ответственность индивидов за свои действия.

В кратком объяснении

«Значения основных частей диаграммы таковы:

- Центр колеса представляет три яда.

- Второй слой представляет положительные и отрицательные действия или карму.
- Третий слой представляет шесть миров сансары. (*)
- Четвертый уровень представляет двенадцать звеньев взаимозависимого происхождения.
- Монстр, держащий колесо, называемый Яма, силы смерти, олицетворяет непостоянство.
- Луна на колесе символизирует освобождение от сансарного цикла существования.
- Будда, указывающий на луну, указывает на то, что освобождение возможно.

Далай-лама пишет:

«Символически три [внутренних] круга, движущиеся от центра наружу, показывают, что три омрачающие эмоции[3] — желание, ненависть и невежество — порождают добродетельные и недобродетельные действия, которые, в свою очередь, порождают уровни страдания. в циклическом существовании. Внешний край, символизирующий двенадцать звеньев зависимого происхождения, указывает на то, как источники страдания (мучительные действия и эмоции) порождают жизни в циклическом существовании. Свирепое существо, держащее колесо, символизирует непостоянство.

Луна [вверху] указывает на освобождение. Будда слева указывает на луну, а это значит, что должно быть осуществлено освобождение, пересекающее океан страданий циклического существования»

Колесо Жизни. (22 октября 2015 г.). Тибетская буддийская энциклопедия. Консультация в 13:40. 10 сентября 2023г., [http://www.tibetanbuddhistencyclopedia.com/en/index.php?title=Wheel_of_Life&oldid=210289.](http://www.tibetanbuddhistencyclopedia.com/en/index.php?title=Wheel_of_Life&oldid=210289)
Перевод на русский язык автора.

Свинья, змея и петух находятся в центре колеса жизни. Они представляют собой три яда бессознательного, агрессии и

желания. Появляются змея и петух изо рта свиньи, так как агрессия и желание возникают из бессознательного состояния. Бессознательное состояние — это неспособность признать свою истинную природу и, следовательно, осознание того, что мы существуем независимо.

Когда мы ощущаем себя отдельными, возникает потребность защитить и защититься от других, и эти действия обычно основаны на агрессии и желании. В изображении Колеса Жизни три животных, расположенные в центре, кусают хвосты и гоняются друг за другом. Этот непрерывный цикл бессознательности,

агрессии и желания является топливом, которое приводит в движение колесо циклического существования.⁹

Подобно тому, как свинья (бессознательное) является источником змеи и петуха (агрессии и желания), так и бессознательное, которое часто переводят как неведение, является первым звеном из 12 звеньев взаимозависимого происхождения. Неспособность признать свою истинную природу и, следовательно, видеть себя отдельными и независимыми от других и явлений, приводит в движение циклическое существование. Как только нам не удастся осознать свою истинную природу, кармические семена бесчисленных предыдущих жизней начинают созревать в форме уникальной психофизической системы, состоящей из пяти совокупностей и пяти элементов. Это происходит на каналах со второго по пятый. Как только эта система разума и тела станет полностью функциональной, ваши сенсорные

⁹ Три яда ума в центре колеса. <https://japaoreal.com/2023/04/16/samsara-um-guia-sobre-os-seis-reinos-do-rokudo/>

способности и сознание столкнутся с сенсорным объектом; контакт установлен. Это шестая ссылка. В результате этого контакта возникает седьмое звено ощущения, и опыт контакта классифицируется как приятный, неприятный или нейтральный.

С помощью этого седьмого звена определения переживания как приятного, неприятного или нейтрального активируются восьмое, девятое и десятое звенья: агрессия, привязанность и презрение. Эти связи имеют решающее значение, потому что именно они в конечном итоге создают карму.

Тон чувства, возникший в седьмом звене, порождает восьмое звено тоски. Это желание получать приятные переживания, отталкивать неприятные переживания и оставаться безразличными к нейтральным переживаниям или желание, чтобы нейтральные переживания не рассеивались. На основе этого стремления возникает девятое звено привязанности. Привязанность — это фаза, на которой человек формулирует мысли и действует преувеличенно в соответствии с желанием. Мы планируем, воображаем, собираем нарциссические запасы и укрепляем свое мнение, готовясь предпринять действия, которые служат защите или укреплению нашего самоощущения. Этот внутренний процесс порождает десятое звено становления (бхава). Это когда мы проявляем свое стремление и привязанность.

Эти действия тела, речи и ума создают карму, порождая одиннадцатое звено рождения и двенадцатое звено старения и смерти. Одиннадцатое звено можно понимать как рождение и продолжительность другой жизни, состояние души или даже новый момент. В двенадцатом звене старение относится к старению и страданию, которые происходят от рождения до смерти нашего текущего физического тела или прохождения состояния или ментального момента.

12

Буддизм и религия

По мнению Будды, приведенное выше название является бесполезной спекуляцией, культурным клише, подобным ярлыку, который мы хотим навесить на все вещи, чтобы претенциозно, на первый взгляд, идентифицировать их, не зная их.

Однако, учитывая профиль современной истории и системное постоянство бинама религия/конфликт, давайте углубимся в это.

Давайте концептуализируем, что такое религия, чтобы убедиться, что мы говорим об одном и том же.

Латинский термин происходит от «re-ligare», что означает «снова объединиться», объединить то, что было разделено.

С древних времен название «религаре» давалось всем системам верований, направленным на восстановление связи между человеком и божеством, которая считалась нарушенной в какой-то момент по вине человека. Этот разрыв произошел потому, что человек каким-то образом оскорбил божество своим поведением, отдалившись от Бога и заслужив страдания, которые были наложены на него в качестве наказания. Таким образом, отдельному человеческому существу, чья индивидуальность бессмертна благодаря вечной душе, необходимо снова приблизиться к божественности посредством практики ряда заповедей, чтобы получить от него после физической смерти доступ в мир духов с вечным удовлетворением.

Фактически, эта формулировка развивалась с течением времени. Сегодня оно охватывает очень разнообразные формы этого понятия, вплоть до того, что трудно четко установить его контуры, мотивируя сложные этнологические и социологические исследования, рассмотренные Э. Б. Тайлором в главе XI его книги «Первобытная культура», опубликованной в 1871 году:

Из архаической концепции «re-ligare», позже обсуждавшейся Эмилем Дюркгеймом, развилось принятие «минимально необходимого» основания для концептуальной конфигурации существования религии, которая была бы «центральной заботой божества». (Джонатан Джонг - «Вера в духовных существ»: Примитивная когнитивная теория религии Эбе Тайлора. 7+-+Тайлор.pdf) _

Позиция Тейлора сегодня принята бесчисленным количеством ученых, но, хотя она и верна, она становится хрупким упрощением, учитывая тенденции сближения религиозного концептуального поля с различными формами гуманизма, социальной философии и другими идеями, всегда основанными на дискуссии о том, что это такое. Действительно является «божественностью».

Поэтому мы понимаем, что, определяя что-то как религию, помимо необходимого минимума Тейлора (который необходимо соблюдать во благо науки), мы должны добавить следующее, чтобы иметь когнитивную и этнографическую концепцию:

Каждая религия — это система убеждений, а не изолированное убеждение; эта система связана с центром, который провозглашает существование божества, способного создавать и управлять миром и людьми (Тайлор).

Вокруг этого центра системы убеждений формируются и поддерживаются другие дополнительные и необходимые убеждения, провозглашающие, как минимум, существование вечной души человека и структуры вознаграждения/наказания, которую следует испытывать вечно после смерти физического

тела. Религия — это неумолимо дихотомическая система, основанная на метафизических предположениях.

Будь то древняя или современная, любая религия неизменно представляет все эти основы. Если это не так, то это не религия, а другая космологическая или когнитивная модель, которую необходимо определить.

Мы видим, что эти элементы прочно укоренились в христианских, еврейских и мусульманских традициях. Например, в христианстве человек был любимым творением Бога и жил в раю, где все остальные существа были там, чтобы служить ему. Однажды человек ослушался божественности способом, который никогда не был четко объяснен; за это он понес наказание в виде изгнания. Поэтому необходимо воссоединить вас с божественностью, чтобы достичь вечности неопишуемого личного счастья, сохраняя при этом вашу существующую человеческую идентичность до вашей физической смерти. Достижение такой вечности означает уважение верований, следование практикам и ритуалам и соблюдение заповедей, установленных этой религией.

Поэтому только посредством анализа этих компонентов мы можем говорить о религиях.

Однако в народе говорят, что Будда, как и Иисус Христос, основал религию. Ни то, ни другое не сделало этого. В обоих случаях религии создавались и развивались простыми людьми после их смерти, порождая конституции церквей («эклазия»), чисто и ограниченно человеческих организаций, часто вовлеченных в борьбу за политическую и экономическую власть. Глубокий гуманизм Будды и Христа использовался для создания идеологической основы, необходимой для этих усилий. Не обошлось и без безумной дерзости приписывать им обоим выражения, которых они никогда не говорили и не делали.

Поэтому об Иисусе из Назарета говорили, что он основал церковь, которую сам никогда не основывал. Нет никаких

доказательств или исторических остатков этих фактов. В нескольких строках текстов есть краткие сообщения, написанные через 30 лет после его смерти людьми, которые никогда его не видели и не слышали и которые создали воображаемый формальный момент для этого факта, например, евангельское заявление, которое Иисус сказал: «Петр, ты камень, и на нем Я построю Церковь Мою».

По мнению некоторых уважаемых богословов и современных ревизионистов, Иисус этого не говорил и не хотел этого делать.

Иисус не хотел основывать какую-либо церковь. Он проповедовал спиритуалистическое и либертарианское мировоззрение и предлагал необычайной красоты и последовательности гуманистическое эсхатологическое учение.

Затем он был убит религиозными евреями во имя своих богов в ходе жуткой церемонии ненависти и ужаса, чтобы дать понять всем, кому небезразлично, что еврейское духовенство не признает ничего, что говорило бы громче покорным народам, чем их малоизвестные писания. и его сомнительные отношения с римским захватчиком.

Что касается Будды, мы имеем свидетельства в обширной литературе того времени, сохранившейся в первых общинах, которая воспроизводит его собственные слова. Эти слова, произнесенные лично Буддой и должным образом записанные, отбрасывают всякую идею религиозности в ее истинном структурном смысле, как описано ранее.

Будда не мог основать религию, потому что он, очевидно, отрицал все, что было существенно для построения такой системы верований.

Будда был тем, кого мы называем агностиком. Он не признавал существования бога, создавшего вселенную, и существ, управляющих жизнью людей, их радостями и страданиями, их ошибками и успехами, их судьбами, успехами и неудачами.

Напротив, Сиддхартха верил в человека, возникшего в результате эволюционного процесса природы, который не несет в себе никакой записанной судьбы, никакой конкретной миссии или предустановленной формации, никакой вечной души и никакой сущности, предшествующей существованию.

За тысячелетия до Кьеркегора и Жана-Поля Сартра Будда был предшественником экзистенциализма: человеком, который строит себя на основе своего опыта, своего знания вещей и своего личного опыта, который дает ему сознание и свободу выбора. Существо, которое знает, выбирает и действует в каждый момент, неся полную ответственность за свой собственный опыт.

Существование предшествует сущности.

Все религиозные антропологии, какими бы они ни были, имеют в своей основе идею неспособного и бессильного человека, нищего, протянувшего руки к обеспечивающему все божество, вымаливающего удовлетворения своих желаний, дрожащего под тяжестью его страха и ползание под тяжестью своей вины.

Это хромающее человечество создано культурой посредством эксплуатации невежества и страхов простого человека. Не что иное, как изображение сценария эксплуатации человека человеком.

Для буддизма этот образ является отклонением.

Будда не признавал вечную индивидуальную душу; в этом вопросе все остальное является следствием.

Иногда я читаю статьи, в которых утверждается, что Будда создал «нетеистическую религию». Я потратил много времени на размышления над смыслом этого утверждения и пришел к выводу, что оно имеет тот же смысл, что и высказывание о том, что существует «квадратный шар» сделанное кем-то, кто не знает ни подлежащего, ни сказуемого: он не знает, кем был Будда, и не знает, что означает религия.

Будда не создавал религию; занимался наукой и философией. Он был одним из предшественников научного реализма, психоанализа, аналитической философии, экзистенциализма, феминизма, эпистемологии, теории и критики познания, социальной психологии, позитивной психологии, экологического консерватизма и концепций о материи и энергии, которых квантовая физика достигла лишь недавно.

С другой стороны, Будда никогда не боролся с религией, какой бы она ни была просто потому, что его учению не нужно было разрушать в людях абсолютно что-либо, например убеждения, необходимые для их существования. Будда рекомендовал уважение ко всем религиям и верованиям, но он не предлагал их в том смысле, в котором мы можем понимать и называть религией.

13

Этика

Когда Будда провозгласил принципы своего учения, он уделил большое внимание знаниям и этическому поведению. Они представляют собой один из трех подходов к высшему образованию: наука, этика и разум.

Из всех гуманистических доктрин именно буддизм придает наибольшее значение этической структуре, вплоть до того, что она составляет одну из трех фундаментальных структур знания: это одно из трех высших учений, без которых никто не достигает целей. их жизни. Более того, без понимания буддийской этики невозможно понять их мировоззрение.

Первоначальные буддийские общины были первыми академиями этической философии в мире, и их качество до сих пор не превзошло их рациональная, экспериментальная структура и реалистическое мышление, их понимание этики как объективной модели поведения без истоков. и отсутствие загрязнения религиозными, политическими или экономическими влияниями.

Когда возникло это учение, весь этический контекст, независимо от того, где и когда, имел свое начало в двух источниках, определявших его содержание, форму, предписания, правила, обряды и верования: религии и политико-экономической власти, и все их соответствующие интересы.

История религий, философии и политики показывает, что это происходит и сегодня.

Будда предложил доктрину, которая по содержанию противоречила многим этическим принципам того времени. Он уважал все верования, религии и ценности общества, но то, что он думал, выходило далеко за рамки того, что он видел и понимал.

Буддийская доктрина и евразийская этика в то время столкнулись настолько, что их мышление сегодня нельзя рассматривать как параллельную, протестантскую и расходящуюся моральную доктрину. Нет; это была противоположная и исключаящая доктрина точно так же, как гелиоцентрическую теорию Галилео Галилея сравнивали с узким и невежественным средневековым геоцентризмом.

Будда наблюдал мир, в котором он жил, с большой ясностью. Заметив это, он задался вопросом, как было разработано и выражено основное поведение, которое направляло человека в обществе:

«Этот мир окутан тьмой. Лишь немногие могут видеть здесь. Немногим птицам удастся избежать ловушки. Лишь немногим удастся выбраться на небесный свет» (Дхаммапада, стих 174).

Комментарий Будды был фундаментальным вопросом о состоянии этики, который находит отклик сегодня.

Спустя более 2000 лет «небесный свет» все еще не привлек многих людей. Наш глобализированный мир, рожденный в результате самой важной технологической революции, которую когда-либо видело человечество, преимущественно населен роботизированными, цифровыми, виртуализированными, неодушевленными, перенаселенными и отчаявшимися людьми.

Мы живем в тысячелетии «я». Не зная, как заново изобрести себя, выйдя из ограничений нашей одинаковости, мы

становимся одинокими и социально дезинтегрируемыми и цепляемся за худшее из представителей вида: иллюзионистский образ самих себя, окончательную слепоту нарциссизма.

Впечатления, которые населяли ум Будды, в их самом глубоком смысле происходят по тем же причинам, которые мы видим выраженными сегодня в блогах социальных сетей, в рисунках футболок, в безвкусные татуировки на теле, в реалити-шоу и в том, что мы видим, когда смотрим собственными глазами в окна.

«Что это за этика? Что это за боги? Что это за существа? Что позволило им покрыть человеческую историю кровью, страданиями и болью? Какие небеса и какие моральные кодексы дали им законность для жестоких завоевательных войн, с древних времен до наших дней? Какая глупость легитимизирует средневековые христианские крестовые походы, камеры пыток так называемой «Святой инквизиции», недавнее агрессивное правление европейского империализма, уничтожающее коренное население Америки, порабощающее такие страны и континенты, как Индия и Африка, в то время как королева Виктория провозглашала ее своим невротиком. и лицемерная скромность. Какие боги маршировали вперед, одоляя свое имя и сея ужас в «священных войнах» на Ближнем Востоке? Что за боги, что за существа те, которые благословляют убийц в погонах, разрушают мир, в котором мы живем, покрывают нас ненавистью или уничтожают виды, чтобы сделать роскошные одежды для икон похоти и пошлости? Кто эти боги, эти люди или правители, которые сбросили атомные бомбы на 250 000 человек? невинных людей, сжигают Вьетнам напалмом и спят спокойно в то время, как страны Африки к югу от Сахары умирают от голода, невежества и нищеты?

Что это за мораль, что это за боги, что мы за существа, более безумные, гнилые и жестокие, чем демоны, от которых мы заявляем, что защищаем себя и которые кажутся нам

покровителями невежества, насилия, ненависти, глупости и несчастье?

Что это за религии, которые создают чудовищных богов, чтобы аплодировать и оправдывать глупое безумие сильных мира сего, изобретают ложные чудеса, которые соблазняют своих подданных и используют ограниченную ложь, чтобы доминировать над умами? Кто эти существа или дети обмана, которые захватили знания, заставили замолчать науку и освятили невежество на протяжении тысячелетий, чтобы их земная и развращенная власть могла быть увековечена? Хотя они цепляются за свое материальное благополучие, они выливают свое презрение и безразличие на человеческие трагедии. Что это за религии, которые, запуганные, хранят молчание перед лицом геноцида, крайней несправедливости, отвратительных идеологий, извращений и сексуального насилия со стороны своих священников, и все это для того, чтобы не подвергать риску свои материальные богатства и политическую власть?

Нет никакой этики; богов нет. Все религии — это всего лишь человеческие организации, жаждущие власти, собирающие неисчислимые сокровища из страха, невежества и безумного бреда коллективного воображения, умело управляемые злыми руками и умами, опытными в хранении открытых, непонятых человеческих ран, сырьем их силы. "статус-кво". Стаи стервятников, говорящих от имени жестоких, самовлюбленных богов, порожденных их безумными умами.

В мире, в котором мы живем, нет этики. Нам позволено видеть лишь возвышение хищного и отчаявшегося вида.

Будь то или иное видение мира и цивилизации, которое было у Будды, истина в том, что он видел птиц, летающих в поисках света, как люди, строящие этику своей собственной жизнью. Нет богов, правителей или демонов, которые могли бы это сделать. Мы — боги, наши демоны, и только мы можем построить этику.

И все же немногие из нас, восстающих против богов и правителей, согласны подвергнуть наши убеждения, наше существование, самих себя, личные силы, состояния и идентичности такому резкому и крайне критическому анализу, как тот, который мы предпринимаем здесь.

Лишь немногие соглашаются глубоко вникнуть в собственную реальность и спросить себя, чего мы просим у богов и правителей.

Это появление — концептуальные ворота в буддийскую этику: глубочайшие рефлексивные попытки познания и критики реальности и идентичности нашего существования. Это вторжение в то, чем мы являемся, когда мы отрываемся от своих убеждений, маскировки, лжи и полуправды, от невежества, безразличия, страхов и нарциссизма, становясь нелепыми существами, обожеествляющими себя.

Это ядерное и разрушительное размышление о том, кем мы являемся сами по себе и что мы представляем или значим для других людей, для человеческого общества, для нашей планеты, для космического целого, к которому мы принадлежим. Эти размышления — самые сокровенные семена этики, которые всегда могут выжить в нашем коллективном бессознательном, независимо от того, насколько изменчивыми могут быть наше мировоззрение и цивилизационное состояние. Для этого не используются никакие своды заповедей, законы, написанные на скрижалях или нашептываемые богами слышащим их пророкам, ни деонтологический сборник дозволенных и запрещенных действий. Все это напрасно. В этом великом погружении внутрь себя мы не будем использовать каталогизированный индекс добра и зла, а будем искать обнаженную реальность всего, чем мы являемся и что делаем. Приобретя эти знания, мы будем четко знать, что нас объединяет и что отделяет от человечества, что мы добавляем и убираем из жизни вокруг нас, что мы создаем и разрушаем своим присутствием, насколько мы растем или уменьшаемся каждый день благодаря своему пути бытия, какую

познаваемую истину мы имеем внутри себя и какую вселенную фантазий и иллюзий мы несем на своих плечах.

Нет никаких кодексов, законов, наказаний и наград; никто нам ничего не скажет, согласны мы или не согласны. Не будет на пути ни вестей от богов, ни язв от демонов; мы не найдем экзаменов с несколькими вариантами ответов, чтобы попытаться счастья.

В этой безмолвной вселенной мы будем находиться только в компании самых опасных товарищей: самих себя.

Все это демонстрирует гигантскую смелость коротких высказываний Будды.

Только те, кто искренне и глубоко совершает этот болезненный и разрушительный путь, независимо от необходимого времени и обстоятельств, честно узнают, кто они, и в конечном итоге станут этическими людьми по своей собственной природе и выбору.

Будда пришел к выводу, что человечество без этики может идти только навстречу ужасу своего разрушения. В наших нынешних убеждениях, культурах и практиках невозможно найти конфигурацию этического контекста.

Естественным следствием этой идеи является то, что мы несчастны. Счастья можно достичь только в том случае, если мы соблюдаем этику, потому что нет счастья без истины, и нет истины без этики.

Когда Будда выбрал изучение и знание этики в качестве одного из трех важнейших высших исследований для достижения счастья, он имел в виду не просто академическое или теоретическое изучение этики, но главным образом глубокое познание самих себя.

«Познай себя», как позже было написано на входном крыльце храма бога Аполлона в городе Дельфы, Греция, в IV веке до нашей эры.

Когда мы говорим об этике, мы склонны придерживаться того, чему нас всегда учила западная деонтологическая этика. Деонтологическая этика — это та, которая устанавливает или выражает «кодекс» (от латинского слова, что означает «книга», «деревянный брус»), описательный список того, что плохо и чего следует избегать людям. Происхождение этих моральных кодексов всегда считалось божественным и достигалось людьми через откровение. Бог создал эти законы и открыл их людям; именно такими он хочет видеть людей и мир.

Хотя буддизм также принимает этические заповеди (такие как пять заповедей: избегать убийства или причинения вреда живым существам, избегать воровства, избегать неподобающего сексуального поведения, избегать лжи и избегать алкоголя и других одурманивающих веществ), они не выражаются в кодификации, а тем более в модели деонтологической.

Буддийская этика — это модель поведения, которая берёт начало не в небесных предписаниях, а в обучении, необходимом для совместной жизни, выживания и организации совместных взаимоотношений, необходимых для социальной эволюции вида.

Буддийская этическая забота не сосредоточена на списке того, чего нам не следует делать, каким бы он ни был. Важная буддийская проблема в области этики заключается в выявлении причин антисоциального поведения, наносящего вред личности.

Эти причины не представляют собой квазиправовой список «грехов», последствия которых необходимо искать, бороться с ними, контролировать и избегать. Все эти причины являются аспектами человеческого поведения, общими и встречающимися у всех людей, а не у демонов или других воображаемых существ, чуждых индивидууму.

Таким образом, правильное этическое поведение не означает просто уклонение от совершения того или иного поступка.

Этическое поведение выражает контроль вашего разума, который может породить это действие и многие другие подобные ему действия, о которых кодексы не упоминают. Нет никаких кодексов, которые нас очищают; Мы очищаем себя, только зная и контролируя определенные аспекты нашей природы, которые живут в нашем сознании: они являются нашими «ядами».

Это относительно короткий список, но с неограниченным содержанием. Будда говорит, что все мы несем в своем уме три яда; они суммируют все зло, которое мы можем сделать: страсть, агрессию и безразличие.

Три яда нашего ума всегда вписаны в центр Самсары, как бы показывая источник всех наших страданий в каждый момент. Это изображение выполнено из трех фигурок животных: петуха, змеи и свиньи.

Петух представляет Страсть (также называемую привязанностью, жадностью или похотью): мы хотим все больше и больше того, что хорошо для нас. Прежде всего, это привязано ко всему, что гарантирует его выживание – физическое или психологическое. В то же время страсть несет в себе семена любви и связи, и, следовательно, из трех ядов именно она все же предлагает некоторый путь к просветлению.

Змея представляет агрессию (отвращение, гнев, ненависть): мы пытаемся отразить все, что, по нашему мнению, может причинить нам вред или угрожать. Поскольку мы готовы причинить вред другим, чтобы защитить себя, агрессия является наиболее важной причиной наших страданий, даже в больших масштабах.

Свинья олицетворяет безразличие, которое заставляет людей ставить во главу угла удовольствия, интерес, жадность и это в ущерб страданиям миллиардов людей, которые остаются незамеченными или стираются из их сознания как нечто раздражающее. Безразличие противоположно сочувствию и состраданию.

Значение этих элементов имеет огромную силу в буддийской мысли, которая возлагает на каждого человека исключительную ответственность за контроль над своим умом, чтобы не поддаваться влиянию какого-либо из этих ядов.

Во всех буддийских канонах встречаются упоминания о Маре, демоне, который подвергал Будду всем искушениям, пока он вел нищенскую жизнь в поисках просветления. Эти ссылки повторяются в нескольких других темах Священного Писания. Тогда часто можно услышать: «Если Будда отрицает существование бога, как он может утверждать существование демона? Я повторяю, что ничто в буддизме не может быть понято буквально. Демон Мара — это фигура, символизирующая соединение этих три яда в сознании: «идеальный шторм» худшего в нас.

Мара не является сущностью; это опасное скопление ядов в нашем сознании. У каждого из нас в сознании есть скрытая Мара, и наша задача — контролировать ее.

У философов возникает другой вопрос: как в этой причинной концепции недеонтологической этики и в отсутствие всеобъемлющего «кодекса» мы узнаем, что правильно в каждой ситуации?

Будда учил, что ответ прост: во всем, что вы делаете, спрашивайте себя, ожидаются ли хорошие результаты и хотите ли вы, чтобы это было общим правилом для всех людей. Если честный ответ — да, вы делаете это правильно.

Тихим осенним днем 1787 года в Кенигсберге (Пруссия) профессор местного университета сказал то же самое и назвал это утверждение «гипотетическим императивом», одной из самых обсуждаемых этических концепций за всю историю этики. Его звали Эммануил Кант.

14

Резня в Калинга, завоевание истины Резня в Калинга, завоевание истины

10

Война Калинга была одним из самых решающих эпизодов в истории буддизма и культурного развития Евразии и выявила интригующую и парадоксальную личность необычайной интенсивности: Самрата Ашоку, или Ашоку Великого, Ашоку, Возлюбленного богов. , или Ашока Безжалостный, Ашока Жестокий.

Столь противоположные и одинаково важные вещи неясно интенсивно вписываются в жизнь этого человека. Все, что можно сказать о нем сегодня, представляет собой странную смесь исторически доказанной действительности и

¹⁰ Калингайская война. <https://historyflame.com/kalinga-war/>. Получено 10.01.2023.

фрагментов легенд, собранных в ходе любого расследования о нем и представляющих собой логические фрагменты, необходимые для завершения его сложного и малообъяснимого образа.

Когда-нибудь, вероятно, в 304 году до н. э. Он родился в Паталипутре, современный Бихар, Индия.

Паталипутра тогда была расширяющимся королевством, которое приближалось к близлежащим провинциям или королевствам, чтобы доминировать над ними и увеличивать свою территорию, наращивая коммерческую мощь.

Царствовала династия Маурьев и этническая группа, основанная там дедом Ашоки, Чандрагуптой, который противостоял Индии и изгнал из Индии то, что осталось от греческого милитаризма, оставленного Александром Великим.

Ашока был сыном первенца Биндусары от одной из его нескольких жен, Шубхадранги, или Дхармы на пали, которая происходила из традиции и семьи брахманов.

Поскольку не бывает королевской семьи без интриг вокруг власти, Ашока не мог этого пропустить. Его мать, Дхарма, не пользовалась большим уважением среди членов королевской семьи Маурьев именно потому, что она была брамином по происхождению, как и его сын Ашока, которого держали в стороне от королевских дел из-за низкого благородного происхождения, не пользовался большим уважением.

Неприятие Ашоки его отцом Биндусарой было очевидным, как и его предпочтение трем старшим сыновьям, особенно Сусиме, фавориту на престол.

В этом контексте отвержения и интриг привязанность Ашоки к матери и младшему брату приобрела огромную силу. Его мать, Дхарма, была абсолютным центром его чувств.

Параллельно этому сценарию Ашока с подросткового возраста получил прекрасное образование и интенсивную военную подготовку. С юных лет он стал известен как великий охотник

и несравненный военачальник, обладающий поразительным мастерством всех боевых искусств. Его образование превратило его в то, что мы сейчас называем «машиной для убийств».

В восемнадцать лет он стал генералом армии Маурьев.

Невероятный и безудержный рост военных навыков Ашоки и его господство над войсками начали угрожать чаяниям его старших братьев во главе с Сусимой.

Возникла необходимость любой ценой устранить Ашоку, прежде чем он получит полный контроль над армиями и станет претендентом на трон. По этому пути и его отец, и трое старших братьев планировали его изгнание, поскольку сын брамина не мог проживать во дворце Паталипутры.

¹¹ Ашока анонимно прибыл в Калингу и остался там в изгнании. В некоторых сообщениях говорится, что в Калинге он встретил

¹¹ Император Ашока. <https://ptbr.khyentsefoundation.org/project/king-ashoka-of-india/>. Проверено 09.06.2023.

женщину, дочь торговца, и женился на ней неофициально, скрывая свою личность.

Однако не потребовалось много времени, чтобы осознать, что Ашока имел неопределимое военное значение для правления своего отца Биндусары, и поэтому его отправили обратно из ссылки для подавления вооруженного восстания в провинции Удджайн. Ашока добился успеха, но произошло два решающих события. Во-первых, исходя из условий порученной ему военной кампании (тактическая информация, планирование, наличие оружия и многие другие детали), он пришел к сильному подозрению, что его брат Сусима планировал свое вторжение в Удджайн в целях способ, которым его можно было бы легко победить и убить. Второй факт заключается в том, что, хотя он и победил (вопреки ожиданиям брата), Ашока был серьезно ранен в бою и умер бы, если бы ему не оказали срочную помощь.

Его генералы тайно отвезли его в близлежащую буддийскую сангху, где он прятался от брата и находился под постоянным вниманием монахов и монахинь.

Монахи предоставили к своим исключительным услугам медсестру, дочь купца, входившего в Сангху: Махарани Деви, на которой, как только выздоровеет, он женился бы.

Однако он не смог вернуться в Паталипутру, поскольку его отец, Биндусара, считал неприемлемым женитьбу одного из своих сыновей на буддистке.

Затем Биндусара решил отправить его обратно в Удджайн и назначил его губернатором Удджайна, который он завоевал.

Через некоторое время его отец Биндусар скончался, и Ашока вернулся в Паталипутру со своей женой Деви, которая была беременна первым ребенком, для его похорон.

Его брат Сусима затем приказывает одному из своих командиров пойти в комнату его жены Деви, чтобы убить ее,

тем самым не позволяя Ашоке иметь потомков, что затрудняет ему борьбу за трон, оставленный его отцом.

Оказывается, ее мать Дхарма была в компании Деви и отреагировала, когда поняла, что происходит. Чтобы скрыться с места происшествия, убийца убивает Дхарму, а затем убегает.

После трусливого убийства своей матери Ашока становится человеком, охваченным ненавистью, для которого смерть и разрушение становятся единственными выражениями его боли и единственной реальностью, за которую он цепляется.

Затем Ашока убивает трех своих старших братьев, каждый из которых находится в разной ситуации, и принимает на себя корону империи Маурьев.

¹² Он становится деспотичным правителем и жестоким, кровожадным воином: Ашокой Жестоким, ненависть которого невозможно унять ничем.

¹² Калингейская война. <https://www.hindujaguti.org/marathi/news/18448.html>.
Проверено 29.07.2023.

Тогдашний император Маурьев начинает неконтролируемое расширение своей империи, увеличивая свою территорию, постоянно доминируя над близлежащими королевствами, наступая на них со своим гневом и сея разрушения и ужас.

Истории говорят, что император даже создал то, что называлось «адам Ашоки». Ад представлял собой серию камер пыток, искусно спроектированных так, чтобы сделать их внешний вид визуально приятным, чтобы скрыть их истинное содержимое, где методы, используемые против врагов, включали поджаривание людей заживо, ампутацию их частей для кормления зверей, отрезание всех четырех конечностей и оставление туловища умереть от голода и жажды и т. д.

Его безумие усиливалось до тех пор, пока его жена Махарани Деви, от которой у него уже было двое детей, не бросила его и не ушла с ними, потому что она больше не могла жить с его ненавистью и садизмом. В этой лавине ужаса взгляд Ашоки был обращен на Калингу, соседнее королевство, где он ранее нашел убежище и которое теперь интересовало его как территория и торговый центр на юго-западе Индии. Калинга, однако, помимо того, что была очень процветающей и культурной, а также одним из центров буддизма того времени, была городом с демократическим управлением, основанным на широком участии, и все государственные полномочия всегда были связаны с принятием решений на основе участия. Эти люди решили защитить свою землю и свою свободу, и все они объединились, чтобы защитить Калингу от когтей Ашоки.

То, что история называет «Войной Калинга», длилось примерно 12 дней. К концу этого периода Ашока потерял 5000 своих добрых воинов, а земля вокруг Калинги была покрыта 150 000 трупами защитников их свободы, среди них изуродованные женщины, старики и дети, расчлененные, четвертованные и сожженные в море крови все еще плавают в грязи. Все окрестные города были в огне. Некоторые люди, даже раненные, все еще делали последнюю отчаянную попытку выжить.

Это была не война, а резня, резня, устроенная безумными руками, движимыми ненавистью и крайней глупостью.

Легенды гласят, что в сумерках это жуткое зрелище было окутано тишиной и что Ашока шел среди трупов, наблюдая за своей работой, когда наткнулся на пожилого мужчину, идущего босиком. Ашока остановил мужчину и спросил его: «Что ты здесь делаешь?» Мужчина ответил: «Я искал тебя». — Почему ты искал меня? — спросил Ашока, и старик ответил: «Чтобы поздравить тебя. Поздравляю с победой. Ты выиграл. У тебя есть все эти трупы. Возьмите их с собой; они твои и будут следовать за тобой вечно».

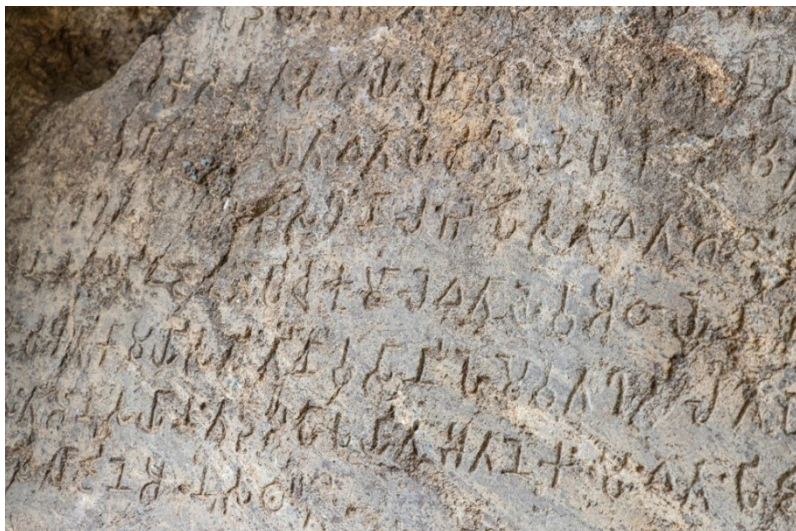
Состоялась эта легендарная встреча или нет, факт остается фактом: завоевание Калинга повергло Ашоку в пучину глубокой депрессии. Из человека, охваченного ненавистью, он стал измученным и разъеденным раскаянием, погруженным в свое уединение и обреченным ежедневно жить с остатками ужасов, которые произвело его безумие. Ашока шел к самоуничтожению: последнему монументальному злу, которое он мог совершить.

Его жизнь уже была спасена заботой, которую он получил в буддийской Сангхе, и теперь Ашока снова будет искать помощи у буддистов, чтобы не дать своему разуму погрузиться во тьму необратимого безумия.

В то время буддизм все еще ограничивался несколькими индийскими городами и представлял собой местное культурное и доктринальное движение без ответвлений и расширений. Калинга и ее сангхи, однако, были важным буддийским центром, и до них мог легко добраться Ашока, который уже знал обычаи и заповеди этих общин, которые однажды спасли ему жизнь.

Более того, его жена Деви, которая спасла его от тяжелой битвы, вылечив его серьезные раны, стала его женой и родила ему двух сыновей. Она была буддисткой и ушла от него, потому что не могла жить с его неконтролируемым гневом.

В результате этой истории знакомства с буддизмом предполагается, что Ашока что-то знал о его учении и во второй раз увидел в нем убежище.

¹³Фактических записей об этом процессе нет; неясно, как это произошло, где, как и как долго. Ашока не оставил записей об этом периоде обзора своей жизни и поступков, поскольку не делился своей огромной депрессией ни с кем, даже с самыми близкими ему людьми.

Предполагается также, что результаты этого процесса не были внезапными, а, скорее, стали следствием прогрессивных шагов.

Оставляя предположения и возвращаясь к истории, факт заключается в том, что Ашока претерпел глубокую и обширную переформулировку своей собственной реальности, что привело к его отказу от войны и всех форм господства и принятию буддийских принципов, которые будут определять его жизнь и управление. Это невообразимое изменение было задокументировано в одном из его первых указов, выгравированных на каменных колоннах и

¹³ Указы Ашоки после Калингской войны.

распространившихся по всей северо-восточной Индии, чтобы быть известными «всем людям».

На колонне Маски Ашока, «Возлюбленный богов», как называли царей Маурьев, выражает свое раскаяние в резне в Калинге и заявляет о своей «сильной склонности к Дхамме» (так же, как буддийское Колесо Дхармы и его восемь маршруты).

«Возлюбленный богов, царь Пиядаси, завоевал Калингас через восемь лет после своей коронации. Сто пятьдесят тысяч были депортированы, сто тысяч были убиты, и многие другие умерли (по другим причинам). После завоевания Калинга Возлюбленный Богов, почувствовал сильную склонность к Дхамме, любовь к Дхамме и наставления в Дхамме. Теперь возлюбленный Богов испытывает глубокое раскаяние за то, что завоевал Калингу (Эдикт в камне Nb13 S Дхаммика).

Из всего этого сегодня остался деревенский камень диаметром 80 сантиметров, рассказывающий о том, что изменило ход истории и всех евразийских культур.

Трагедия Калинга и возможное эмоциональное воздействие на Ашоку заставили его отказаться от военных завоеваний и других форм насилия, включая жестокое обращение с животными. Он стал буддийским покровителем и поддержал появление доктрины по всей Индии. Сообщается, что Ашока отправил эмиссаров-монахов в несколько стран, включая Сирию и Грецию, и даже своих сыновей в качестве миссионеров в Шри-Ланку.

Приняв буддизм, Ашока отправился в паломничество к местам, священным для Будды, и начал распространять свои мысли о Дхамме. Он издавал указы, многие из которых ссылались на Дхамму или объясняли ее концепции, выгравированные на камнях по всей его империи, и отправлял буддийских миссионеров в другие регионы и страны, включая Шри-Ланку, Китай, Таиланд и Грецию.

Тем самым он сделал буддизм одной из ведущих мировых доктрин. Эти миссионеры мирно распространяли видение Будды, потому что, как постановил Ашока, никто не должен возвышать свое учение над чьим-либо еще; Поступая таким образом, человек обесценивал собственное учение, считая его лучше чужого, и таким образом терял смирение, необходимое для подхода к священным вопросам. Таким образом, он использовал экономическую и политическую мощь империи Маурьев для распространения учения Будды на огромную территорию, выводя их из географической малости их происхождения в многоконтинентальную экспансию.

Ашока поделился своим новым видением жизни через указы, выгравированные на камнях и колоннах, расположенных по всей стране, в местах паломничества и оживленных торговых путях. Указы считаются одним из самых ранних примеров письменности в истории Индии. Они были записаны не на санскрите (официальном языке государства), а на местных диалектах, чтобы сообщения могли быть понятны всем. Например, указ возле современного Кандагара в Афганистане, территории, находившейся какое-то время под контролем Александра Великого, написан на греческом и арамейском языках.

Подобно Киру в Персии, Ашока принял и пропагандировал политику уважения и терпимости к людям разных религий. В указе говорилось: «Все люди — мои дети. Что касается моих собственных детей, я желаю им благополучия и счастья в этом мире и в следующем, и я желаю того же всем людям.»

Другие указы призывали граждан к щедрости, благочестию, справедливости и милосердию. Ашока и его старшие министры время от времени совершали поездки по королевству, чтобы проверить благосостояние людей и посмотреть, как выполняются их указы. Согласно одному столпу, служители обеспечивали лекарствами и больницами людей и животных, удовлетворяя земные нужды.

В дополнение к своим указам Ашока построил ступы, монастыри и другие сооружения в известных буддийских местах, таких как Сарнатх.

Окруженный всеми этими движениями и находившийся в контакте со многими разнообразными культурами, буддизм и его концепции проникали и поглощались существующими религиями по всей Евразии. Это было возможно именно потому, что буддизм был не религией (что ставило бы его в противоречие с другими), а доктриной, структурой понятий, которая, по крайней мере частично, гармонично вписывалась в любую из существующих религий.

Он эффективно управлял централизованным правительством из столицы Маурьев Паталипутры. Крупная бюрократия собирала налоги. Инспекторы доложили императору. Орошение расширило сельское хозяйство. Известны черты древних империй, построены отличные дороги, соединяющие важные торговые и политические центры; Ашока приказал, чтобы на дорогах были тенистые деревья, колодцы и гостиницы.

Таким образом, Ашока перенес буддийские заповеди в новую социальную, политическую и экономическую доктрину, которая не осталась в таких трудах, как греческая этика и демократия, но была утверждена как доказуемая реальность, как экзистенциальный опыт людей и как формы жизни. от этого зависит только самое сложное: этическая и политическая воля.

Все эти экспансивные действия назывались «завоеванием через истину», отвергая идеи завоевания оружием или завоевания деньгами.

Таким образом, посеянное по всей Евразии буддийское учение носило свои каноны, но трансформировалось в разных аспектах из-за своей относительности для стольких различных культур. Именно здесь зародилось великое доктринальное

раздвоение буддизма с концепцией «универсальной колесницы» и всеми ее вариациями, начиная с Нагарджуны.

Таким образом, «покорение истины» Ашоки является той ветхой, в которой буддизму пришлось оторваться от своих корней и поселиться во многих, многих культурах и верованиях, с которыми ему приходилось сосуществовать.

Ашока умер после почти 40-летнего правления. Его правление расширило и укрепило Империю Маурьев, однако оно продлилось лишь 50 лет после его смерти. В конце концов его имя было забыто, его ступы заросли, а его указы, высеченные в величественных колоннах, были опрокинуты и погребены в песках.

После его смерти гуманистический стиль правления Ашоки пришел в упадок вместе с самой Империей Маурьев. Его империя попала в область легенд, пока два тысячелетия спустя археологи не перевели его указы. В свое время эти указы помогли объединить огромную империю посредством общих посланий добродетели и способствовали распространению буддизма по всему миру.

История Ашоки — это повествование, которое всегда сталкивается с дискуссиями о подлинности сообщений, учитывая нехватку исторических документов, заполняющих пробелы, что оставляет простор для воображения. Однако большинство его указов состоят из оригинальных археологических объектов, и их подтверждают несколько дополнительных ссылок, хотя их неточный контекст допускает разные интерпретации.

Некоторые современные ученые пытаются найти изъяны в этих повествованиях, основываясь на слабости доказательств их утверждений. Однако, как только в повествовании появляется какая-то трещина, у этих ученых не остается никакого негативного элемента, который был бы лучше, чем элементы, подтверждающие это утверждение, и в конечном итоге наполняют поднятые ими вопросы предположениями. В

этот момент они теряют связь с научным мышлением и в конечном итоге начинают действовать согласно своему воображению.

Один из вопросов, который возникает, заключается в том, было ли покаяние Ашоки, выраженное в указе Маски, действительно искренним или же оно было просто оппортунистическим с политической точки зрения. Еще один поднятый вопрос - возможная степень причастности Ашоки к буддизму до войны в Калинге. Мы также можем найти вопросы исследователей о том, имел ли Ашока поддержку греческих наемников, чтобы убить своих братьев и захватить трон, и, наконец, почему Ашока издавал свои указы в колоннах, размещенных в отдаленных городах, которые написаны на местных диалектах. если бы местные жители не могли их прочесть из-за своей неграмотности.

Все это бесполезные вопросы, не имеющие никакой исторической, научной или литературной ценности, и какими бы ни были ответы на них, они никак не меняют повествования, сотканного из исторических свидетельств, литературных обрывков и легенд.

Факты, исторически неоспоримые, заключаются в том, что Ашока, начиная с Калинга, взял буддийское учение как свое знамя (искреннее или неискреннее, политическое, духовное или контекстуальное) и пронес его по всей Евразии до конца своей жизни. Он установил развивающуюся, пацифистскую и гуманистическую модель правления, размер и масштабы которой неизвестны ни в нашей современной истории, ни в нашей политической философии, которая никогда не выходила за рамки академической риторики на службе власти.

Странная жизнь Ашоки представляет собой контекст, имеющий исключительную важность для буддизма не потому, что в то время он рассчитывал на силу империи для расширения, а потому, что его учение было способно превратить кровожадного психопата в компетентного

гуманиста, либертарианца и пацифиста, как немногие что история когда-либо знала.

«С другой стороны, буддизм имел также заметное значение для Ашоки, который благодаря ему перестал называться «Жестоким» и вошел в Историю как «Ашока Великий», такой же великий, как и Александр, который также был жестоким.

15

Закрытие (речь о доброте)

Буддизм подобен своему древнему символу, цветку лотоса, который незаметно прорастает в затопленной тине болот, незаметно растет, пересекая покрывающий его слой воды и, превзойдя его, расцветает неприкасаемым, словно магическое произведение самого глубокого и крайняя чистота, вселяющая силу, во много раз превосходящую все оружие человечества: мир, ненасилие.

Мир – это не институт или атмосфера, которая нас окружает; существует оно или нет в нас самих, как продукт нашего разума.

Будда сказал, что мы — мир. Нам достаточно вырасти выше вод темных болот человеческого рода, в плодородную грязь которого нас посеяла Вселенная.

Я оставляю здесь текст, который мягко выражает то, что Винисиус де Мораес сказал нам в одном из своих последних стихотворений «Ресурсы», где он подводит итоги своей жизни: «Все еще остается эта сильная рука человека, полная нежности по отношению к все, что существует».

В этот момент он понял, что сказал Будда в одном из своих самых прекрасных и безмятежных текстов:

SUTTA NIPATA I.8

KARANIYA METTA SUTTA

Карания-метта-сутта:
слова Будды о любящей доброте

Вот что следует делать
Тому, кто искусен в благодати
И ведаёт пути покоя:
Пусть будет умен и порядочен,
Прямолинеен и мягок в речах,
Смирен и свободен от
заносчивости,
Доволен и с лёгкостью
удовлетворен,
Необременен обязанностями и
бережлив в том, что делает;
Умиротворен и спокоен, мудр и
искусен,
Не горд и нравом не требователен.
Пусть не совершает ни малейшего
поступка,
За которые мудрые позже бы
упрекнули. Желая: в радости и в
безопасности,
Пусть все существа чувствуют
себя привольно.
Любые живые существа, что есть:
Слабы они или сильны, никого не
исключая,
Великие или могучие, средние,
короткие или маленькие,
Видимые и невидимые,
Живущие рядом и вдали,
Рожденные и те, кому предстоит
родиться

Пусть всем существам будет
 легко!
 Пусть никто не обманывает
 другого
 И не презирает никаких существ
 ни в каком состоянии.
 Пусть никто в силу гнева или
 злобы
 Не желает другому вреда.
 Подобно тому, как мать ценой
 своей жизни защищает
 Свое дитя, свое единственное
 дитя,
 Так же с безграничным сердцем
 Следует лелеять всех живых
 существ;
 Излучая доброту по всему миру:
 Распространяя вверх, к небесам,
 И вниз, к глубинам;
 Вовне и без границ,
 Свободно от ненависти и злобы.
 Стоя или при ходьбе, сидя или
 лежа,^[1]_[SEP] Свободно от сонливости,
 Следует поддерживать это
 памятование.
 Это зовется высшей обителью. Не
 придерживаясь фиксированных
 воззрений
 Наделенный чистым сердцем,
 обладая ясностью видения,
 Освободившись ото всех
 чувственных желаний,
 Не родится вновь в этом мире.

Колофон: «Карания-метта-сутта: слова Будды о
 любящей доброте» (СН 1.8). Переведено с пали на
 английский Сангхой Амаравати. Опубликовано
 онлайн на Access to Insight (Legacy Edition), 2
 ноября 2013. Переведено с английского на русский
 дост. Лобсангом Тенпой, 2016.

Приложение 1
Дхаммапада

Учительные строфы Будды Шакьямуни
(Дхаммапада)

Перевод А. В. Парибка

©2010

Оглавление

- Предисловие переводчика
- I. Строфы-близнецы
- II. Небеспечность
- III. Сознание
- IV. Цветы
- V. Дураки
- VIII. Тысячи
- IX. Дурное
- XII. О себе
- XIII. Мир
- XV. Счастье
- XVI. Приятное
- XVIII. Порча
- Примечания переводчика

Предисловие переводчика

В этот текст, более знакомый русским читателям под своим непереуведенным палийским заглауием, то есть как

«Дхаммапада», заглядывал, несомненно, всякий, заинтересовавшийся учением Будды. На русском языке существовала до сих пор единственная его версия, выполненная В. Н. Топоровым около сорока лет назад и недавно вновь переизданная. Современники говорят, что она стала поистине крупным событием культурной жизни в краткую эпоху хрущёвской оттепели, получилась же удачным стечением обстоятельств и благодаря умным и точным социальным действиям нескольких людей, не в последнюю очередь – тогдашнего цейлонского посла в Москве Малаласекеры и Ю. Н. Рериха. Но, тем не менее, этот перевод единственен, а если учесть, что на английском языке число переводов этого текста перевалило давно за два десятка, то, обосновывать право нового варианта на существование и нет нужды. Первые строфы из «Дхаммапады» я перевёл больше пятнадцати лет тому назад; с тех пор работа продвигалась неспешно, от раза к разу. Не будучи поэтом, я понимал, что неразумно было бы её форсировать. Теперь готово уже три четверти всего текста, публикуются же только полностью завершённые главы, хотя многие более яркие строфы при этом остались в столе. Установка предлагаемой версии – перевод точный и поэтический.

В. Н. Топоров в предисловии к своему переводу убедительно говорил о поэтических достоинствах этого текста, но предложил прозаическое и местами даже прозаичное его переложение. Знатоки пали нередко сомневаются в принадлежности «Дхаммапады» к поэзии, демонстрируя тем самым отсутствие культурно-исторического чутья и нерастуждённость с воспитанием в своей среде. С индийской точки зрения, это была, конечно, поэзия, но – духовная и нередко менее изощрённая в своих средствах, чем

светская. Существенно, что духовное, или, точнее говоря, йогическое, предназначение этих строф часто проявляется только благодаря постижению их поэтической формы, которая является способом донесения духовного опыта и заражения им. Поразительно, что сама буддийская традиция – как я могу судить, и палийская, и тибетская – спустя несколько столетий после жизни Бхагавана Шакьямуни накрепко оглохла к поэтическому звучанию и толкует в своих комментариях всё, что угодно, любые пустяки, но только не образность и не поэтический смысл. Из-за этого иной раз комментаторы вымучивают заведомо превратные, с точки зрения любого непредвзятого и чуткого читателя, толкования.

Надеюсь, что публикуемая часть текста даст представление о нём как об явлении и средстве и культуры, и духовной традиции. А когда перевод будет закончен и настанет пора готовить полное издание, придется обсудить в комментариях взаимодействие в строфах Будды Шакьямуни поэтического и йогического аспектов. Пока же примечания сведены к минимуму и должны способствовать лишь общей понятности.

I. Строфы-близнецы

Ум дхармы за собой ведёт,
 Ум – их глава и материал.
 Когда с распущенным умом
 Мы действуем и говорим,
 То, как колеса за волом,
 Вслед нам несчастье идёт.

Внимание – зачин всему,
 Глава и материал всего.

Когда с вниманием дурным
Мы действуем и говорим,
То, как колеса за волом,
Вслед нам несчастье идёт.

Ум дхармы за собой ведёт, [1]
Ум – их глава и материал.
Когда с очищенным умом
Мы действуем и говорим,
То неотступное, как тень,
За нами счастье идёт.

Внимание – зачин всему,
Глава и материал всего.
Когда с вниманием благим
Мы действуем и говорим,
То неотступное, как тень,
За нами счастье идёт.

«Он меня побил, охаял,
Одолел и обездолил», –
Раз связавшись с этой мыслью,
Не расстанешься с враждою.

«Он меня побил, охаял,
Одолел и обездолил», –
Развязавшись с этой мыслью,
Ты расстанешься с враждою.

Никогда не удаётся
Замирить вражду враждою,
Удаётся – невраждою,
И предвечна эта правда. [2]

Многие не осознали,
Как мы здесь гнетём друг друга,
Те, кто это осознали,
Отвернулись от вражды.

Тот, кто ловится прекрасным
И подвластен впечатленьям,
А в еде не знает меры,
Сам же – вял и нерадив, –
Словно чахлый кустик бурей,
Будет Марой сокрушён.

Кто не ловится прекрасным,
Не подвластен впечатленьям
И в еде кто знает меру,
Полон веры и радив, –
Как скала во время бури,
Против Мары устоит.

Тот, кто в монашеском обличии
Изобличается в постыдном, –
Неистинно самообуздан

И не достоин облачения.

Кто чист перед изобличением
И в добродетель облачён, –
Тот истинно самообуздан
И будет облечён по праву.

Кому в неглавном мнится главное,
Кто в главном видит лишь неглавное, –
Тот не возвысится до главного,
И тщетны все его намеренья.

Кто понял главное как главное,
Неглавное же – как неглавное, –
Вот кто возвысится до главного,
Ведь истовы его намеренья.

Как дождь проникает в жилище
Сквозь ненадёжную кровлю,
Так страсть проникает в сознание,
Если его не развить.

Как сквозь надёжную кровлю
Дождь не проникает в жилище,
Так, если сознание развито,
Страсть не проникает в него.

Здесь печален он и после смерти:

В двух мирах печален зла содетель.
Он печалится и безутешен,
Прозирая мерзость своих дел.

Здесь доволен он и после смерти:
В двух мирах доволен добродей.
Радуется он и предоволен,
Прозирая благость своих дел.

Здесь казнится он и после смерти:
В двух мирах казнится зла содетель.
Здесь казнится, осознав злодейство,
А того сильнее – в злом уделе.

Здесь ликует он и после смерти:
В двух мирах ликует добродей.
Здесь ликует, зная о заслуге,
А того сильней – в благом уделе.

Слова о Сути произносит часто
Беспечный муж, да не по ним живёт.
Он, как пастух, чужих коров считает.
К подвижничеству не причастен он.

Пусть слов о Сути произносит мало,
Но тот, кто жизнью воплощает дхарму, –
Отринет злобу, страсть и морок,
До мудрого воззрения возвысится,

Освободит сознание от тяги
 И к видимому, и к иному миру, –
 К подвижничеству будет приобщён.

II. Небеспечность

Небеспечность – путь бессмертия,
 Беспечность – путь, ведущий к смерти.
 Не умирают небеспечные.
 Беспечные, считай, мертвы.

Небеспечности достоинства
 Видят умные отчётливо;
 Беспечально-небеспечные
 Рады ариям последовать.
 В созерцании упорные,
 Стойко преданные подвигу,
 Обретут унятье [3] мудрые
 Несравненное, надёжное.

Кто помнит и исполнен рвения,
 Делами чист, живёт по дхарме, сдержан,
 Кто осмотрителен и не беспечен, –
 Тот добрую стяжает славу.

Старательно и небеспечно
 Смирением, самообузданием
 Мудрец пусть остров [4] сотворит себе,
 Для паводков недостижимый.

Предаются беспечности
Безрассудные, глупые.
Стерегут, как сокровище,
Небеспечливость умные.

Откажитесь от беспечности,
Чувств утехам не потворствуйте.
Небеспечный в созерцании
Счастье обретёт великое.

Когда умный прочь прогонит
Небеспечностью беспечность,
В мудрости чертог поднявшись,
Он, бескорбный, вниз посмотрит
На печалющийся люд,
Как взошедший на вершину
Смотрит на народ равнины,
А мудрец – на дураков.

Небеспечный муж беспечных,
Бодрствующий среди сонных.
Вырвется вперёд разумный,
Как рысак, одра обгонит.

Магхаван [5] небеспечностью
Стал царём небожителей.
Небеспечливость славится,

Но презренна беспечность.

Монах, небеспечности преданный,

Беспечность считает опасной.

Он, словно пожар, все преграды [6]

Сжигает и дальше идёт.

Монах, небеспечности преданный,

Беспечность считает опасной.

Успехи его неизменны,

Ведь он уже близок к унятию.

III. Сознание

Затейливое, прихотливое,

Неуправляемое, взбалмошное

Разумный выправит сознание,

Как мастер выправит стрелу.

Как рыба, что на берег брошена,

Разлучена с родной обителью, –

Так бьётся и дрожит сознание,

Чтоб вырваться из царства Мары. [7]

Неудержимое и вёрткое,

Бредущее, куда захочется,

Сознание должно быть смирено.

Смирённое – приводит к счастью.

Неисследимое, тончайшее,
Бредущее, куда захочется,
Мудрец пусть охранит сознание.
Хранимое – приводит к счастью.

Блуждающее, одинокое,
Бесплотное и потаённое
Кто сможет усмирить сознание, –
Тот узы Мары разорвёт.

С неустойчивым сознанием,
Истой дхарме не внимающим,
С замутняющейся верою –
Мудрости не преисполнишься.

Для невязкого сознания,
Безучастного к желаниям,
Зло и благо превзошедшего,
Бдительного, – нет опасности.

Хрупкому сосуду тело уподобив,
Преврати сознание в укреплённый город,
Мару порази в бою мудрости оружием;
Сбереги победу, но не привяжись к ней.

Это тело изношенное
Скоро, духом покинуто,
Будет на землю брошено,

Как полено никчёмное.

Того ни враг врагу не сделает,
 Ни ненавистник ненавистнику,
 Что может сотворить сознание,
 К превратной цели устремлённое.

Ни благодетели, ни родичи,
 Ни мать с отцом того не сделают,
 Что достижимо для сознания,
 К прекрасной цели устремлённого.

IV. Цветы

Кто одолеет эту землю
 И Ямы мир с его богами?
 Кто из прекрасных строф о дхарме,
 Как из цветов, сплетёт венок?

Ведомый [8] одолеет землю
 И Ямы мир с его богами,
 Он из прекрасных строф о дхарме,
 Как из цветов, сплетёт венок.

Мареву и пене [9] тело уподобив,
 Ясно усмотри в нём видимость, не больше;
 Стрелам Мары, как цветам, обломи их стебли, –
 И незримым станешь для владыки смерти.

Кто от цветка спешит к цветку,
Кто к ним привязан всей душой, –
Того захватит смерть врасплох,
Как паводок в ночи – село.

Кто от цветка спешит к цветку,
Кто к ним привязан всей душой
И чувственно неутолим, –
Не устоит перед концом.

Как с цветов пчела уносит
Их нектар, не повреждая
Ни красы, ни аромата, –
Так монах пусть к людям ходит.

Не считай чужих проступков,
Не раздумывай о них,
Самого себя исследуй:
Что ты сделал, а что – нет.

Ярко сказанные речи,
Коль не следовать им в жизни,
Безуханному подобны,
Пусть и сочному, цветку.

Ярко сказанные речи,
Коли следовать им в жизни,
Своей свежестью подобны

Благовонному цветку.

Как цветочный пёстрый ворох
Можно превратить в гирлянду,
Так рождённый в мире смертных
Должен сделать много блага.

Лишь ветер в стороны разносит
Цветочное благоуханье
И благовоние сандала.
Зато само, без дуновенья,
Распространяется повсюду
Благоуханье добрых нравов.

Что благовоние сандала?
Что аромат расцветших лилий?
Их ароматов много тоньше
Благоуханье чистых нравов.

Куренья благовонных палочек
Растают в воздухе, нестойкие.
А добрых нравов благовоние
Возносится до небожителей.

Кто в обетах безупречен,
Небеспечен неизменно,
Истой мудростью свободен, –
Мара тех тропы не сыщет.

Как порой на куче мусора,
 Сваленного у обочины,
 Ты цветок завидишь лотоса –
 Яркий и благоухающий, –
 Так в толпе, подобной мусору,
 Меж незрячих обывателей
 Ярко блещет своей мудростью
 Слушатель Всепробужденного.

V. Дураки

Ночь длинна, когда не спится,
 Долог путь, когда устанешь.
 Долго кружатся в рожденьях
 Дураки, глухие к дхарме.

Коли не найдёшь ты спутника,
 Равного себе иль лучшего,
 Странствуй в стойком одиночестве:
 С дураком не выйдет дружества.

Гложут дурака заботы
 "О своём" – добре, потомстве...
 Право, он ведь *сам не свой*.
 Чьё ж потомство, чьё добро?

Зная глупость за собою,
 И дурак умён отчасти.

А умом кичиться станет –
Будет истинно дурак.

Всю жизнь свою при мудреце
Дурак провёл – и то напрасно.
Вкус дхармы он воспринял так же,
Как поварёшка – вкус еды.

Лишь полчаса при мудреце
Провёл разумный, но недаром.
Он так же дхармы вкус воспринял,
Как вкус еды на языке.

Дураки, дурные головы,
Как враги, к себе относятся.
Скверные творят деяния,
Пожиная горький плод.

Нехорошее то дело,
О котором пожалеешь,
И в слезах, стеноя тяжко,
Пожинаешь этот плод.
А хорошее то дело,
О котором не жалеешь,
В радости и с восхищеньем
Пожиная его плод.

Мнится зло медвяно-сладким

Дураку, пока незрело.
Но когда оно созреет,
Глупый в муки окупётся.

С кончика травинки куша [10]
Месяцами ест дурак,
А не стоит пол-осьмушки
Тех, кто дхарму осознал.

И молоко не вдруг свернётся,
И зло не вдруг к глупцу вернётся, [11]
Но своего дождётся срока,
Таясь, как угли, под золою.

Известность, право, не на пользу
Порой приходит к дураку.
Его благая часть хиреет,
И кругом голова идёт:
Не заслужив того, он хочет
Главенствовать среди монахов,
Жилищами распоряжаться,
У посторонних быть в чести:
«Пускай монахи и миряне
Мои заслуги признают
И все зависят от меня
Во всяком деле, даже малом», –
Так замыслы дурак питает,
Плодит гордыню и алчбу.

Но к выгоде – одна дорога,
К унятию ведёт другая.
Увидевшему это ясно
Монаху, слушателю Будды,
Не к почестям стремиться стоит,
Но возлюбить уединенье.

VIII. Тысячи

Скажи хоть тысячу речей,
Что полны беспредметных слов, –
А лучше слово об одном,
Когда оно покой несёт.

Скажи хоть тысячу речей,
Что полны беспредметных слов, –
Прекраснее одна строфа,
Когда она покой несёт.

Произнеси хоть сотню строф,
Что полны беспредметных слов, –
Прекраснее единый стих
О дхарме, что покой несёт.

Не – взявший верх в сражении
Над тысячей противников,
Но тот, кто победил себя,
Стал высшим победителем.

Победы над другими лучше
Победа над самим собою
Самообузданного мужа,
Что неизменно собран духом.
Ни небожитель, на гандхарва,
Ни Мара, ни Великий Брахма
Победы отобрать не смогут
У победителя такого.

Чем жертвовать столетия,
Да что ни месяц – тысячу,
Почтите на единый миг
Развившего вполне свой дух.
Ведь этот миг весомей жертв,
За целый век принесённых.

Чем жертвенный костёр в лесу
Блюсти прилежно сотню лет,
Почтите на единый миг
Вполне развившего свой дух.
Ведь этот миг весомей жертв,
За целый век принесённых.

У почитающего зрелых,
Всегда приветливого нравом
Четыре дхармы возрастают:
Краса, век, счастье и сила.

Чем целый век впустую жить
Безнравственно, рассеянно,
Блаженнее прожить хоть день,
Да нравственно и собранно.

Чем целый век впустую жить
Бездумно и рассеянно,
Блаженнее прожить хоть день
Осмысленно и собранно.

Чем целый век впустую жить
Лениво, нерачительно,
Блаженнее прожить хоть день
Рачительно, с усердием.

Чем целый век впустую жить
Слепым к превратности вещей,
Блаженнее прожить хоть день,
Прозрев к превратности вещей.

Чем целый век впустую жить
Слепым к стезе бессмертия,
Блаженнее прожить хоть день,
Узрев стезю бессмертия.

Чем целый век впустую жить
Слепым для высшей дхармы,
Блаженнее прожить хоть день,

Прозрев для высшей дхармы.

IX. Дурное

Старайтесь совершать благое,
От злого отвращайте мысли:
Ничем хорошим не занявшись,
Потянется к дурному ум.

Единожды свершив дурное,
Его не умножайте снова,
Намеренья на нём не стройте,
Ведь тяжко накопленье зла.

Единожды свершив благое,
Его же умножайте снова,
Намеренья на нём постройте.
Блаженно умножать добро.

Добро до срока видит злой:
Покуда зло его незрело.
Когда же зло его созреет,
Увидит злой одно лишь зло.

И добрый видит зло до срока,
Пока добро его незрело.
Зато, когда добро созреет,
Увидит добрый лишь добро.

Неверно думать: «Хоть поступок дурен,
Ничтожен он и минет без следа».
Как бочка наполняется по капле,
Так глупый понемногу копит зло,
Пока оно его не переполнит.

Неверно думать: «Хоть хорош поступок,
Ничтожен он и минет без следа».
Как бочка наполняется по капле,
Так мудрый понемногу копит благо
И переполнится им наконец.

Как купец с тугой мошною,
Чья охрана не надёжна,
Троп опасных сторонится;
Как отравы избегает
Дорожащий своей жизнью, –
Так же сторонись дурного.

Ладони непораненной
От яда нет опасности.
Нет раны, – и безвреден яд.
Кто сам не зол, – не встретит зла.

К безумцу в злобе на беззлобного,
Безвинного и безупречного
Его же зло вернётся, словно
На ветер брошенная пыль.

В утробах вновь рождаются многие.
Злодей в кромешную низвергнется.
На небо вознесётся праведник.
Бесстрастный обретёт унятие. [12]

Ни в поднебесье, ни в морской пучине,
Ни среди гор, в расщелине скалистой, –
Ты в целом мире не отыщешь места,
Чтоб схорониться от дурных деяний.

Ни в поднебесье, ни в морской пучине,
Ни среди гор, в расщелине скалистой, –
Нигде ты в мире спрятаться не сможешь
От смерти, что везде тебя отыщет.

Наказанья боятся все.
Перед смертью трепещут все.
От других ты неотличим.
Не убий, не вели убить.

Наказанья боятся все.
Дорожат своей жизнью все.
От других ты неотличим.
Не убий, не вели убить.

Кто, своего взыскуя счастья,
Других терзает наказаньем –

А счастье всем живым желанно, –
Не обретет в посмертье счастья.

Кто, своего взыскаю счастья,
Других не мучит наказаньем –
Ведь счастье всем живым желанно, –
Тот обретёт в посмертье счастье.

Слова грубого не вымолви –
А не то столкнёшься с грубостью.
Тяжко слушать речь сварливую,
Сам же за неё заплатишься.

Если внутренне металлом ты
На удар не отзываешься,
Значит, ты достиг унятия,
Больше нет в тебе сварливости.

Как гонит палкою пастух
Коров на пастбище из хлева,
Так смерть и старость – царь с министром –
Прочь гонят подданных из жизни.

Карающего неповинных,
Злобесного против беззлых
Настигнет очень скоро в мире
Из десяти одна беда:
Острая боль, несчастный случай

Иль тяжкое увечье тела,
А то – недуг неизлечимый
Иль повреждение ума,
От царской власти притеснение
И обвинение в злодействе.
Быть может, он лишится ближних,
Утратит всё своё имя,
Дома его пожар спалит.
С распадом тела скудоумный
Злочинец попадает в ад.

Пусть ходишь ты нагим, на голове колтун,
Не моешься, моришь себя постами,
Спишь на сырой земле и грязью весь зарос,
Или сидишь на корточках недвижно, –
Ничто тебя, о смертный, не очистит,
Покуда ты не превозмог сомнений.

Найдётся ли на целом свете
Муж, сдержанный своей же совестью,
Кто не нуждался бы в упрёках,
Как добрый конь не ждёт кнута?

Как добрый конь, чуть плетью тронутый,
Ретивы будьте, будьте трепетны.
И верой, нравственностью, рвением,
Сознания сосредоточением
И дхармы ясным постижением

Вы в веденье и поведении
 Добьётесь совершенства полного
 И трезвенно отринуть сможете
 Всю эту тяготу великую.

Воду оросители проводят.
 Стрелы оперяют оружейники.
 Древо обрабатывают плотники.
 Но самих себя смиряют стойкие.

XII. О себе

Коль дорожишь самим собой,
 Стань сторожем своим надёжным,
 Пусть ночью бодрствует мудрец
 В течение одной из страж. [13]

Сначала мудрый сам себя
 Пусть обратит к достойной жизни,
 Потом другого обучает,
 Иначе он не безупречен.

Чему других он обучает,
 Пусть исполняет прежде сам;
 Смиранный вправе усмирять;
 Себя смирить – всего труднее.

Каждый сам себе владыка,
 Кто иной владыкой станет?

Самого себя смиривший
Редкого обрёл владыку.

Каждый зло свершает сам –
Сам родит, сам производит.
Злом крушится скудоумный,
Словно яхонт под алмазом.

Закоренелый в скверном нраве
Лианой, душащею дерево,
То, что враги ему желают,
Устраивает сам себе.

Плохое дело сделать просто,
Как самому себе вредить.
Зато полезное, благое
Свершить бывает очень трудно.

Кто поносит безрассудно,
Вредного держась воззренья,
Наставления достойных
Ариев, [14] живущих дхармой,
Тот себе же на погибель
Плодоносит, как тростник.

Зло совершает каждый сам –
И оскверняет тем себя.
Зло не свершает каждый сам –

И очищает тем себя.
 И чистота, и грязь – свои.
 Один другого не очистит.

Свой предмет и цель свою
 На чужое имя не меняй,
 Хоть чужое велико.
 Ясно знай предмет и цель
 И усердствуй ради них.

XIII. Мир

Низменной дхарме не следуй.
 Беспечности не предавайся.
 Ложным воззрениям не следуй.
 Мирского в себе не расти.

Встань, не предавайся лени –
 Следуй дхарме так, как следует.
 Следующий дхарме счастлив
 В этом мире и в ином.

Следуй дхарме так, как следует,
 И не следуй, как не следует.
 Следующий дхарме счастлив
 В этом мире и в ином.

Кто этот мир увидит так,
 Как будто смотрит на пузырь,

Как будто видит он мираж, –
Того князь смерти не узрит.

Вглядитесь в этот пёстрый мир,
Подобный царской колеснице.
Здесь сокрушаются глупцы,
А мудрого ничто не держит.

Этот мир живёт незрячим,
Редко кто в нём прозревает.
Мало тех, кто птицей взмлет
К небесам, силки прорвав.

Летают лебеди тропой светила.
Летают по небу чудесной силою.
Но улетают прочь из мира стойкие,
Что одолели Мару с его воинством.

Для особы, изолгавшейся,
Преступившей через дхарму
И к посмертью равнодушной,
Нет в дурных поступках удержу.

Воистину, скупцам нет в горний мир тропы.
Поистине, глупцы не станут щедрость славить.
Но щедрости своей по праву мудрый рад.
Ведь счастье в том мире ему она несёт.

Единовластия земного
 И вознесения на небо,
 Владычества над всей Вселенной
 Плод обретенья слуха – лучше.

XV. Счастье

Мы, право, счастливо живём,
 Среди *враждебных* не враждуем.
 Среди враждующих людей
 Живём мы мирно, не враждуем.

Мы, право, счастливо живём,
 Среди *унылых* не унылы.
 Среди унывающих людей
 Живём мы бодро, не уныло.

Мы, право, счастливо живём,
 Среди *недужных* не недужим.
 Среди недужающих людей
 Живём здоровы, не недужим.

Мы, право, счастливо живём,
 Пускай у нас нет ничего.
 А пищей будет нам восторг,
 Как у сияющих богов.

Вражду посеет победитель.
 Страдает тяжко побеждённый.

Но счастлив умиротворённый
Вне поражения и победы.

Пожара нет, что жарче страсти,
Невзгоды нет, что хуже злобы.
Нет тяготы, подобной *грудам*,
Покоя выше нет отрады.

Недужней всех недугов – голод.
Сложённость – тягостей тяжеле.
А для того, кто это понял,
Унятье всех отрад отрадней.

Здоровье выгоднее выгод,
Довольство всех богатств богаче,
Надёжность всех родных роднее,
Унятье всех отрад отрадней.

Пригубив сок уединенья
И умиротворенья сок,
Отбросишь прочь тоску и зло
И сок вкусишь блаженства дхармы.

Прекрасно – ариев увидеть,
Жить среди них всегда отратно.
Ты будешь счастлив постоянно,
Не видя никогда глупцов.

Тому, кто связан с дураками,
 Придётся горевать немало;
 Общенье с дураками тяжко,
 Как столкновение с врагами,
 А с умным радостно общаться,
 Как встретиться с своей роднёй. А потому:

С умным и мудрым, много познавшим,
 Нравственно стойким, в правилах твёрдым,
 Арием, мужем благоразумным,
 Вечно пребудьте, как месяц со звёздами.

XVI. Приятное

Кто занимается несостоящим,
 А стоящим – не занимается,
 Стремится к беспредметно-милому, –
 Себя развившим позавидует.

Не привязывайся к милому,
 А к постылому – тем более.
 Милого не видеть – тягостно;
 Тягостно – с постылым встретиться.

Пусть ничего не будет мило,
 Ведь горько с милым расставанье.
 Свободен тот, кому на свете
 Ничто не мило, не постыло.

Всё *милое* чревато горем,
Всё *милое* родит опасность.
Для тех, кто *милое* отбросил,
Нет ни опасностей, ни горя.

Привязанность чревата горем,
Привязанность родит опасность.
А для отбросивших *привязанность*
Нет ни опасностей, ни горя.

Пристрастие чревато горем,
Пристрастие родит опасность.
А для отбросивших *привязанность*
Нет ни опасностей, ни горя.

Желание чревато горем,
Желание родит опасность.
А для отбросивших *желание*
Нет ни опасностей, ни горя.

Влечение чревато горем,
Влечение родит опасность.
А для отбросивших *влечение*
Нет ни опасностей, ни горя.

Совершенный виденьем и нравом,
Правду говорящий, твёрдый в дхарме,
Верно исполняющий, что должно, —

Станет мил и близок многим людям.

Чей ум расцвёл и близок к зрелости,
К утехам не привязан более,
Кто устремился к несказанному, –
Вверх по теченью поднимается.

Возвращается на родину
По чужим краям скитавшийся, –
Не нарадуются встрече с ним
Все друзья его и родичи.
А когда уходит праведник
В мир иной, его встречают там,
Словно дорогого родича,
Здесьние добродейния.

XVIII. Порча

Ты стал теперь, как лист пожухший.
Уж слуги Ямы наготове.
Ты на пороге расставанья,
Да нечего с собою взять.
Так сотвори же себе остров.
Скорей за дело и будь мудрым.
Отмывши скверну, в безупречности
На небо вступишь, в землю ариев.

Твой век уже к концу подходит,
Предстанешь скоро перед Ямой.

Привала на пути не будет,
 И нечего с собою взять.
 Так сотвори же себе остров,
 Скорей за дело и будь мудрым.
 Отмывши скверну, в безупречности
 Вновь не родишься, не состаришься.

Благоразумный постепенно,
 От раза к разу, понемногу
 Очистит пусть себя от порчи,
 Как мастер – серебро от черни.

Преступителя обетов
 Его внутренняя порча
 Ест, как ржавчина железо,
 И в дурной удел ввергает

Неповторенье портит мантру.
 Запущенность – хозяйство портит.
 Пригожесть портится от лени.
 Охранника – беспечность портит.
 Дурной поступок портит женщину,
 Даритель портится от жадности.
 Дурные дхармы же, поистине,
 И этот, и иной мир портят.
 Испорченнее же всех порчей
 Неведенье, начальник порчи.
 От порчи сей освободившись,

Будьте непорчены, монахи!

Нетрудно жить без совести –

Напористому, дерзкому

И по-вороньи наглому,

Погрязшему во зле.

Да трудно жить по совести –

Не нагло, не расслабленно,

Стремиться к очищению

И не пятнать себя.

Кто убивает, лжёт, берёт, что не дано,

Идёт к чужой жене, кто пьянству предаётся, –

Тот свои корни рубит уже на этом свете.

Запомни, добрый муж: дурное неудержно,

Неправда и алчба пусть не склонят тебя

К делам, что повлекут лишь долгие страданья.

По радости своей, по вере

Миряне подают монахам.

Тот, кто завидует другому –

«Его-де угощенье лучше», –

Поистине, ни днём, ни ночью

Не ввидет в сосредоточенье.

А кто отсёк в себе такое,

Извёл под корень, уничтожил,

Поистине, хоть днём, хоть ночью

Тот ввидет в сосредоточенье.

Жарче страсти нет пожара.
 Хватче злобы нет капкана.
 Морок частой сети крепче.
 Жажда – гибельней стремнины.

Чужой огрех легко заметить,
 Свой собственный заметить – трудно.
 Чужие всяк готов огрехи
 Провеивать, словно мякину,
 А свой покроет, словно жулик
 В игре плохой расклад костей.

Кто вечно грех чужой заметит
 И сыщёт повод к недовольству,
 Тот возвращает тягу к миру,
 А вовсе не извёл её.

Нет следов в пустом пространстве.
 Нет подвижников вне дхармы.
 Любо тварям повторять себя.
 Без повторов пробуждённые.

Нет следов в пустом пространстве.
 Нет подвижников вне дхармы.
 Вечности нет у сложённого.
 В пробуждённых нет превратности.

Примечания переводчика

1.

Эти строфы переведены дважды, чтобы передать оба оттенка буддийского термина *manas*, который неразличенно означает ум и внимание. Чтобы ум мог развернуться и начать оперировать, потребно внимание. И вот самый первый момент ума, когда это просто внимание, и выражает слово *manas*. Слово дхармы для этих строф достаточно понимать в общеязыковом смысле, т. е. как «всё то, на чем стоит, держится жизнь», не задаваясь далее вопросом о том, на чём же она держится (не решая проблемы экзистенциальной онтологии). Раннебуддийское решение таково: человеческая жизнь слагается из качественно различных элементарных событий (например, памяти, внимания, страсти, отвращения, равнодушия, удовольствия и пр.), именуемых дхармами.

2.

Ибо эта дхарма вечна. – Предлагается понимать это двойко: А) дхарма «невражда», т. е. отсутствие вражды, вечна, потому что не создана условиями, и Б) правило, что следует держаться невражды, – вечно.

3.

Унятье – так я перевожу слово *piṅvaṇa*. В европейских языках заимствованное санскритское слово обросло пошлыми гедонистическими ассоциациями и даже стало названием поп-ансамбля. Этимологически предлагаемый перевод совершенно точен, да и по сути *piṅvaṇa* в текстах объясняется именно как унятие скорбей и их причин.

4.

Прозрачность контекста склоняет к тому, чтобы переводить слово *ḍīro* А) «светильник» и Б) «остров» во втором смысле. В знаменитом же прощальном слове Бхагавана Будды к монахам перед кончиной («Будьте, о монахи, сами себе *ḍīro*»

– светочами? островами?) видится либо намеренная двузначность, либо первый смысл.

5.

Магхаван – Индра (Шакра), главный бог второго сонма небожителей, населяющего вершину вселенской горы Меру. По буддийскому учению, стать Магхаваном, равно как и любым другим богом, означает получить во Вселенной некий чин, а не быть кем-то по природе, поскольку никакой содержательно определенной неизменной природы ни у кого нет. Чин Магхавана достигается щедростью.

6.

Преграды – влечение к чувственным впечатлениям; раздражение; вялость; отвлекаемость помыслами и пр.

7.

Чтоб вырваться из царства Мары. Иной вариант – когда начинает вырываться из под власти Мары.

8.

Ведомый – имеющий учителя и под руководством его продвигающийся к просветлению, но пока не достигший окончательного результата.

9.

В других изречениях Будды мареву и пене уподобляется весь мир, а не только тело. Стрелам Мары, как цветам, – Маре, олицетворенному мороку, приписан здесь атрибут индуистского бога любовной страсти.

10.

Куша (санскр.) – трава вроде высокой осоки, использовавшаяся в Древней Индии ритуально и слывшая священной. Строфа, таким образом, развенчивает пустой ритуализм.

11.

Русский язык случайно позволил воспроизвести игру слов подлинника: тиссаті «сворачиваться» (о молоке) и «проявляться» (о последствиях былых поступков).

12.

В строфе используется обычный древнеиндийский классификационный шаблон с четырьмя ячейками: А) Те, кто *вновь рождаются в утробе* (людьми, да и животными тоже), испытывать в жизни будут и горе, и радость (+ & -). Б) Те, кто угодит в *кромешную*, будут только страдать и горевать (-). В) Праведники на небесах будут только блаженствовать (+). Г) Святые, покинув область изменчивого мира и избавившись от представления о «себе», не будут ни горевать, ни радоваться (ни + & ни -).

13.

Стража – треть ночи, считая от заката до восхода. *Бодрствовать* следует для занятий сосредоточением. Учитывая, что длительность ночи близка к 12 часам (низкие широты), строфу можно понять просто как увещание не спать сверх надобности. Известно предостережение, что помногу спящий человек не способен уразуметь дхарму Будды.

14.

Ариш – в буддийском особом смысле, то есть кто уже достиг результатов на пути, пережил «путь видения».

Источник: © 2004 [Буддизм России](#).

© 2010 Издание "Буддийского Просветительского Содружества", сайт "Колесо Дхаммы".

Условия использования: Только для бесплатного некоммерческого распространения. Разрешается копирование и размещение единичных материалов в Интернете в неизменном виде при условии, что все копии должны содержать это примечание, копирайты и ссылку на этот источник. В остальном все права сохранены.

Как сослаться на этот документ (предлагаемый вариант): А. В. Парибок:
"Учительные строфы Будды Шакьямуни". Колесо Дхаммы,
2010, <http://dhamma.ru/canon/kn/dhp/paribok.html>.

Приложение 2.

Сатипаттхана-сутта: Основы осознанности

МН 10

Источник:

<https://www.theravada.ru/Teaching/Canon/Suttanta/Texts/mn10-satipatthana-sutta-sv.htm> - Дата загрузки: 24 октября 2023 г.

:

Сатипаттхана-сутта: Основы осознанности

МН 10

редакция перевода: 28.10.2020

Перевод с английского: SV

источник:

"Majjhima Nikaya by Nyanamoli & Bodhi, p. 145"

Так я слышал. Однажды Благословенный проживал в стране Куру, где был город под названием Каммасадхамма. Там он обратился к монахам так:

– Монахи!

– Уважаемый, – ответили они.

Благословенный сказал:

– Монахи, это прямой путь¹, ведущий к очищению существ, к устранению печали и стелания, к исчезновению боли и грусти, к достижению истинного пути, к реализации ниббаны – то есть, четыре основы осознанности. Какие четыре?

Вот, монахи, монах пребывает в созерцании тела как тела, будучи решительным, бдительным, осознанным, устранив алчность и грусть к миру². Он пребывает в созерцании чувств как чувств, будучи решительным, бдительным, осознанным, устранив алчность и грусть к миру. Он пребывает в созерцании ума как ума, будучи решительным, бдительным, осознанным, устранив алчность и грусть к миру. Он пребывает в созерцании

умственных феноменов как умственных феноменов, будучи решительным, бдительным, осозанным, устранив алчность и грусть к миру.

Созерцание тела

Осознанность к дыханию

И как, монахи, монах пребывает в созерцании тела как тела? Вот монах, уйдя в лес, к подножью дерева или в пустую хижину, садится. Скрестив ноги, держа тело прямым, установив осознанность впереди, он, будучи постоянно осозанным, вдыхает, будучи осозанным, выдыхает. Делая долгий вдох, он понимает: «Я делаю долгий вдох»; или, делая долгий выдох, он понимает: «Я делаю долгий выдох». Делая короткий вдох, он понимает: «Я делаю короткий вдох»; или, делая короткий выдох, он понимает: «Я делаю короткий выдох». Он тренируется так: «Ощущая всё тело, я буду вдыхать»; он тренируется так: «Ощущая всё тело, я буду выдыхать». Он тренируется так: «Успокаивая телесную формацию, я буду вдыхать»; он тренируется так: «Успокаивая телесную формацию, я буду выдыхать»³.

Подобно тому, как гончар или его ученик, делая долгий оборот, понимает: «Я делаю долгий оборот», а делая короткий оборот, понимает: «Я делаю короткий оборот», – точно также и монах понимает: «Я делаю долгий вдох»... он тренируется так: «Успокаивая телесную формацию, я буду выдыхать».

Вот каким образом он пребывает в созерцании тела как тела внутренне, или он пребывает в созерцании тела как тела внешне, или он пребывает в созерцании тела как тела и внутренне и внешне⁴. Или же он пребывает, созерцая в теле его природу возникновения, или же он пребывает, созерцая в теле его природу исчезновения, или же он пребывает, созерцая

в теле его природу и возникновение, и исчезновения⁵. Или же осознанность в отношении того, что «вот есть это тело» утверждена в нём лишь до той степени, [до которой] необходимо, [чтобы возникло] простое знание [об этом] и осознанность⁶. И он пребывает независимым, ни к чему в мире не цепляясь. Вот как монах пребывает в созерцании тела как тела.

Четыре позы

Далее, монахи, когда он идёт, монах понимает: «Я иду». Когда стоит, он понимает: «Я стою». Когда сидит, он понимает: «Я сижу». Когда лежит, он понимает: «Я лежу». Или же он понимает соответственно, когда его тело [определённым образом] расположено.

Вот каким образом он пребывает в созерцании тела как тела внутренне... ..ни к чему в мире не цепляясь. И так тоже монах пребывает в созерцании тела как тела.

Бдительность

Далее, монахи, монах является тем, кто действует с бдительностью, когда идёт вперёд и возвращается; кто действует с бдительностью, когда смотрит вперёд и по сторонам; кто действует с бдительностью, когда сгибает и разгибает свои члены тела; кто действует с бдительностью, когда несёт своё одеяние, внешнее одеяние и чашу; кто действует с бдительностью, когда ест, пьёт, потребляет пищу, пробует на вкус; кто действует с бдительностью, когда испражняется и мочится; кто действует с бдительностью, когда идёт, стоит, сидит, засыпает, просыпается, разговаривает и молчит.

Вот каким образом он пребывает в созерцании тела как тела внутренне... ..ни к чему в мире не цепляясь. И так тоже монах пребывает в созерцании тела как тела.

Части тела

Далее, монахи, монах пересматривает это самое тело снизу вверх с подошв ступней и сверху вниз с кончиков волос [головы], обёрнутое кожей, полное разнообразных нечистот: «В этом самом теле есть волосы на голове, волосы на теле, ногти, зубы, кожа, плоть, сухожилия, кости, костный мозг, почки, сердце, печень, диафрагма, селезёнка, лёгкие, толстые кишки, тонкие кишки, содержимое желудка, фекалии, желчь, мокрота, гной, кровь, пот, жир, слёзы, кожное масло, слюна, слизь, суставная жидкость, моча».

Это как если был бы открытый с обеих сторон мешок, полный разных видов зерна – горного риса, бурого риса, бобов, гороха, проса, белого риса – и человек с хорошим зрением открыл бы его и пересматривал так: «Вот горный рис, вот бурый рис, вот бобы, вот горох, вот просо, вот белый рис» – точно также монах пересматривает это самое тело снизу вверх... жидкость, моча».

Вот каким образом он пребывает в созерцании тела как тела внутренне... ..ни к чему в мире не цепляясь. И так тоже монах пребывает в созерцании тела как тела.

Элементы

Далее, монахи, монах пересматривает это самое тело, как бы оно ни было размещено, в каком бы положении ни находилось,

посредством элементов так: «В этом теле есть элемент земли, элемент воды, элемент огня, элемент воздуха»⁷.

Подобно тому как умелый мясник или его ученик, убивший корову, разрезав её на куски, сидели бы на перекрёстке дорог, – точно также монах пересматривает это самое тело, как бы оно ни было размещено, в каком бы положении ни находилось, посредством элементов так: «В этом теле есть элемент земли, элемент воды, элемент огня, элемент воздуха»⁸.

Вот каким образом он пребывает в созерцании тела как тела внутренне... ..ни к чему в мире не цепляясь. И так тоже монах пребывает в созерцании тела как тела.

Кладбищенские созерцания

Далее, монахи, как если бы⁹ он увидел труп, брошенный на кладбище день, два, три тому назад, – мёртвый, раздувшийся, бледный, истекающий [нечистотами], – так и монах сравнивает с ним это самое тело так: «Это тело имеет ту же природу, оно будет таким же, оно не избежит этой участи».

Вот каким образом он пребывает в созерцании тела как тела внутренне... ..ни к чему в мире не цепляясь. И так тоже монах пребывает в созерцании тела как тела.

Далее, как если бы он увидел труп, брошенный на кладбище, пожираемый воронами, ястребами, грифами, собаками, шакалами, различными видами червей, – так и монах сравнивает с ним это самое тело так: «Это тело имеет ту же природу, оно будет таким же, оно не избежит этой участи».

Вот каким образом он пребывает в созерцании тела как тела внутренне... ..ни к чему в мире не цепляясь. И так тоже монах пребывает в созерцании тела как тела.

Далее, как если бы он увидел труп, брошенный на кладбище: скелет с плотью и кровью, стянутый сухожилиями... скелет без плоти, измазанный кровью, стянутый сухожилиями... скелет без плоти, стянутый сухожилиями... разъединённые кости, разбросанные повсюду – там кость руки, там кость ноги, там берцовая кость, там бедренная кость, там тазовая кость, там позвоночник, там рёбра, там грудная кость, там плечевая кость, там челюсть, там зуб, там череп, – так и монах сравнивает с ним это самое тело так: «Это тело имеет ту же природу, оно будет таким же, оно не избежит этой участи».

Вот каким образом он пребывает в созерцании тела как тела внутренне... ни к чему в мире не цепляясь. И так тоже монах пребывает в созерцании тела как тела.

Далее, как если бы он увидел труп, брошенный на кладбище, с побелевшими костями, цвета морской раковины... кости, собранные в кучу... кости, которым больше года, сгнившие и стёршиеся в пыль, – так и монах сравнивает с ним это самое тело так: «Это тело имеет ту же природу, оно будет таким же, оно не избежит этой участи».

Вот каким образом он пребывает в созерцании тела как тела внутренне, или он пребывает в созерцании тела как тела внешне, или он пребывает в созерцании тела как тела и внутренне и внешне. Или же он пребывает, созерцая в теле его природу возникновения, или же он пребывает, созерцая в теле его природу исчезновения, или же он пребывает, созерцая в теле его природу и возникновения, и исчезновения. Или же осознанность в отношении того, что «вот есть это тело», утверждена в нём лишь до той степени, [до которой] необходимо, [чтобы возникло] простое знание [об этом] и осознанность. И он пребывает независимым, ни к чему в мире не цепляясь. Вот как монах пребывает в созерцании тела как тела.

Созерцание чувств

И как, монахи, монах пребывает в созерцании чувств как чувств? Вот, чувствуя приятное чувство, монах понимает: «Я чувствую приятное чувство». Чувствуя болезненное чувство, монах понимает: «Я чувствую болезненное чувство». Чувствуя ни-приятное-ни-болезненное чувство, монах понимает: «Я чувствую ни-приятное-ни-болезненное чувство».

Чувствуя плотское приятное чувство, монах понимает: «Я чувствую плотское приятное чувство». Чувствуя духовное приятное чувство, монах понимает: «Я чувствую духовное приятное чувство». Чувствуя плотское болезненное чувство, монах понимает: «Я чувствую плотское болезненное чувство». Чувствуя духовное болезненное чувство, монах понимает: «Я чувствую духовное болезненное чувство». Чувствуя плотское ни-приятное-ни-болезненное чувство, монах понимает: «Я чувствую плотское ни-приятное-ни-болезненное чувство». Чувствуя духовное ни-приятное-ни-болезненное чувство, монах понимает: «Я чувствую духовное ни-приятное-ни-болезненное чувство»¹⁰.

Вот каким образом он пребывает в созерцании чувств как чувств внутренне, или он пребывает в созерцании чувств как чувств внешне, или он пребывает в созерцании чувств как чувств и внутренне и внешне. Или же он пребывает, созерцая в чувствах их природу возникновения, или же он пребывает, созерцая в чувствах их природу исчезновения, или же он пребывает, созерцая в чувствах их природу и возникновения, и исчезновения. Или же осознанность в отношении того, что «вот есть это чувство» утверждена в нём лишь до той степени, [до которой] необходимо, [чтобы возникло] простое знание [об этом] и осознанность. И он пребывает независимым, ни к чему в мире не цепляясь. Вот как монах пребывает в созерцании чувств как чувств.

Созерцание ума

И как, монахи, монах пребывает в созерцании ума как ума? Вот монах понимает ум с жаждой как ум с жаждой, а ум без жажды – как ум без жажды. Он понимает ум со злобой как ум со злобой, а ум без злобы – как ум без злобы. Он понимает ум с заблуждением как ум с заблуждением, а ум без заблуждения – как ум без заблуждения. Он понимает сжатый ум как сжатый ум, а отвлечённый ум – как отвлечённый ум. Он понимает возвышенный ум как возвышенный ум, а не-возвышенный ум – как не-возвышенный ум. Он понимает ум, который можно превзойти, как ум, который можно превзойти, а непревзойдённый ум – как непревзойдённый ум. Он понимает сосредоточенный ум как сосредоточенный ум, а несосредоточенный ум – как несосредоточенный ум. Он понимает освобождённый ум как освобождённый ум, а неосвобождённый ум – как неосвобождённый ум¹¹.

Вот каким образом он пребывает в созерцании ума как ума внутренне, или он пребывает в созерцании ума как ума внешне, или он пребывает в созерцании ума как ума и внутренне и внешне. Или же он пребывает, созерцая в уме его природу возникновения, или же он пребывает, созерцая в уме его природу исчезновения, или же он пребывает, созерцая в уме его природу и возникновения, и исчезновения. Или же осознанность в отношении того, что «вот есть этот ум», утверждена в нём лишь до той степени, [до которой] необходимо, [чтобы возникло] простое знание [об этом] и осознанность. И он пребывает независимым, ни к чему в мире не цепляясь. Вот как монах пребывает в созерцании ума в уме.

Созерцание умственных феноменов

Пять помех

И как, монахи, монах пребывает в созерцании умственных феноменов как умственных феноменов? Вот монах пребывает в созерцании умственных феноменов как умственных феноменов в отношении пяти помех. И как монах пребывает в созерцании умственных феноменов как умственных феноменов в отношении пяти помех?

Вот, когда в нём наличествует чувственное желание, монах понимает: «Во мне [в данный момент] есть чувственное желание». Если в нём нет чувственного желания, он понимает: «Во мне [в данный момент] нет чувственного желания». Он также понимает как происходит возникновение невозникшего чувственного желания, и как происходит отбрасывание возникшего чувственного желания, и как происходит будущее не-возникновение отброшенного чувственного желания.

Вот, когда в нём наличествует недоброжелательность...

Вот, когда в нём наличествует лень и апатия...

Вот, когда в нём наличествуют неугомонность и сожаление...

Вот, когда в нём наличествует сомнение, монах понимает: «Во мне [в данный момент] есть сомнение». Если в нём нет сомнения, он понимает: «Во мне [в данный момент] нет сомнения». Он также понимает как происходит возникновение невозникшего сомнения, и как происходит отбрасывание возникшего сомнения, и как происходит будущее не-возникновение отброшенного сомнения.

Вот каким образом он пребывает в созерцании умственных феноменов как умственных феноменов внутренне, или он пребывает в созерцании умственных феноменов как умственных феноменов внешне, или он пребывает в созерцании умственных феноменов как умственных феноменов и внутренне и внешне. Или же он пребывает, созерцая в умственных феноменах их природу возникновения,

или же он пребывает, созерцая в умственных феноменах их природу исчезновения, или же он пребывает, созерцая в умственных феноменах их природу и возникновение, и исчезновения. Или же осознанность в отношении того, что «вот есть эти умственные феномены», утверждена в нём лишь до той степени, [до которой] необходимо, [чтобы возникло] простое знание [об этом] и осознанность. И он пребывает независимым, ни к чему в мире не цепляясь. Вот как монах пребывает в созерцании умственных феноменов как умственных феноменов в плане пяти помех.

Пять совокупностей

Далее, монахи, монах пребывает в созерцании умственных феноменов как умственных феноменов в отношении пяти совокупностей, подверженных цеплянию¹². И как монах пребывает в созерцании умственных феноменов как умственных феноменов в отношении пяти совокупностей, подверженных цеплянию?

Вот монах понимает: «Такова материальная форма, таково её происхождение, таково её исчезновение. Таково чувство, таково его происхождение, таково его исчезновение. Таково восприятие, таково его происхождение, таково его исчезновение. Таковы формации [ума], таково их происхождение, таково их исчезновение. Таково сознание, таково его происхождение, таково его исчезновение».

Вот каким образом он пребывает в созерцании умственных феноменов как умственных феноменов внутренне... ни к чему в мире не цепляясь. Вот как монах пребывает в созерцании умственных феноменов как умственных феноменов в отношении пяти совокупностей, подверженных цеплянию.

Шесть сфер

Далее, монахи, монах пребывает в созерцании умственных феноменов как умственных феноменов в отношении шести внутренних и шести внешних сфер. И как монах пребывает в созерцании умственных феноменов как умственных феноменов в отношении шести внутренних и шести внешних сфер?

Вот монах понимает глаз, он понимает формы, а также он понимает пути, которые возникают в зависимости от обоих. Он также понимает как происходит возникновение невозникших пут, и как происходит отбрасывание возникших пут, и как происходит будущее не-возникновение отброшенных пут¹³.

Он понимает ухо, он понимает звуки...

Он понимает нос, он понимает запахи...

Он понимает язык, он понимает вкусы...

Он понимает тело, он понимает осязаемые вещи...

Он понимает ум, он понимает умственные феномены, а также он понимает пути, которые возникают в зависимости от обоих. Он также понимает как происходит возникновение невозникших пут, и как происходит отбрасывание возникших пут, и как происходит будущее не-возникновение отброшенных пут.

Вот каким образом он пребывает в созерцании умственных феноменов как умственных феноменов внутренне... ни к чему в мире не цепляясь. Вот как монах пребывает в созерцании умственных феноменов как умственных феноменов в отношении шести внутренних и внешних сфер.

Семь факторов просветления

Далее, монахи, монах пребывает в созерцании умственных феноменов как умственных феноменов в отношении семи факторов просветления¹⁴. И как монах пребывает в созерцании умственных феноменов как умственных феноменов в отношении семи факторов просветления?

Вот, когда в нём наличествует осознанность как фактор просветления, монах понимает: «Во мне [в данный момент] есть осознанность как фактор просветления». Если в нём нет осознанности как фактора просветления, он понимает: «Во мне [в данный момент] нет осознанности как фактора просветления». Он также понимает как происходит возникновение невозникшей осознанности как фактора просветления, и как возникшая осознанность как фактор просветления достигает осуществления посредством развития.

Когда в нём наличествует исследование состояний как фактор просветления...

Когда в нём наличествует усердие как фактор просветления...

Когда в нём наличествует восторг как фактор просветления...

Когда в нём наличествует безмятежность как фактор просветления...

Когда в нём наличествует сосредоточение как фактор просветления...

Когда в нём наличествует невозмутимость как фактор просветления, монах понимает: «Во мне [в данный момент] есть невозмутимость как фактор просветления». Если в нём нет невозмутимости как фактора просветления, он понимает: «Во мне [в данный момент] нет невозмутимости как фактора

просветления». Он также понимает как происходит возникновение невозникшей невозмутимости как фактора просветления, и как возникшая невозмутимость как фактор просветления достигает осуществления посредством развития.

Вот каким образом он пребывает в созерцании умственных феноменов как умственных феноменов внутренне... ни к чему в мире не цепляясь. Вот как монах пребывает в созерцании умственных феноменов как умственных феноменов в отношении семи факторов просветления.

Четыре Благородные Истины

Далее, монахи, монах пребывает в созерцании умственных феноменов как умственных феноменов в отношении Четырёх благородных истин. И как монах пребывает в созерцании умственных феноменов как умственных феноменов в отношении Четырёх благородных истин?

Вот монах понимает в соответствии с действительностью: «Это – страдание». Он понимает в соответствии с действительностью: «Это – происхождение страдания». Он понимает в соответствии с действительностью: «Это – прекращение страдания». Он понимает в соответствии с действительностью: «Это – путь, ведущий к прекращению страдания».

Вот каким образом он пребывает в созерцании умственных феноменов как умственных феноменов внутренне, или он пребывает в созерцании умственных феноменов как умственных феноменов внешне, или он пребывает в созерцании умственных феноменов как умственных феноменов и внутренне, и внешне. Или же он пребывает, созерцая в умственных феноменах их природу возникновения, или же он пребывает, созерцая в умственных феноменах их природу исчезновения, или же он пребывает, созерцая в

умственных феноменах их природу и возникновение, и исчезновения. Или же осознанность в отношении того, что «вот есть эти умственные феномены», утверждена в нём лишь до той степени, [до которой] необходимо, [чтобы возникло] простое знание [об этом] и осознанность. И он пребывает независимым, ни к чему в мире не цепляясь. Вот как монах пребывает в созерцании умственных феноменов как умственных феноменов в отношении Четырёх благородных истин.

Плоды

Монахи, если кто-либо развивает эти четыре основы осознанности таким образом в течение семи лет, то в отношении него можно ожидать одного из этих двух плодов – либо окончательного знания здесь и сейчас, либо, если ещё имеется остаточное цепляние, [состояния] не-возвращения¹⁵.

Не берите в расчёт семь лет, монахи. Если кто-либо развивает эти четыре основы осознанности таким образом шесть лет... пять... четыре года... три... два... один год, то в отношении него можно ожидать одного из этих двух плодов – либо окончательного знания здесь и сейчас, либо, если ещё имеется остаточное цепляние, [состояния] не-возвращения.

Не берите в расчёт один год, монахи. Если кто-либо развивает эти четыре основы осознанности таким образом семь месяцев... шесть... пять... четыре... три... два... один месяц... полмесяца, то в отношении него можно ожидать одного из этих двух плодов – либо окончательного знания здесь и сейчас, либо, если ещё имеется остаточное цепляние, [состояния] не-возвращения.

Не берите в расчёт полмесяца, монахи. Если кто-либо развивает эти четыре основы осознанности таким образом семь дней, то в отношении него можно ожидать одного из этих двух

плодов – либо окончательного знания здесь и сейчас, либо, если ещё имеется остаточное цепляние, [состояния] невозвращения.

В отношении этого так было сказано: «Монахи, это прямой путь, ведущий к очищению существ, к устранению печали и стенания, к исчезновению боли и грусти, к достижению истинного пути, к реализации ниббаны – то есть, четыре основы осознанности».

Так сказал Благословенный. Довольные, монахи восхитились словами Благословенного.

↑

1

SV: Экаяна-магга. Достопочтенный Бодхи переводит как "прямой путь" (достопочтенный Нянамоли – как "путь, ведущий только в одну сторону"), другие переводчики переводят как "единственный путь". Из метафоры в СН 47.12 с единственными воротами в крепости видно, что этот путь действительно является единственным (а не прямым, или ведущим в одну сторону), и, очевидно, именно так и следует переводить "экаяна-магга".

↑

2 SV: Комментарий поясняет, что "алчность и грусть" означают две помехи из пяти – чувственное желание и недоброжелательность.

↑

3 SV: Согласно МН 44, телесная формация – это и есть вдох и выдох.

↑

4 SV: Согласно Комментарию, "внутренне" означает созерцание собственного дыхания, а "внешне" – созерцание дыхания в других [существах]. Внутренне и внешне – поочерёдное рассмотрение собственного и чужого дыхания. Аналогично объясняются далее чувства, ум, умственные феномены.

↑

5 SV: Комментарий поясняет, что природу возникновения (самудая-дхамма) тела можно наблюдать в его обусловленном происхождении посредством неведения, каммы, а также моментных телесных феноменов, возникающих и исчезающих в теле. Исчезновение можно наблюдать как прекращение телесных феноменов из-за прекращения их обуславливающих причин, а также моментный распад моментных телесных феноменов.

↑

6 SV: Комментарий поясняет, что это нужно для большей или меньшей степени знания и осознанности.

↑

7 SV: В буддийской традиции эти элементы означают свойства материи – твёрдость, сцепление, температуру, расширение.

↑

8 SV: На наш взгляд, метафора с мясником и разрезанной коровой означает практикующего, который "разрезает" своим внутренним взором собственное тело. Перекрёсток означает пересечение четырёх сторон света, т.е. практикующий может рассматривать собственное тело с четырёх сторон, с четырёх перспектив – как землю, как воду, как огонь, как воздух, настроив восприятие только на что-то одно из них. Вероятно, к этой практике относится упоминание восприятий тотальностей в глубоких медитативных сосредоточениях (тотальность земли, воды, огня, воздуха). См. АН 10.29.

↑

9 Фраза "как если бы" (сеййятхапи) означает, что данные созерцания можно воображать в уме, и не обязательно для этого созерцать настоящий труп.

↑

10 Бодхи: Примеры "плотских" и "духовных" чувств есть в МН 137 в описании шести видов радости, грусти, невозмутимости, основанных на домохозяйской жизни и отречении.

SV: Плотские чувства – это чувства, связанные с чувственными объектами. Духовные чувства – чувства, связанные с медитативными достижениями, а также с плодом полного освобождения (см. СН 36.31).

↑

11 Бодхи: Рассмотрены пары благого и неблагого состояния, за исключением сжатого и отвлечённого ума, т.к. оба эти состояния являются неблагими. Согласно Комментарию, сжатый ум является таковым из-за сомнений, а отвлечённый – из-за неугомонности и сожаления. Возвышенный и непревзойдённый ум относится к состояниям джхан (миру форм), а превзойдённый ум и не-возвышенный относятся к миру чувств.

↑

12 Бодхи: Пять групп факторов, составляющих конкретную личность. Подробнее объясняются в МН 109.

SV: Происхождение и исчезновение пяти совокупностей объясняются схемой зависимого возникновения. См. СН 22.5.

↑

13 SV: Из СН 41.1: "Чёрный бык не является путами для белого быка, как и белый бык не является путами для чёрного быка. Но единая упряжь или ярмо, за счёт которого они

связаны вместе – вот где здесь путы. Точно также, достопочтенные, глаз не является путами для форм; формы не являются путами для глаза – но желание и жажда, что возникают в зависимости от обоих – вот где здесь путы. Ухо не является путами для звуков... нос не является путами для запахов... язык не является путами для вкусов... тело не является путами для осязаемых вещей... ум не является путами для ментальных феноменов – но желание и жажда, что возникают в зависимости от обоих – вот где здесь путы".

↑

14 SV: Объясняются в МН 118, а также подробно в СН 46.

↑

15 SV: То есть речь идёт либо о состоянии араханта, полностью просветлённого, либо не-возвращающегося, т.е. того, кто родится в мирах форм, где и достигнет ниббаны.

Приложение 3
Уведомления об авторских правах

EN

MN 141

PTS: [M iii 248](#)

Saccavibhanga Sutta: An Analysis of the Truths
translated from the Pali by

Thanissaro Bhikkhu © 2005

Alternate translation: [Piyadassi](#)

©2005 Thanissaro Bhikkhu.

The text of this page ("Saccavibhanga Sutta: An Analysis of the Truths", by Thanissaro Bhikkhu) is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License](#). To view a copy of the license, visit <http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>. Documents linked from this page may be subject to other restrictions. Transcribed from a file provided by the translator. Last revised for Access to Insight on 30 November 2013.

Sn 1.8 PTS: Sn 143-152

Karaniya Metta Sutta:

The Buddha's Words on Loving-Kindness

translated from the Pali by The Amaravati Sangha © 2004

Alternate translations: Ñanamoli | Buddharakkhita | Piyadassi |
ThanissaroThis sutta also

©1994 English Sangha Trust. You may copy, reformat, reprint, republish, and redistribute this work in any medium whatsoever, provided that: (1) you only make such copies, etc. available *free of charge*; (2) you clearly indicate that any derivatives of this work (including translations) are derived from this source document; and (3) you include the full text of this license in any copies or derivatives of this work. Otherwise, all rights reserved. Documents linked from this page may be subject to other restrictions. From *Chanting Book: Morning and Evening Puja and Reflections* (Hemel Hempstead: Amaravati Publications, 1994). Used with permission of the English Sangha Trust, Ltd. Last revised for Access to Insight on 2 November 2013.

How to cite this document (a suggested style): "Karaniya Metta Sutta: The Buddha's Words on Loving-Kindness" (Sn 1.8), translated from the Pali by The Amaravati Sangha. *Access to Insight (BCBS Edition)*, 2 November 2013, <http://www.accesstoinight.org/tipitaka/kn/snp/snp.1.08.amar.html> .

The Dhammapada:
The Buddha's Path of Wisdom
Translated from the Pali by Acharya Buddharakkhita
Introduction by Bhikkhu Bodhi
Copyright © 1985,

Buddhist Publication Society Kandy, Sri Lanka For free distribution only. You may print copies of this work for your personal use. You may reformat and redistribute this work for use on computers and computer networks, provided that you charge no fees for its distribution or use. Otherwise, all rights reserved.

DN 22
PTS: D ii 290

Maha-satipatthana Sutta:
The Great Frames of Reference

translated from the Pali by
Thanissaro Bhikkhu

© 2000

Alternate translation: [Burma Pitaka Assn.](#)

The updated version is freely available at dhammatalks.org

©2000 Thanissaro Bhikkhu. The text of this page ("Maha-satipatthana Sutta: The Great Frames of Reference", by Thanissaro Bhikkhu) is licensed under a [Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License](#). To view a copy of the license, visit <http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>. Documents linked from this page may be subject to other restrictions. Transcribed from a file provided by the translator. Last revised for Access to Insight on 30 November 2013.

How to cite this document (a suggested style): "Maha-satipatthana Sutta: The Great Frames of Reference" (DN 22), translated from the Pali by Thanissaro Bhikkhu. *Access to Insight (BCBS Edition)*, 30 November 2013, <http://www.accesstoinsight.org/tipitaka/dn/dn.22.0.than.html> . Retrieved

from

<https://www.dhammatalks.org/suttas/DN/DN22.html>. On Mar.12, 2021)

ID de la imagen: 2A2CCYX

Detalles de la imagen

Título de la imagen
Créditos

La rueda del Dharma o dharmachakra, sheach y caminar el camino del Nirvana
Natalia Andreychenko / Vector de stock de Alamy

Detalles de licencia

Tamaño

Libre de derechos - JPEG y vector

71,5 MB (3,1 MB comprimido)

FR

Sutta Nipata 1.8

Karaniya Mettā Sutta

Hymne de l'amour universel

(Traduit par Jeanne Schut <http://www.dhammadelaforet.org/> -
28/04/2023)
Siddhartha Gautama, le Bouddha.

Les traductions proposées sur ce site sont libres de droits, pour diffusion non-commerciale exclusivement. Toute reprise d'un texte doit mentionner, de façon claire, la source de celui-ci. Ce site s'attache à respecter les principes de la Tradition de la Forêt et ne saurait cautionner les sites et lieux de pratique qui ne suivraient pas ces principes.

Le Dhammapada Le Dhamma de la Forêt

La version établie à partir de la traduction du pali vers l'anglais du Vénérable Maha Thera Narada .<http://www.dhammadelaforet.org/>
29/04/2023

INFORMATIONS CONCERNANT LE SITE

Les traductions proposées sur ce site sont libres de droits, pour diffusion non-commerciale exclusivement. Toute reprise d'un texte doit mentionner, de façon claire, la source de celui-ci. Ce site s'attache à respecter les principes de la Tradition de la Forêt et ne saurait cautionner les sites et lieux de pratique qui ne suivraient pas ces principes.

Le projet du site
Monastères, centres et sites (français et anglais)
Flux rss Flux RSS - nouveaux textes publiés.
Pour nous contacter, adressez vos messages à :
dhammadelaforet@yahoo.fr

Satipatthana Sutta

Les fondamentaux de la pleine conscience
 DN 22 Mahāsatipaṭṭhāna Sutta
 Le grand discours sur l'établissement de l'attention

Traduction proposée par Rémy, sur la base du travail effectué par Thanissaro Bhikkhu, le VRI, et "Middle length discourses of the Buddha" de Bhikkhu Ñāṇamoli et Bhikkhu Bodhi. Publié comme un don du Dhamma, pour être distribué librement, à des fins non lucratives. Toute réutilisation de ce contenu doit citer ses sources originales.

ID de la imagen: 2A2CCYX

Detalles de la imagen

Título de la imagen
 Créditos

La rueda del Dharma o dharmachakra, enseñar y caminar el camino del Nirvana
 Natalia Andreychenko / Vector de stock de Alamy

Detalles de licencia

Tamaño

Libre de derechos - JPEG y vector

71,5 MB (3,1 MB comprimido)

PT

KARANIYA METTA SUTTA

O DISCURSO DA BONDADE

Somente para distribuição gratuita. Este trabalho pode ser impresso para distribuição gratuita. Este trabalho pode ser re-

formatado e distribuído para uso em computadores e redes de computadores tanto que nenhum custo seja cobrado pela distribuição ou uso.

De outra forma todos os direitos estão reservados. Fonte: <https://www.acessoainight.net/sutta/SnpI8.php>., download em 02/02/2021

O DHAMMAPADA – O CAMINHO DO
DHARMA

Acharya Buddharakkhit

*Traduzido do pāli para o inglês por
Acharya Buddharakkhit*

Tradução portuguesa de Bhikkhu Dhammiko

Transcrição integral do texto em sua formatação original com a generosa autorização do Mosteiro Budista Sumedhāramā, Ericeira, Portugal.

Mosteiro Budista Sumedhārāma <sangha@sumedharama.pt>

Caro Roberto

Boa tarde

Esteja à vontade para usar o texto, na íntegra ou parcialmente, sem edições posteriores, desde que seja exclusivamente comerciais.

Pode-nos enviar o link do sítio por favor?

Das informações autorais deverá constar: Mosteiro Budista Sumedharama, ou, Budismo Theravada da Floresta -C.R.; o Buddharakkhita e o tradutor Dhammiko Bhikkhu.

Com os nossos melhores votos

Ajahn Appamado

Budismo Theravada da Floresta - C. R.

Caminho do Vale Grande 59, Fonte Boa dos Nabos

2655-464 Ericeira Portugal telefone: 261 863 787

Majjhima Nikaya 10

Satipatthana Sutta Os Fundamentos da Atenção Plena

Fonte:

<https://www.acessoainsight.net/sutta/MN10.php>

Download em 200/32020

Somente para distribuição gratuita.

Este trabalho pode ser impresso para distribuição gratuita.

Este trabalho pode ser re-formatado e distribuído para uso em computadores e redes de computadores

contanto que nenhum custo seja cobrado pela distribuição ou uso.

De outra forma todos os direitos estão reservados.

ID de la imagen: 2A2CCYX

Detalles de la imagen

Título de la imagen
Créditos

La rueda del Dharma o dharmachakra, theach y caminar el camino del Nirvana
Natalia Andreychenko / Vector de stock de Alamy

Detalles de licencia

Tamaño

Libre de derechos - JPEG y vector

71,5 MB (3,1 MB comprimido)

RU

Учительные строфы Будды Шакьямуни
(Дхаммапада)

Перевод А. В. Парибка

©2010

Источник: © 2004 Буддизм России.

© 2010 Издание "Буддийского Просветительского Содружества", сайт "Колесо Дхаммы".

Условия использования: Только для бесплатного некоммерческого распространения. Разрешается копирование и размещение единичных материалов в Интернете в неизменном виде при условии, что все копии должны содержать это примечание, копирайты и ссылку на этот источник. В остальном все права сохранены.

Как сослаться на этот документ (предлагаемый вариант): А. В. Парибок: "Учительные строфы Будды Шакьямуни". Колесо Дхаммы, 2010, <http://dhamma.ru/canon/kn/dhp/paribok.html>.

Колофон: «Карания-метта-сутта: слова Будды о любящей доброте» (СН 1.8).

Переведено с пали на английский Сангхой Амаравати.
Опубликовано онлайн на Access to Insight (Legacy Edition), 2 ноября 2013. Переведено с английского на русский дост. Лобсангом Тенпой, 2016.

Лицензия исходного англоязычного текста: ©1994 English Sangha Trust. You may copy, reformat, reprint, republish, and redistribute this work in any medium whatsoever, provided that: (1) you only make such copies, etc. available free of charge; (2) you clearly indicate that any derivatives of this work (including translations) are derived from this source document; and (3) you include the full text of this license in any copies or derivatives of this work. Otherwise, all rights reserved.

Приложение 2.

Сатипаттхана-сутта: Основы осознанности

МН 10

Источник:

<https://www.theravada.ru/Teaching/Canon/Suttanta/Texts/mn10-satipatthana-sutta-sv.htm> - Дата загрузки: 24 октября 2023 г.

© theravada.ru – при копировании материалов
просьба ставить прямую ссылку на наш сайт.

ID de la imagen: 2A2CCYX

Detalles de la imagen

Título de la imagen
Créditos

La rueda del Dharma o dharmachakra, sheach y caminar el camino del Nirvana
Natalia Andreychenko / Vector de stock de Alamy

Detalles de licencia

Tamaño

Libre de derechos - JPEG y vector
71,5 MB (3,1 MB comprimido)

Приложение 4
Библиография

A Seneviratna (editor), //King Asoka and Buddhism//. Kandy.1993.

Abe Ryūichi, *Weaving of Mantra* (New York: Columbia University Press, 1999).

Ambros, Barbara R. *Women in Japanese Religions* (New York: New York University Press, 2015).

Aris, Michael. *Hidden Treasures and Secret Lives* (London: Routledge, 1989; Indian edition: Delhi: Motilal Banarsidass,1988).

ASen, //Asoka's Edicts//. Calcutta, 1956

Asian Studies, 2(2), 61-82. Retrieved March 11, 2021, from <http://www.jstor.org/stable/40860203>

Benn, James. *Burning for the Buddha* (Honolulu: University of Hawai'i Press, 2007).

Bennett, A. A. G. - Long Discourses of the Buddha, tr Bombay,1964; 1-16

Beyer, Stephan. *The Cult of Tara. Magic and Ritual in Tibet* (Berkeley: University of California Press, 1978).

Bhandarkar R., //Asoka//. Calcutta, 1955Bodhi, and Buddha. In the Buddhas Words: an Anthology of Discourses from the Pāli Canon. Wisdom Publications, 2015, ppv-xv; 1-5; 43-78; 373-384.

Bodhi, Bhikkhu (2005). In the Buddha's Words: An Anthology of Discourses from the Pali Canon. Boston: Wisdom Publications. ISBN 0-86171-491-1.

Buddhism and the Spirit Cults in Northeast Thailand (Cambridge: C.U.P., 1970).

Bullitt, John T. (2005). Dhamma. Retrieved 2007-11-08 from "Access to Insight" at <http://www.accesstoinsight.org/ptf/dhamma/index.html>.

Burma Pitaka Association, en Suttas from Digha Nikaya, Rangoon, 1984; 1, 2, 9, 15, 16, 22, 26, 28-9, 31

Buswell, Robert E., *The Zen Monastic Experience* (Princeton: Princeton University Press, 1992).

Cabezón, José, *Sexuality in Classical South Asian Buddhism* (Somerville, MA: Wisdom Publications, 2017).

Campany, Robert Ford. "On the Very Idea of Religions (in the Modern West and in Early Medieval China)." *History of Religions* 42 (2003), pp.287-319.

Chen, Kenneth. *Buddhism in China. A Historical Survey* (Princeton: Princeton University Press, 1972).

Chinese Buddhism. A Thematic History (Honolulu: University of Hawai'i Press, 2020).

Collins, Steven. *Selfless Persons* (Cambridge: Cambridge University Press, 1982).

Coogan, Michael D. (ed.) (2003). *The Illustrated Guide to World Religions*. Oxford University Press. ISBN 1-84483-125-6.

Dalton, Jacob. *The Taming of the Demons: Violence and Liberation in Tibetan Buddhism* (New Haven: Yale University Press, 2013).

Dauids, Rhys The Buddha's Philosophy of Man, tr, rev Trevor Ling, Everyman, out of print; 10 suttas including 2, 16, 22, 31

Davidson, Ronald M. *Indian Esoteric Buddhism: A Social History of the Tantric Movement* (New York: Columbia University Press, 2002).

Davidson, Ronald M. *Tibetan Renaissance: Tantric Buddhism in the Rebirth of Tibetan Culture* (New York: Columbia University Press, 2005)

Dhammananda, K. Sri (1964). *What the Buddhist Believe* (PDF). Buddhist Mission Society of Malaysia. ISBN 983-40071-1-6

Dhammiko, Bhikkhu -[MAHATHERA, Nyanatiloka. *A Palavra do Buddha*. Tradução de. Portugal: Mosteiro Budista Theravada, 2013. p. 25-54.

Dobbins, James. *Jōdo Shinshū: Shin Buddhism in medieval Japan* (Bloomington: Indiana University Press, 1989).

Dreyfus, George. *The Sound of Two Hands Clapping* (Berkeley: University of California Press, 2003).

Dunne, John D. *Foundations of*

Dharmakīrti's

Philosophy (Boston: Wisdom Publications, 2004).

Eubanks, Charlotte D. *Miracles of Book and Body: Buddhist Textual Culture and Medieval Japan*. Berkeley: University of California Press, 2011).

Farmer, Edward L., et al. Comparative History of Civilizations in Asia. Westview, 1986, pp. 82-91; 100-106. (PDF)

Faure, Bernard. "Bodhidharma as Textual and Religious Paradigm," *History of Religions*, Vol.25, No.3 (1986), pp.187-198.

Gellner, David N. *Monk, Householder, and Tantric Priest: Newar Buddhism and its Hierarchy of Ritual* (Cambridge: Cambridge University Press, 1992).

Gernet, Jacques. *Buddhism in Chinese Society. An Economic History from the Fifth to the Tenth Centuries* (Columbia University Press, 1995).

Gethin, Rupert (1998). *Foundations of Buddhism*. Oxford University Press. ISBN 0-19-289223-1.

Gethin, Rupert. *The Foundations of Buddhism* (Oxford: Oxford University Press, 1988).

Gimello, Robert M. "Random Reflections on the 'Sinicization' of Buddhism," *Society for the Study of Chinese Religions Bulletin* vol.5 (1978), pp.52-89.

Groner, Paul, *Saicho: The Establishment of the Japanese Tendai School* (Berkeley: Center for South and Southeast Asian Studies, University of

California/Institute of Buddhist Studies, 1984 or Honolulu: University of Hawai'i Press, 2000).

Gunaratana, Bhante Henepola (2002). *Mindfulness in Plain English*. Wisdom Publications. ISBN 0-86171-321-4

Gyatso, Janet. *Apparitions of the Self: The Secret Autobiographies of a Tibetan Visionary* (Princeton: Princeton University Press, 2998).

Harvey, Peter. *An Introduction to Buddhism: Teachings, History and Practices* (2nd edition: Cambridge: Cambridge University Press, 2012).

Hirakawa, Akira. *A History of Indian Buddhism*, Paul Groner, trans. (Honolulu: University of Hawai'i Press, 1990).

Jacoby, Sarah. *Love and Liberation: Autobiographical Writings of the Tibetan Buddhist Visionary Sera Khandro* (New York: Columbia University Press, 2015).

Jaffe, Richard. *Neither Monk Nor Layman: Clerical Marriage in Modern Japanese Buddhism* (Princeton: Princeton University Press, 2001).

Kapstein, Matthew T. *The Tibetan Assimilation of Buddhism. Conversion, Contestation, and Memory* (Oxford: Oxford University Press, 2000).

Kieschnick, John. *The Impact of Buddhism on Chinese Material Culture* (Princeton University Press, 2003).

La Trobe University (n.d.), "Pali Canon Online Database," onlinesearch engine of the Sri Lanka

Tripitaka Project's (SLTP) PaliCanon. Retrieved
 2007-11-12 at
<https://web.archive.org/web/20070927001234/http://www.chaf.lib.latrobe.edu.au/dcd/pali.htm>.

LaFleur, William R.: *The Karma of Words. Buddhism and the Literary Arts in Medieval Japan* (Berkeley: University of California Press, 1983).
 Lamotte, Étienne. *History of Indian Buddhism*, Sara Boin, trans. (Louvain-la-Neuve: Institut Orientaliste, 1988).

Linrothe, Rob. *Ruthless Compassion: Wrathful Deities in Early Indo-Tibetan Esoteric Buddhist Art* (Boston: Shambhala, 1999).

Lowe, Bryan D. *Ritualized Writing: Buddhist Practice and Scriptural Cultures in Ancient Japan* (Honolulu: University of Hawai'i Press, 2016)

Lowenstein, Tom (1996). *The vision of the Buddha*. Duncan Baird Publishers. ISBN 1-903296-91-9.

McDaniel, Justin. *The Lovelorn Ghost and the Magical Monk: Practicing Buddhism in Modern Thailand* (New York, Columbia University Press, 2011).

McRae, John R. *Seeing Through Zen. Encounter, Transformation, and Genealogy in Chinese Chan Buddhism* (Berkeley: University of California Press, 2003).

Mookerji, //Asoka//. Delhi, 1962

Ñāṇamoli, Bhikkhu (trans.) & Bodhi, Bhikkhu (ed.) (2001). *The Middle-Length Discourses of the*

Buddha: A Translation of the Majjhima Nikāya. Boston: Wisdom Publications. ISBN 0-86171-072-X.

Nelson, John. *Experimental Buddhism: Innovation and Activism in Contemporary Japan*. Honolulu: University of Hawaii Press, 2013)

Nyanatiloka (1980). *Buddhist Dictionary: Manual of Buddhist Terms and Doctrines*. Kandy, Sri Lanka: Buddhist Publication Society. ISBN 955-24-0019-8. Retrieved 2007-11-10 from "BuddhaSasana" at http://www.budsas.org/ebud/bud-dict/dic_idx.htm.

Ortner, Sherry. *Sherpas Through Their Rituals* (Princeton: Princeton University Press, 1989).

Powers, John. Introduction to Tibetan Buddhism. Snow Lion, an Imprint of Shambhala Publications, Inc., 2007, pp. 31-61. (Find a copy in a library near you)

Rambelli, Fabio. *Buddhist Materiality: A Cultural History of Objects in Japanese Buddhism* (Stanford: Stanford University Press, 2007).

Reader, Ian and George Joji Tanabe. *Practically Religious: Worldly Benefits and the Common Religion of Japan* (Honolulu: University of Hawai'i Press, 1998).

Reader, Ian: *Religion in Contemporary Japan* (Honolulu: University of Hawai'i Press, 1991).

Reynolds, F. (1985). THERAVADA BUDDHISM AND ECONOMIC ORDER. *Crossroads: An Interdisciplinary Journal of Southeast*

Rhys Davids, . - *Dialogues of the Buddha*, , 1899–1921, 3 volumes, Pali Text Society, Vol. 1, Vol. 2, Vol. 3.

Rhys Davids, T.W. & William Stede (eds.) (1921–25). *The Pali Text Society's Pali-English Dictionary*. Chipstead: Pali Text Society. A general on-line search engine for the PED is available at <http://dsal.uchicago.edu/dictionaries/pali/>.

Right thoughts at the last moment: Buddhism and deathbedpractices in early medieval Japan (Honolulu: University of Hawaii Press, 2016)

Samuel, Geoffrey. *Civilized Shamans: Buddhism in Tibetan Societies* (Washington: Smithsonian, 1993).

Schopen, Gregory. *Bones, Stones, and Buddhist Monks: Collected Papers on the Archaeology, Epigraphy, and Texts of Monastic Buddhism in India* (Honolulu University of Hawai'i Press, 1997). **or** *Buddhist Monks and Business Matters: Still More Papers on Monastic Buddhism in India* (Honolulu : University of Hawai'i Press, 2004).

Seneviratne, H. L. *The Work of Kings: The New Buddhism in Sri Lanka* (Chicago: University of Chicago Press, 1999).

Sharf, Robert H. "Buddhist Modernism and the Rhetoric of Meditative Experience." *Numen*, vol.42, no.3 (1985), pp.228-283.

Shen, Hsueh-man. *Authentic Replicas. Buddhist Art in Medieval China* (Hawaii: University of Hawaii Press, 2019).

Sircar D. C., //Inscriptions of Asoka//. Delhi, 1957

Snellgrove, David. *Indo-Tibetan Buddhism: Indian Buddhists and Their Tibetan Successors* (1 vol. ed., London: Serindia, 1987; 2 vol. ed., Boston: Shambhala, 1987).

Spiro, Melford. *Burmese Supernaturalism* (Englewood Cliffs, N.J.: Prentice Hall, 1967).

Stone, Jacqueline. *Original Enlightenment and the Transformation of Medieval Japanese Buddhism* (Princeton: Princeton University Press, 1999)

Strong, John. *Buddhisms: An Introduction* (London: Oneworld Publications, 2015).

Strong, John. *Relics of the Buddha* (Princeton: Princeton University Press, 2004).

Sujato, Bhikkhu -The Long Discourses, , 2018, published online at SuttaCentral and released into the public domain.

Tambiah, Stanley. *World Conqueror and World Renouncer* (Cambridge: C.U.P., 1976).

Tamura, Yoshiro *Japanese Buddhism: A Cultural History* (Kosei Publishing Company, 2001).

Teiser, Stephen F. *The Ghost Festival in Medieval China* (Princeton: Princeton University Press, 1988).

Thanissaro Bhikkhu (trans.) (1997). *Samaññaphala Sutta: The Fruits of the Contemplative Life (DN 2)*. Retrieved 2007-11-11 from "Access to Insight" at <http://www.accesstoinight.org/tipitaka/dn/dn.02.0.than.html>.

Thanissaro, Bhikkhu (trans.) (1998). *Kutthi Sutta: The Leper (Ud. 5.3)*. Retrieved 2007-11-12 from "Access to Insight" at <http://www.accesstoinight.org/tipitaka/kn/ud/ud.5.03.than.html>.

The Buddhist Saints of the Forest and the Cult of Amulets (Cambridge: C.U.P., 1984).

The Rhetoric of Immediacy. A Cultural Critique of Chan/Zen Buddhism (Princeton: Princeton, University Press, 1991).

Thurman, Robert A. F. (translator) (1976). *Holy Teaching of Vimalakirti: Mahayana Scripture*. Pennsylvania State University Press. ISBN 0-271-00601-3.

Walpola Rahula (1974), *What the Buddha Taught*, Grove Press ISBN 0-8021-3031-3.

Walshe Maurice, *Thus Have I Heard: the Long Discourses of the Buddha*, tr Wisdom Pubs, 1987; later reissued under the original subtitle; ISBN 0-86171-103-3

Walshe, Maurice (1995). *The Long Discourses of the Buddha: A Translation of the Dīgha Nikāya*. Boston: Wisdom Publications. ISBN 0-86171-103-3.

Warder, Anthony Kennedy. *Indian Buddhism*. Motilal Banarsidass, 2008, pp. 1-25; 27-79. (Find a copy in a library near you)

Wedemeyer, Christian. *Making Sense of Tantric Buddhism: History, Semiology, and Transgression in the Indian Traditions* (New York: Columbia University Press, 2012).

Welch, Holmes. *The Practice of Chinese Buddhism* (Cambridge Mass: Harvard University Press, 1967).

Westerhoff, Jan. *The Golden Age of Indian Buddhist Philosophy* (Oxford: Oxford University Press, 2018).

Williams, Duncan Ryūken. *The other Side of Zen: A Social History of Sōtō Zen Buddhism in Tokugawa Japan* (Princeton/Oxford: Princeton University Press, 2005).

Williams, Paul with Anthony Tribe and Alexander Wynne. *Buddhist Thought* (London: Routledge, 2013).

Williams, Paul. *Mahāyāna Buddhism: The Doctrinal Foundations* (2nd ed., London: Routledge, 2008).

Yamamoto, Kosho (translation), revised and edited by Dr. Tony Page. *The Mahayana Mahaparinirvana Sutra*. (Nirvana Publications 1999-2000).

Yin Shun, Yeung H. Wing (translator) (1998), *The Way to Buddhahood: Instructions from a Modern Chinese Master*, Wisdom Publications ISBN 0-86171-133-5.

Yü, Chün-fang. *Kuan-yin. The Chinese Transformation of Avalokiteśvara* (New York: Columbia University Press, 2001).

Zürcher, Erik. *The Buddhist Conquest of China. The Spread and Adaptation of Buddhism in Early Medieval China* (Leiden: E.J. Brill, 1972).